

ПИОНЕР 11

1984

Татьяна КОТЕНЕВА

«НУЛЕВОЙ КИЛОМЕТР»

У «нулевого километра», там, где берет начало трасса БАМа, стоит обелиск, а у его подножия огоньками горят чудесные цветы — здесь их называют жарками.

У «нулевого километра»
Цветут жарки.
Не гаснут от дождя и ветра
Их костерки.

Отсюда БАМ решили мерить,
Вести отсчет.
Большой реки обжили берег.
Ушли вперед.

Река резвилась и вдогонку
Бросала пену.
Ее недаром, как девчонку,
Назвали Лена.

На Север летом неизменен
Привычный путь.
И можно всю Сибирь по Лене
Перемахнуть.

От Лены на восток стальная
Течет река.
Она кончается у края
Материка.

У «нулевого километра»
Берут начало две реки.
По берегам толпятся кедры.
Цветут жарки.

В течение десяти лет Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина провела три трудовые операции: «БАМу — пионерские рельсы», «БАМу — пионерские поезда», «БАМу — пионерские мосты и туннели».

В ходе трудовых операций юные ленинцы собрали два с половиной миллиона тонн металлического лома.

Юные геологи магистрали века вместе со старшими ведут разведку полезных ископаемых в районе БАМа.

Со всех концов страны в библиотеки БАМа поступали посылки с книгами.

Пионеры Северной Осетии подарили строителям варежки и носки, связанные своими руками.

Пионеры Казахстана вырастили для строителей яблоки, а пионеры Узбекистана — гранаты.

Ребята Читинской области провели операцию «Золотое руно» и собрали 15 тонн шерсти, из которой для строителей БАМа изготовлено девять тысяч пар валенок.

Юные пионеры школ БАМа зорко стоят на охране природы.

СЛЕТ СЛЕТ СЛЕТ

Пролетело пять лет со времени II Всесоюзного тимуровского слета. И вот снова, как и пять лет назад, гостеприимный город Черкассы, что на Украине, в июле этого года принимал участников Всесоюзного тимуровского слета, на этот раз третьего. Пятьсот лучших тимуровцев страны съехались в пионерский лагерь «Свитанок» под Черкассами...

Какими они были, шесть дней слета? Напряженными. Рабочими. Интересными. Очень короткими. И прекрасными.

Веселые автобусы, наполненные песнями и смехом, мчали тимуровцев на торжественное открытие слета, на трудовой десант в колхозы Черкасской области, на экскурсии. И был самый волнующий день, когда ребята приехали в город Канев: там похоронен любимый детьми писатель Аркадий Петрович Гайдар. В тот день все до единого были сосредоточенны, говорили и думали о Гайдаре, о своем месте во всесоюзном тимуровском строю.

А по вечерам в пионерлагере «Свитанок» проходили викторины и конференции, ребята готовили «боевые листки», обсуждали тимуровскую выставку, обменивались опытом и адресами. И еще по вечерам в лагерном лесу вспыхивали отрядные костры. Ребята слушали рассказы ветеранов, пели песни, и, казалось, нет ничего прекраснее минут и часов слета, нет ничего лучше посидеть вот так, обнявшись, с новыми друзьями, у жаркого костра, искры которого улетают к небу, к звездам, к ночному спокойному миру. Но почему казалось — так оно и было!..

На открытии слета выступила секретарь ЦК ВЛКСМ Людмила Ивановна ШВЕЦОВА. Вот что она сказала.

Дорогие ребята!

Более 40 лет в рядах пионерской организации действуют тимуровцы — люди с отзывчивым сердцем, боевым характером, верные гайдаровскому завету: «Дарить радость людям».

Сегодня всесоюзная тимуровская команда — это многомиллионная краснозвездная гвардия. Здесь, в Черкассах, собрались ее боевые командиры. Вам предстоит подвести итоги работы тимуровцев за последние годы, вместе подумать, как действовать дальше.

Ленинский комсомол надеется, что вы примете самое деятельное участие в подготовке к 40-летию Великой Победы над фашизмом, внесете свой важный вклад в операцию «Салют, Мир!», укрепление могущества нашей Отчизны.

Многое делается вами, чтобы каждый ветеран войны и труда, семьи погибших были окружены заботой.

Верные интернациональному долгу, несут свою службу воины из ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Мы уверены, что эти ребята и их семьи также не останутся без доброго внимания тимуровцев.

Будьте разведчиками, первопроходцами главных дел на Всесоюзном марше юных ленинцев. Ваше место там, где труднее

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

НОЯБРЬ 11

Москва 1984 г.

Издательство «Правда»

Выходит с 15 марта 1924 г.

всего, где нужна помощь. Люди должны чувствовать, что там, где живут и действуют пионеры, тимуровцы, нет места бесхозяйственности и нарушению норм морали, там не будет покоя квакинцам.

Донесите все, что узнаете и решите на слете, до каждого пионерского отряда, каждой пионерской дружины.

Пусть в каждом селе, в каждом городе действуют боевые команды, готовые прийти на помощь в любое время дня и ночи по первому зову.

Работайте смело, самостоятельно, творчески!

Мы задали некоторым участникам слета всего один вопрос: КАКОЕ, НА ИХ ВЗГЛЯД, КАЧЕСТВО ПРИСУЩЕ ТИМУРОВЦАМ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ?

ДОБРОТА

— ответил нам Андрей Полунин, семиклассник из школы №3 города Ливны Орловской области, председатель школьного штаба Тимура.

— Да, да, именно доброта, только не надо ее путать со всякими сладенькими девчоночьими нежностями. Тут совсем другое.

Однажды мы сидели у себя в школе, в тимуровском штабе, и думали, какой бы подарок, сюрприз приготовить подшефным нашим ветеранам к празднику. По-разному предлагали сделать, даже слегка заспорили, а тут открывается дверь — и на пороге два мальчика и девчонка.

— Чего вам? — спрашиваем.

— Ничего. Записаться к вам. Чтоб тоже — тимуровцами.

Ну, мы, конечно, обрадовались — пополнение все-таки. Только кто-то из ребят возьми и скажи:

— А чего вы в тимуровцах делать-то будете, а?

Мальчишки растерялись сначала, а девчонка вылезла вперед, решительная такая, и говорит громко:

— Добро делать будем, понятно? Добро добрым людям.

Мы их сразу и приняли. Потом собрались опять было поспорить о подарках для ветеранов, да как-то расхотелось. Поняли, что главное все-таки не в сюрпризах, а в том, чтобы в каждом деле нашем доброта проявлялась. Очень важно, как, с каким сердцем ты придешь к пожилому человеку — с холодным, равнодушным или с чутким, заботливым. Любой самый красивый подарок, сделанный равнодушно, «для мероприятия», не в радость человеку будет. И наоборот, поможешь искренне, просто наколешь ветерану дров или в магазин ему сбегаешь, — он счастлив будет.

Только доброта, она не сама собой берется, не из воздуха. Думаю, у истоков ее память. Память о минувшей войне, о том, что пришлось пережить людям на тяжелых фронтовых дорогах. У каждого из наших тимуровцев хранятся в семье крупицы этой памяти. И у меня тоже. Мама рассказывала, что ее отец, мой дедушка Миша, пропал без вести на фронте. Так до сих пор и ждут его мои родные. А во дворе у моей бабушки, под стеной сарая, еще лет двадцать после войны лежала неразорвавшаяся фашистская бомба, постоянно напоминая о страшном военном времени.

Наша тимуровская доброта к ветеранам вытекает из этой неугасимой памяти. И мы всегда будем стремиться делать добро добрым людям, хотя бы во имя того, чтоб больше не пришла на нашу землю война.

хныкать. Обступили мы того здорового, попросили спокойно:

— Верни деньги. И не делай так больше никогда.

Он возмутиться хотел, даже подраться, но по глазам нашим, видно, понял, что мы от своего не отступимся. И отдал мальчишке его медяки, еще и извинился.

Можно, конечно, назвать тот наш поступок благородным, сказать, что именно так должны поступать настоящие тимуровцы, но мы ничего особого в этом не увидели. Кроме одного: мы поступили так, как и обязаны были поступить. Обязаны. По законам тимуровской чести, только и всего.

Мне кажется, что эти законы требуют от нас разбираться до конца в любой ситуации, выяснять и отстаивать истину до предела, до того момента, когда она восторжествует. А не отмахиваться лениво, не сворачивать с дороги на самой середине, не бросать начатого.

Такие поступки я и называю честными.

ЧЕСТНОСТЬ

— сказал Витя Иванов, семиклассник из школы № 14 украинского города Александрия, командир школьного тимуровского штаба.

— Нет, я знаю, каждый пионер должен быть честным, говорить только правду, никого не обманывать... Но это честность наших слов, наших обещаний. Я же считаю, что у тимуровцев и дела все должны быть честными до конца. Что это значит? Сейчас постараюсь объяснить.

Идем мы как-то с ребятами из нашего отряда по скверу. Кто-то (сейчас и не помню, кто именно) оглянулся и говорит:

— Смотрите, что это там?

А там, за кустами, парень здоровый стоял перед малышом, совсем карапузом, первоклашкой, наверное, и спрашивал о чем-то.

— А, ерунда, пошли дальше,— отмахнулся другой наш товарищ.

И ушли бы так и, казалось бы, ничего нечестного этим не совершили бы. Мы же не знали, что тот верзила деньги у малыша отнимал. Могли бы спокойно пройти мимо.

Но мы свернули.

Малыш как раз уже начинал

ПАТРИОТИЗМ

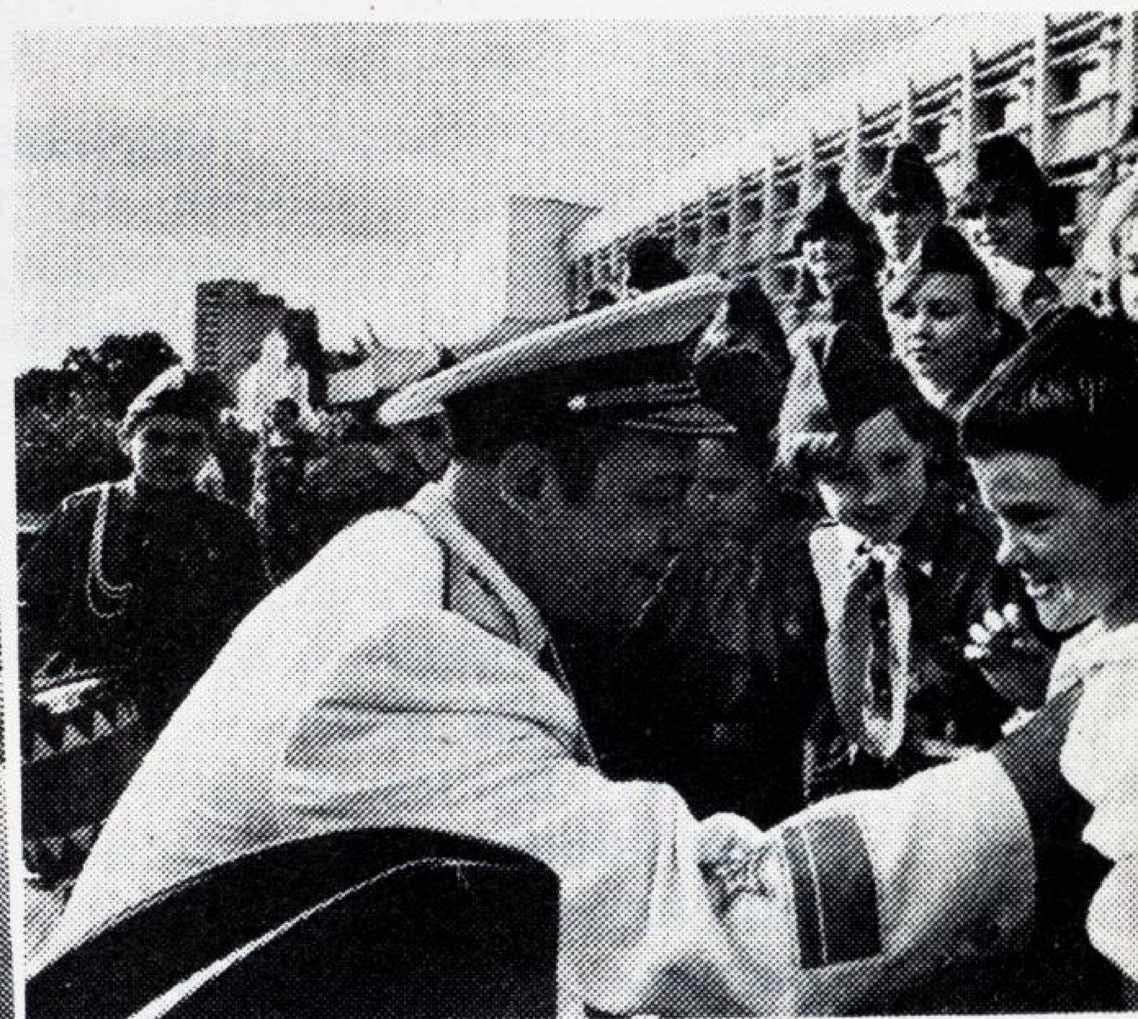
— сказала Рузанна Макарян, семиклассница из Ддмашенской школы, что под городом Севаном Армянской ССР, председатель совета дружины.

— И пусть не покажется вам это слово слишком громким. Для наших тимуровцев это вполне конкретное понятие, за ним — вполне конкретные дела.

Что такое Матенадаран, знают ребята по всей Армении. Именно так называется музей древних армянских рукописей и истории нашего народа в Ереване. Для этого музея наш тимуровский отряд и собирает мате-

риал. Конечно, найти какие-нибудь старинные рукописи, имеющие огромную историческую ценность, очень трудно, удается это даже взрослым ученым редко. Но мы, ребята, помогаем музею тем, что собираем воспоминания стариков об истории нашего края, о вековой борьбе армянского народа за освобождение от гнета поработителей, старинные песни, легенды.

Возможно, кто-то удивится, засомневается даже: а тимуровское ли это дело — помогать музею?

Тогда я спрошу: разве не должны тимуровцы любить свою родную землю, свой край, изучать его историю? И разве не по-тимуровски будет, распространяя знания, учить и других любви к своей Родине?

Когда мы приходим в дома к пожилым людям, заводим разговоры о временах давних и трудных, они вместе с нами словно возвращаются в свою молодость, заново переживают увиденное и потом лучше, отчетливее понимают сегодняшнюю нашу счастливую жизнь.

Вот что кроется для нас за слишком, казалось бы, громким словом «патриотизм».

Главное наше тимуровское дело помогает лучше, быстрее справляться с другими заботами, повседневными мероприятиями, которых, конечно же, очень много.

Это и работа на колхозных полях, и уборка сена, и помощь на ферме, уход за телятами. Не перечислишь всего.

Но что бы мы ни делали, чем бы ни занимались, не забываем о том самом музее в столице республики, имя которому — Матенадаран.

НАСТОЙЧИВОСТЬ

— сказала Таня Колесник, шестиклассница из школы №13 города Владивостока, комиссар в штабе «Мальчиш» детского клуба А. П. Гайдара при домоуправлении.

— Есть у нас в штабе интересное дело, которое без настойчивости мы не смогли бы начать и продолжить.

Однажды мы случайно в библиотеке офицеров Тихоокеанского флота, готовясь к 80-летию со дня рождения А. П. Гайдара, нашли маленькую книжечку В. Королева «Гайдар шагает впереди».

«Гайдар шагает впереди» — наш девиз, и так называется наша отрядная песня. Поэтому мы очень обрадовались, когда к нам в руки попала книга с таким названием.

В книге военный журналист, капитан II ранга запаса В. Королев подробно рассказывает о жизни и деятельности специального корреспондента «Тихоокеанской звезды» А. Гайдара на Дальнем Востоке в 1932 году.

Разнообразны пути-дороги писателя на Дальнем Востоке, и прошел он по ним не один раз. Очень захотелось отыскать нам людей, с которыми А. Гайдар встречался, узнать, чем он интересовался, каким остался в воспоминаниях очевидцев. Мы начали поиск. Ниточки-тропинки из книги повели нас к людям, знавшим А. П. Гайдара. Не все легко давалось тимуровцам. С некоторыми очевидцами мы так никогда и не встретимся — их уже нет в живых. С другими не сразу договаривались о встречах: кто был занят, кто болел.

Но все же нам удалось собрать материалы о пребывании А. П. Гайдара в наших краях. Материалы интересные и, как мы выяснили, до сегодняшнего дня неизвестные.

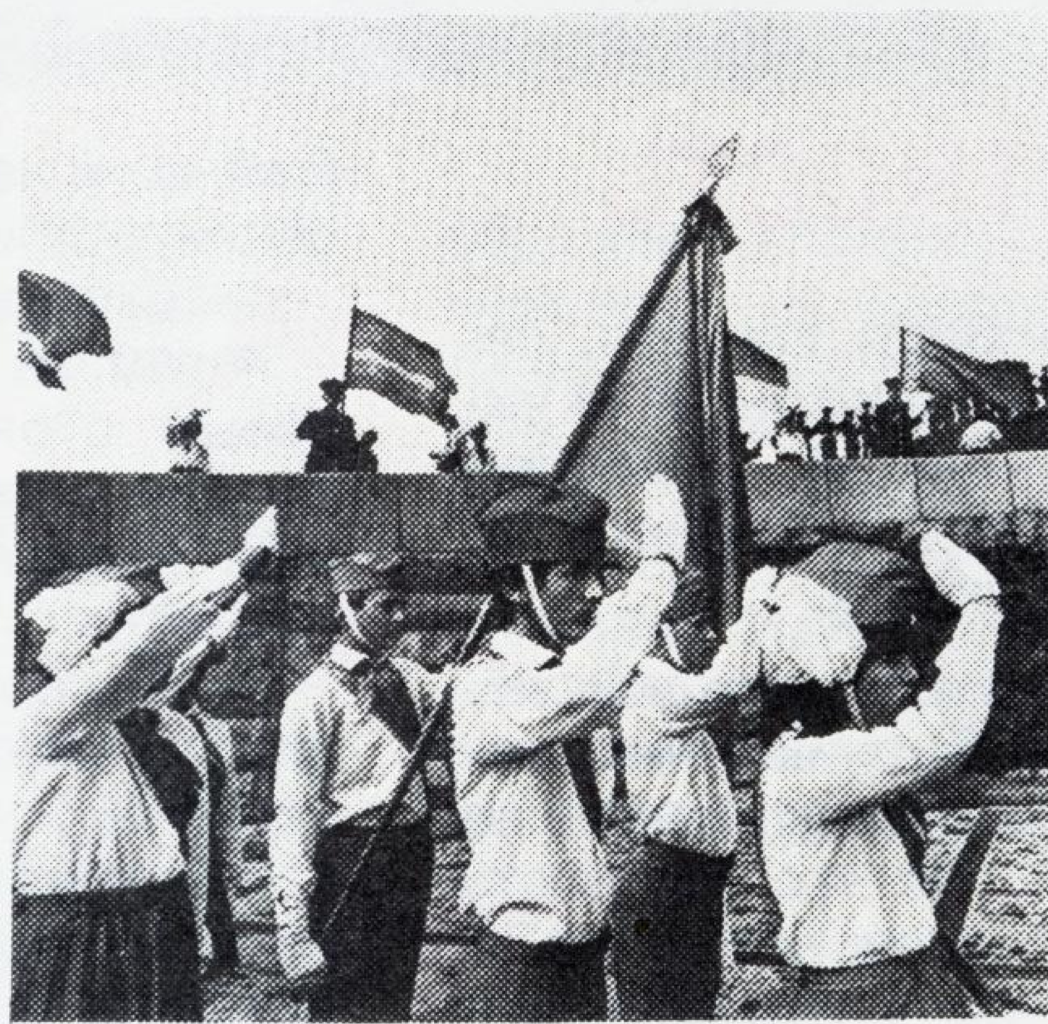
А без настойчивости нет поиска. Без настойчивости нельзя начинать новое трудное дело. И на мой взгляд, настойчивость — качество емкое, сложное. Состоит оно и из любознательности, и из упорства, и из желания интересно работать.

Вот с такими мыслями ехала я на III Всесоюзный тимуровский слет. Жаль только, что весь наш тимуровский штаб не смог приехать.

О находках, сделанных владивостокскими тимуровцами, мы расскажем в одном из первых номеров следующего года.

На III Всесоюзном слете тимуровцев присутствовало много почетных гостей — ветеранов тимуровского движения, писателей, героев войны и труда. «Пионер» обратился к ним с вопросом: что бы они пожелали тимуровцам 80-х годов? Вот что они ответили.

Новомир Маркович ГАРЦУНЕНКО — Тимур прифронтового Киева в 1941 году.

— В грозные годы войны, когда нам, тимуровцам прифронтового Киева, посчастливилось встретиться с Аркадием Петровичем Гайдаром, мы четко выполняли его наказ: не болтаться под ногами старших, а чем можно помогать Родине. И мы помогали. Разносили повестки военкоматов, собирали в эвакуацию семьи командиров и бойцов, шефствовали над госпиталями, а иногда выполняли и опасные

поручения — выслеживали вражеских лазутчиков и диверсантов. Не болтаться под ногами старших. Я думаю, этот гайдаровский наказ должен действовать и сегодня в каждой тимуровской команде. Постоянно искать новые интересные дела, вносить в них тепло сердец. И не пищать, если трудно. Думаю, и это показал слет, у тимуровцев 80-х годов есть много сил для того, чтобы вносить свой посильный вклад в дела старших.

Борис Николаевич КАМОВ — член Союза писателей СССР, член Всесоюзного штаба Тимура.

— На слете я встретил много славных ребят. Они из разных мест. Из Молдавии и Дальнего Востока, из Ставрополя и Архангельска, из Башкирии и Таджикистана... Отрадно, что у нас появляются новые боевые центры тимуровского движения, отрадно, что книги Гайдара для них — это своеобразный душевный приказ действовать без подсказки, действовать там, где это необходимо. И мне хочется пожелать тимуровцам 80-х годов как можно больше знать о жизни и подвиге Гайдара, «переболеть» Гайдаром каждому, кто хочет носить гордое имя тимуровец. Читайте Гайдара, читайте книги о Гайдаре. Старайтесь занимать такую жизненную позицию, какую занимал сам Гайдар и герои его книг. А эта позиция активная, неуемная, требующая постоянного поиска, находчивости, смелости и мужества.

Василий Иванович СКРЫПНИК — партизан, боевой товарищ А. П. Гайдара.

— Даже в самые трудные дни жизни нашего партизанского отряда Гайдар умел вселять в окружающих веру в победу. Да, тяжкие, грозные и суровые были эти дни, о них вспоминать трудно даже сейчас, когда наш народ готовится отметить 40-летие Великой Победы. И мне бы хотелось пожелать тимуровцам 80-х годов воспитывать в себе чувство уверенности в правоте нашего великого дела, такое чувство, каким обладал бессмертный Гайдар. Аркадий Петрович был боевым командиром в годы гражданской войны, таким он остался и в 41-м. Быть командиром почетно и ответственно. И пусть каждый командир тимуровской команды, тимуровского отряда ведет за собой ребячье войско так же смело и отважно, как это делал Гайдар.

Ашот Бадалович МАНУКЯН — ветеран войны, боевой товарищ А. П. Гайдара.

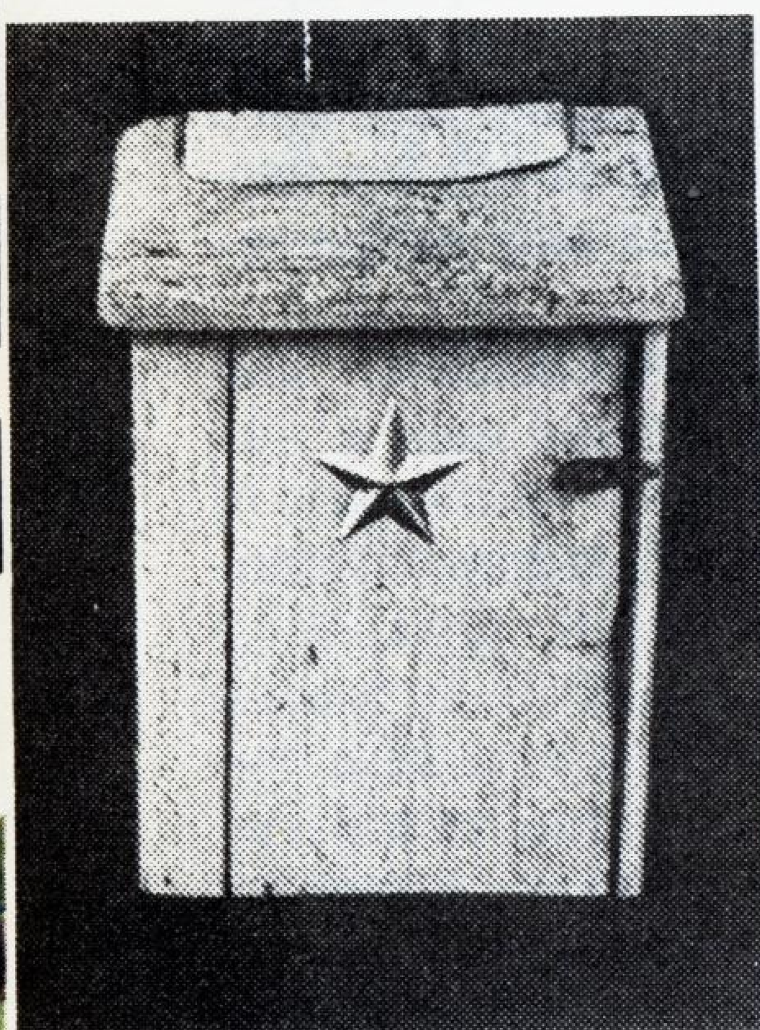
— Аркадий Петрович спас мне жизнь. Я был с ним рядом всего несколько дней, но эти минуты и часы, проведенные с Аркадием Петровичем, оставили в моей душе неизгладимый след. Он всегда был смел, решителен, спокоен. Он всегда заботился о людях. И это доказал каждым днем своей жизни. Вынося меня, раненного в тылу врага, он все время говорил: «Потерпи, еще немножко потерпи, и все будет хорошо. Сегодня враг силен, завтра мы будем сильнее». Слова Гайдара оправдались. Он не увидел светлого Дня Победы, но на стене поверженного рейхстага было написано имя Гайдара. Мне хочется пожелать тимуровцам 80-х годов всегда помнить, что приносить радость людям, помогать людям, тем более тем, кто попал в беду, — это замечательная черта советского образа жизни. Воспитывайте в себе эту черту!

Богдан Иосифович ЧАЛЫЙ — член Союза писателей СССР.

— III Всесоюзный слет тимуровцев стал прекрасным символом дружбы детей всех союзных республик. И это замечательно! Творчество Гайдара — наше национальное достояние. Сам Гайдар, его жизнь и подвиг — пример того, как надо крепить дружбу всех народов нашей Отчизны. Крепите эту дружбу и цените ее. В этой дружбе — залог всех наших побед.

Тимур Аркадьевич ГАЙДАР — контр-адмирал.

— Хочу пожелать тимуровцам 80-х годов еще крепче дружить с Советской Армией, готовиться к защите нашей Родины. А для этого надо постоянно закалять себя, не бояться трудностей, вступать в борьбу со всем тем, что мешает нам жить. Изживайте формализм, показуху в тимуровской работе, и побольше творчества в любом деле — в малом или большом.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА ПРИ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» ВЫРАЖАЕТ СЕРДЕЧНУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ПАРТИЙНЫМ, КОМСОМОЛЬСКИМ, ПРОФСОЮЗНЫМ И СОВЕТСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ВСЕМ КОММУНИСТАМ, КОМСОМОЛЬЦАМ ЧЕРКАССКОЙ ОБЛАСТИ ЗА ПОДГОТОВКУ И ПРОВЕДЕНИЕ III ВСЕСОЮЗНОГО СЛЕТА ТИМУРОВЦЕВ, ЗА ТЕПЛОТУ И СЕРДЕЧНОСТЬ, С КОТОРЫМИ ВСТРЕЧАЛИ ДЕЛЕГАТОВ СЛЕТА В ДНИ ЕГО ПРОВЕДЕНИЯ ЖИТЕЛИ ЧЕРКАЩИНЫ.

Фотографии В. АРСИРИЯ и С. ПАРСАДАНЯНА.

Всесоюзный сбор-поиск «ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ»

Быть гражданином Советской страны - это значит быть честным в деле и жизни.

В дни каникул в редакции «Пионера» побывали таганрогские пионеры — участники сбора-поиска «Верность красному галстуку». Они приехали вместе со своими учителями, пионервожатыми и секретарем Октябрьского райкома комсомола города Таганрога. Получился очень интересный разговор, о котором мы хотим вам рассказать.

КИРИЧЕНКО НАТАЛЬЯ, 12-я школа, председатель совета дружины. Наша дружина носит имя В. Терешковой. Все наши пионеры захотели участвовать в сборе-поиске «Верность красному галстуку», и на пионерской линейке все отряды получили задание.

ТОТОСОВА ЛЕНА, 12-я школа. Получив задание совета дружины, наш отряд разделился на пять звеньев и принялся записывать пионерские биографии своих родителей. Родители нам очень помогали. Многие отдавали самые дорогие реликвии своего пионерского детства. Оказалось, что мама Тани Рыбалко была председателем совета дружины, мама Светы Болдыревой — председателем совета отряда. А бабушка Веры Ереминой за активную пионерскую работу награждалась поездкой в Москву. Важно было записать не только их биографии, но и их советы, как лучше наладить пионерскую работу в отрядах, дружине.

ПАРФЕНОВА ГАЛИНА АНАТОЛЬЕВНА, секретарь Октябрьского райкома комсомола города Таганрога. Ребята, очень прошу вас, расскажите поподробнее, чем помогли вам рассказы, опыт родителей. Мы должны быть им благодарны. Они так хорошо помогают теперь в нашем пионерском деле.

ВОЙТАШЕНКО ЛЕНА, 27-я школа. Моя мама рассказала о том, что помогало ей учиться отлично. Еще она рассказала, как их отряд вел тимуровскую работу, шефствовал над семьей Орловых. Говорила мама и о том, как создать агитбригаду, как сделать, чтобы ее выступления хорошо слушали. Мама Лены Бочкаревой вспоминала свое детство на Смоленщине. Дальние, на 80 километров, походы, встречи с ветеранами войны и тоже тимуровскую работу. Все это очень помогло в наших отрядных делах. Тимуровской работы у нас совсем не было. А теперь мы помогаем семье Кожухаровых: ходим в магазин, аптеку, прибираем квартиру.

НОВИКОВ ВЛАДИСЛАВ, 12-я школа. Мы тоже с помощью родителей лучше наладили тимуровскую работу. Создали городской и районные штабы. Проводили тимуровские десанты, акции «Детский дом», «Малышок», «Красные звезды Тимура». Шефствуем над детскими домами № 5 и № 2. Подружились с детдомовскими ребятами, ходим с ними гулять. Мы делаем для них разные подарки. Они читали нам стихи, пели песни. Наша агитбригада тоже подготовила для них концерт. Так и получается: мы — им, они — нам.

КУРОЧКИНА ВЕРА, 12-я школа. У нас есть один ветеран войны, который живет в очень плохих условиях. Мы хлопочем за него. Скоро он получит квартиру.

МЯГКИХ ВИТА, 12-я школа. Сидорин Олег Сергеевич рассказал нам о своем военном детстве. Он сказал, что за активную работу их награждали кусочком хлеба. И мы задумались, как относимся к хлебу мы. Он вспоминал, как встречали первый военный Новый год, как сами делали игрушки. Но было очень весело. И потом мы говорили о том, как надо устраивать праздники, чтобы никто не скучал.

ШПАК ЛЕНА, 28-я школа, ответственная за поисковую работу. Мы говорили о том, как наша дружина отметит юбилей Победы. Мы сейчас активно ведем поиск героических эпизодов войны. Моя мама рассказала ребятам, как они, деревенские пионеры, организовали подпольный пионерский отряд — 15 человек. Сборы проводили в мамином доме. Долгое время они прятали раненого советского бойца, когда он выздоровел, помогли ему добраться до партизан.

УСТИМЕНКО АНЖЕЛА, 2-я школа. Очень помог нам в нашей сегодняшней пионерской жизни рассказ Татьяны Иннокентьевны Савиной. Она объяснила нам, как работать в зоне пионерского действия. Мы теперь тоже разделили свои заботы в зоне пионерского действия дружины по отрядам.

ГАДУШНИКОВА ЛАРИСА, 2-я школа. Очень важно, что родители теперь активно делятся с нами своим пионерским опытом. Отец Сережи Штанько ведет, например, у нас кружок выжигания.

КАМИНСКАЯ ЛЕНА, 14-я школа. А мама Лены Мороз выступала раньше за честь своей школы по спортивной гимнастике. Теперь и Лена занимается гимнастикой. Они обещали и для нас проводить занятия, для тех, кто хочет.

МИХАЙЛОВ СЕРГЕЙ, 12-я школа. Во всех школах, где прошел сбор-поиск «Верность красному галстуку», ребята и родители подружились. Отря-

ды стали дружнее, все пионеры стали лучше учиться, стали активнее.

КУРОЧКИНА ВЕРА, 12-я школа. На пленуме горкома комсомола подводились итоги сбора-поиска «Верность красному галстуку». Нам было очень приятно слышать, что наш сбор-поиск помог улучшить пионерскую работу всех дружин города.

«ПИОНЕР» БЛАГОДАРИТ РЕБЯТ ТАГАНРОГА ЗА ИНТЕРЕСНЫЙ РАССКАЗ И ЗА ДОБРЫЕ ДЕЛА И ЖЕЛАЕТ ИМ УСПЕХОВ ВО ВСЕХ НАЧИНАНИЯХ!

«Пионер» благодарит ребят Таганрога за интересный рассказ и за добрые дела.

БЫТЬ ГРАЖДАНИНОМ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

Что значит быть гражданином Советской страны? Мы говорили об этом на сборе. Это значит жить жизнью и делами Родины. Мы стараемся хорошо учиться, помогаем тем, кому нелегко дается учеба. Мы бережем школьное имущество, мебель, пособия, учебники, стремимся, чтобы наша классная комната была чистой, чтобы все наши ребята бережно относились к хлебу. Наш пионерский отряд каждый год перечисляет деньги, которые мы сами зарабатываем, в Фонд мира. Отправили мы три посылки в детские дома. Отослали деньги и на строительство монумента Славы в «Артеке». Мы помогаем стареньким, взяли шефство над переулком у интерната. Содержим в порядке и наш пришкольный участок. У нас свое небольшое хозяйство, и мы помогаем понемногу выполнять Продовольственную программу. Сдаем в магазин яйца, масло, молоко. Быть гражданином Советской страны — это значит быть честным в деле и жизни. Мы хотим так жить. Вырасти трудолюбивыми. И жить не только для себя, но и для страны. И людям делать добро, приносить радость.

С пионерским приветом, по поручению отряда имени В. Терешковой — Л. БУРДА, Ростовская область, Зимовниковский район, с/с «Дружба», Северная средняя школа № 13.

УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

Мы продолжаем наш разговор об учителях, об учении. Ждем и твоего рассказа, твоих размышлений о реформе школы.

ОЛЬГА ИВАШИНЕНКО, с. Б. Дворы, Белгородская область. Я окончила 8-й класс, но продолжаю читать «Пионер». Он помогает мне и в работе с пятиклассниками. Попробую поделиться с вами своими размышлениями о реформе школы. Мне кажется, для того, чтобы хотелось учиться, учителю надо заинтересовать учеников, как можно увлекательнее проводить уроки. Уроки русского языка и литературы, которые в нашей школе проводит Любовь Давлетовна, все ждут. Как встречу со сказкой. Поэтому мы с удовольствием учим уроки и жалеем, если урока литературы нет.

Мне кажется, что каждому человеку интересно заниматься самообразованием, но кто-то же должен объяснить, как это делать. У нас многим помогает в самообразовании воспитатель группы продленного дня Булгакова Надежда Федоровна. В молодости она была пионервожатой и очень хорошо понимает ребят. Она научила нас быть активными. Теперь мы сами, без напоминаний, готовим концерты для механизаторов, выступаем на фермах. Нам интересно принимать участие во всех трудовых делах, и это тоже заслуга Надежды Федоровны. Наша Надежда Федоровна, как ласковая и добрая мама, терпеливо объясняла нам все, что было непонятно. И наступил момент, когда мы все хорошо стали понимать и сами могли объяснить все тем, кто нас младше. Мы после восьмого класса пойдем в училища, но никогда не забудем своего Учителя жизни.

ЭЛЯ КАСЬЯНИК, пос. Николаевка, Камчатская область. Когда мы идем на урок к Нине Степановне Дюкаревой, мы знаем: будет интересно. Мы уверены: все свои знания она отдает нам. И свою доброту и чуткость. Она, Нина Степановна, научила нас доброте, самостоятельности, организованности, дисциплине. И за это ей большое спасибо.

ЮРИЙ ЧЕРНЫШОВ, г. Днепропетровск. Прошло уже два года, как ушла из нашей школы Светлана Ивановна Печенюк, но ребята всегда вспоминают ее добрым словом. На ее уроки математики мы бежали. Она рассказывала интересно, учила с душой. Как-то раз я спросил ее, почему она выбрала именно этот предмет. Она в ответ рассказала историю. Как-то в ту школу, где после войны училась Светлана Ивановна, пришла новая учительница математики. И не понравилась ребятам. Лицо у нее было какое-то странное, старое, в шрамах. Говорила она грубоватым голосом, курила. Но уроки вела так, что не полюбить ее было невозможно. А потом одноклассники Светланы Ивановны узнали, что их новая учительница прошла всю войну, была медсестрой. И тогда им стало и вовсе стыдно за свое поведение. И стыдно плохо учить уроки. Светлана Ивановна решила стать похожей на свою любимую учительницу, тоже учить ребят математике. Я думаю, и среди наших ребят кто-то тоже изберет себе эту профессию.

Лия СИМОНОВА,
лауреат премии
Союза журналистов СССР

СТРЕЛА

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 10.

Дома Нина сказала, что хочет навестить отца, разузнать, что с ним теперь. Нина, хоть и не часто виделась с отцом, относилась к нему с любовью. Отец от нее никогда не отказывался, помогал, как умел. Если случалось отправляться в город, всегда на обратном пути заходил в дом деда Павло, приносил Нине гостинцы. Ну, а то, что жила она не с ним, а с дедушкой и бабушкой, так это не его вина, мамина просьба. И хорошо, что так вышло, что мама, умирая, позаботилась о ней. Зачем ей жить с мачехой, когда у нее есть родные бабуня и дедуня.

Бабуня, услышав, что Нина навострилась в Новое Дуброво, сразу же воспротивилась ее желанию. Уперлась: не пущу — и все тут. Какое гулянье, по таким-то временам? Но дед Павло уговорил ее: «Объясняет же человек, что соскучилась. Пусть отца проведает. Видно же, что она никакая не партизанка. Девчонка босоногая. Идет с картошкой да луком в суме в соседнюю деревню, навестить отца. Что особенного?»

Только спустя долгое время оценила Нина полной мерой ненавязчивую дедову подсказку: что брать с собой, как одеваться, как вести себя по дороге. Оценила и всегда потом вспоминала с благодарностью дедову мудрость.

В ночь перед тем днем, как приспело Нине идти в Велешковичи, шел сильный дождь и свирепел ветер. Ветер, казалось, пришел не один, целая компания ветров. И они гудели на разные голоса, может быть, ссорились или боролись, пересиливая друг друга. И все вокруг сотрясалось от их шума.

Нину несло по дороге, как пушинку в воздухе. С трудом удерживаясь на ногах, она пыталась идти быстро. Холщовая сумка с парой картофелин и парой луковиц внутри, мотаясь на ветру, больно била ее по бедру. Но она вроде и не замечала этого. Ей стала нравиться игра с ветром, который толкал ее в спину, увлекая за собой и будто поторапливая навстречу неизвестному. Стремительный бег наперегонки с ветром как-то даже усмирял ее волнение: «Вдруг опоздаю? Вдруг не дождутся, уйдут? Вдруг что-то случится, не примут?»

В Велешковичах, как и в Стасеве, хозяйствовали теперь гитлеровские солдаты. Сдернув флаг с сельского Совета, они успокоились: нет больше в этой деревеньке Советской власти. Им, воспитанным совсем в ином восприятии мира, поначалу и в голову не приходило, что прямо под боком у них в доме своих родителей живет секретарь подпольного райкома комсомола Тамара Дубовко. Ни мыслью, ни взглядом не умели они выхватить ее среди других деревенских женщин и девушек. Именно на это и рассчитывая, Тамара поспешно плела свою сеть из множества нитей, невидимых вражьему глазу. И Нина Можейко, как казалось Тамаре, могла стать важным узлом в этом хитросплетении.

Нина по рассказам Лени Захаренко сразу узнала Тамару. Темные, глубокие, с иронической искоркой глаза. Брови вразлет. Орлиный нос. Короткая стрижка. Волевой рот, плотно сомкнутые губы. Чуть потертая кожанка на крепких, сильных плечах. В плотной, коренастой фигуре — сила, воля, энергия.

Тамара будто невзначай прогуливалась у школы. Заслышав торопливые Нинины шаги, стремительно, резко обернулась и, видно, тоже сразу признала Нину. Улыбнулась приветливо. Шагнула навстречу, бросила тяжелую руку на Нинино плечо, спросила грудным, грубоватым голосом: «Можейко?» И не переводя дыхания: «Будем знакомы. Тамара».

От холода и от волнения Нина не могла справиться с дрожью. Тамара заметила это, только когда обняла Нину за плечи, повела. Быстрым движением, ловко скинула она кожанку, перехватила на лету рукой, завернула в нее Нину. Посмотрела ей в глаза, сказала почти ласково:

— Ну что, Можейчиха, работаешь? Молодец! Смелая ты девчонка! — И совсем по-свойски, доверительно: — Дядю я твоего знала, Николая... Алексеевича. Добрый мужик. Учились мы с ним вместе. Он, случаем, не поминал меня? Может, называл Домной? — Она вроде с надеждой глянула на Нину. Сделала паузу. Улыбка спорхнула с ее лица, губы жестко сомкнулись.

— Терпеть не могу этого имени — Домна,— брезгливо поморщилась.— Сталь нам надо закалять без домн и мартенов. Так что запомни: Тамара я. Тамара Дубовко.

Так, с разговором, привела она Нину в небольшой деревянный домик под соломенной крышей. Он притулился, спрятался на задворках школы, и не разглядишь его с дороги. Может, раньше жила там сторожиха или нянечка. Теперь всю комнату, казалось, занимал длинный дощатый стол. Вокруг

деревянные скамьи. В углу — печка. За столом вольно расположились пятеро парней. Нине почему-то бросилось в глаза, что все они в кепках. И вроде бы на ходу: едва присели и долго не задержатся. Лица у парней были суровые, а где-то внутри глаз светилась улыбка.

— Ну вот, знакомьтесь, люди добрые,— в голосе Тамары звучал металл, а слова она произносила ласковые,— привела я к вам ту самую Можейчиху, что мосты пожгла.

— Ты что же это, одна?— недоверчиво спросил один из сидящих за столом.

Нина не ответила. Обиделась, насупилась.

— Да ты не обижайся,— сразу понял ее молодой человек.— Я верю. Но больно уж лихо. Храбрая ты.

— Храбрая,— согласился другой парень.— Молодец. Мы Леониду сначала не поверили. Думали, заливает. А ты молодец! Молодец!

— Ну, ладно, болтать долго некогда,— грубовато ворвалась в разговор Тамара.— Что уж тут. За поясами у вас револьверы. Это она, Нинка, для вас перетаскала их в Василеву пуню. Мосты тоже ее работа. Так как же, станем принимать ее в комсомол? Какие будут мнения?

«Какие могут быть мнения?», «Хорошее у нас о ней мнение», «В нашем полку, считай, прибыло», «Принять ее, и все тут»,— разом зашумели ребята. И Тамара, обеспокоенная этим, недовольно поморщилась. Остановила шум рукою.

— Принять так принять. Тем более, что в школе обещали ей к ноябрьским праздникам.— Тамара улыбнулась своей короткой, всегда неожиданной улыбкой, спросила:— Голосуем?

Все хлопцы с готовностью потянули кверху руки, прямо как на школьном уроке.

— Смотри, Можейчиха, везет тебе — единогласно,— протрубила Тамара, и искорки иронии снова заплясали в ее глазах.— Поздравляю тебя. Действуй. Будь и дальше такой же храброй.— И, стремительно схватив Нинину руку, Тамара тяжело потрясла ее. Словно неспециально обронила:

— Билет получишь, когда прогоним гитлеровских гадов. Поняла?

— Поняла,— нерешительно промямлила Нина. Хотя до ее сознания еще не дошло, что она уже комсомолка. Ей все еще казалось, что вот сейчас начнут спрашивать ее устав, или биографию, или международное положение. Как бывало это до войны. И она нерешительно переминалась с ноги на ногу. Но никто больше ни о чем у нее не спрашивал. Молодые люди поднялись из-за стола, по очереди трясли и сжимали ее руку, поздравляли. Один даже сказал особенно уважительно:

— Поздравляю вас, Нина Степановна.

Тамара цыкнула на него:

— Вот еще, Степановна. Она же девчонка.— И, словно спохватившись, спросила:— А галстук твой пионерский где? Не потеряла часом?

— Потеряла?— Нина снова от обиды прикусила губу, сбросила на скамью Тамарину кожанку, рванула манжет своей куртки, выхватила сложенный в несколько раз красный пионерский галстук.— Вот он, смотрите.

— Ну ладно, ладно,— примирительно сказала Тамара.— Спрячь. Подальше спрячь, чтобы не попался на глаза фашистам. Тоже мне конспиратор.— И снова, обняв Нину за плечи, легонько подтолкнула ее к двери.

Нине не хотелось уходить. Она пригрелась, разомлела. Ей хотелось теперь, когда все волнения были уже позади, посидеть с ребятами, поговорить, познакомиться поближе. Они так хорошо, так уважительно говорили о ней. Ей приятно было бы узнать их имена, запомнить получше их лица. Но, видно, не ко времени пришлось ее желание, и не полагалось теперь знать лишнего.

Тамара тащила ее уже куда-то, а ноги плохо слушались. На улице по-прежнему свирепели ветры, но Нина их почти не слышала. Она не ощущала уже ни холода, ни усталости, ни волнения. Очнулась, когда почувствовала на плече тяжесть Тамариной руки.

— Скажу тебе по секрету,— очень тихо, прямо в самое ухо шептала Тамара, выводя Нину из Велешковичей на дорогу.— Быть тебе, Можейчиха, партизанской разведчицей.— Перехватила Нинин вопросительный взгляд, погасила его своим, зашептала:— Ты, конечно, хочешь в отряд. Все хотят. Да только при твоей хитрости да храбрости ты нам нужнее в Стасеве, у дороги. Смекаешь? Там ты наши глаза и уши. Сколько фашистских машин прошло? Что везут: оружие, технику? Сколько? Сколько солдат в гитлеровских гарнизонах по деревням? О чем говорят враги наши? Какое настроение у своих, у деревенских? Все запоминай, все нам пригодится. Захаренко рассказывал, будто ты хотела актрисой стать? Вот и стань, Нина. И стань. Прикинься простушкой, дурочкой, нищенкой босоногой. Такую роль сыграешь, Можейчиха,— лучше, чем в театре! Поняла?

— Поняла,— неуверенно согласилась Нина, чтоб и в самом деле не показаться дурой, а внутри нее метались, сталкиваясь и опрокидывая друг друга, несосчитанные вопросы: как? что? когда? у кого? где?

Нина увидела, что Тамара обнаружила внутреннее ее смятение, сдвинула брови вразлет, сказала кратко, жестко:

— Говорить долго нет возможности. Разберешься по ходу дела. На связь к тебе будет приходить Леонид. Если не придет, сама пойдешь в Михалово. У тебя там, говорили мне, дядька двоюродный — Самусь Можейко? Так? Ну вот. Тетка у тебя там замужем за Гайковым Виктором Герасимовичем. В той хате о тебе тоже знать будут. Не пропадешь. Ладно?— И Тамара выпустила Нину из своих рук, подтолкнула в объятия бушевавших ветров. И они снова с лихой силой и вроде бы радостью понесли Нину по дороге, через пущу, луга и деревни, к новой, непривычной пока еще жизни.

ЧАСТЬ II

Смысл и размах всякого дела всегда легче понять и представить себе лицами, характерами, действиями тех людей, которые принимали в них участие, возглавили их. И в этом повествовании о Нине Можейко не обойти нам памятью секретаря Лиозненского подпольного райкома комсомола Тамару Дубовко.

Тамара Дубовко в лиозненских деревнях была своим человеком. Тут, в деревне Морачи, она родилась. Жила в Велешковичах, Велешковскую семилетку кончала. Училась с ребятами и девчонками из соседних деревень, в которых были только начальные школы или вовсе школ не было. Все в округе знали, что Тамара, способная к учению,

раньше срока окончила ФЗО металлистов и хорошо работала токарем на заводе имени Кирова в Витебске.

Характер Тамаре выдался беспокойный. Сколько помнили ее в родных местах, вечно хотелось ей чего-то нового, неизведанного. Мучил ее интерес к людям, событиям, знаниям. И только тогда она была сама собою, когда находилась в поиске.

Как только прозвучал по стране призыв Зинаиды Троицкой: «Женщины — на железнодорожный транспорт!»,— так, не раздумывая, отправилась Тамара на курсы вагонных мастеров, выучилась на помощника машиниста. В этой должности, которая еще продолжала казаться всем мужской, Тамара чувствовала себя как нельзя лучше.

Ее хвалили, приводили в пример другим, и комсомол ее приметил. Путевка Центрального Комитета комсомола Белоруссии увлекла ее за собой в Чижевский район Белостокской области, когда западные районы воссоединили с республикой и надо было помогать строить в тех краях советскую жизнь.

Там и настигла война Тамару, которую избрали секретарем Чижевского райкома комсомола. Фашисты перешагнули границу нежданно и топтали уже землю родных деревень и городов. И долго размышлять не приходилось. Надо было решать, как поступать. Тамара поспешила на родину, где хорошо знала людей, леса, поля, хмызняк по обочинам дорог и сами эти дороги. Дома, казалось ей, она принесет больше пользы.

К концу июня притащилась она почти без сил в Витебск, потом усилием воли заставила себя добраться до Лиозно и 5 июля принята была первым секретарем Центрального Комитета комсомола Белоруссии Михаилом Васильевичем Земяниным. В начале июля в Лиозно и в совхозе Адаменки расположились для работы Центральные Комитеты Коммунистической партии и комсомола Белоруссии и Витебский областной комитет КП(б)Б. Партия и комсомол создавали подполье, намечали явочные квартиры, оставляли связных и организаторов партизанских отрядов.

Тамаре велено было обживаться в родных местах, чтобы возглавить Лиозненский подпольный райком комсомола.

Кому хоть раз пришлось отвечать за других людей, знает, какой это великий, а порой и непосильный груз. День ото дня мыслью и сердцем приучала себя Тамара нести тяжесть этого груза среди войны, врагов, опасности, которая подстерегала любой, самый малый промах.

Приглядываясь и наблюдая, еще и еще раз проверяя свой выбор, соединила Тамара не сразу, по одному, четырнадцать человек в своей деревне Велешковичи. Только она, Тамара, знала, что теперь их четырнадцать. Все остальные думали поначалу, что их двое, трое, а то и вовсе лишь он или она — единственное доверенное лицо Тамары. Осторожность и беспокойство за каждого определяли условия.

Особыми, только ей, Тамаре, известными путями выведала она, что в деревне Замшено учительница Сумникова Анна Александровна припрятала радиоприемник. И вместе с товарищем своим, тоже учителем, Кузьмой Степановичем Гринкиным слушает Москву и записывает сводки Совинформбюро. Ночами Анна и Кузьма делают листовки и раскидывают их по деревням Замшенского сельсовета. И только фашисты верят в то, что этого сельсовета больше не существует.

Тамаре пришлось хорошо подумать, а потом и организовать все так, чтобы приемник Анны Сумниковой могли слышать не только в Замшено, но и во всем районе. Там и сям разные люди по цепочке, не зная ни начала ее, ни конца, должны были получать, переписывать и передавать листовки по всему району. И наводнить, затопить ими лиозненские деревеньки, фашистские гарнизоны и комендатуры, дороги, которыми ходят партизаны.

Постепенно в ближних и дальних деревнях и даже в Лиозно и Витебске находились люди, на которых можно было надеяться. По проселочным тропинкам и по шоссе, по лугам и лесам — повсюду разбрелись посланники комсомольского секретаря, только по крайней необходимости пересекаясь друг с другом. Они разбрасывали и расклеивали листовки. Глазами и слухом схватывали и переносили сведения, которым не было цены: где, что, кто, с кем, с чем, куда, откуда, когда, зачем, сколько? В лесах и полях только что стихнувших сражений находили они оружие, снаряды, боевую технику, медикаменты. Как муравьи, стаскивали все, что попадалось, в заветные, скрытые от чужого глаза места, чтобы взять, когда понадобится.

Сведения, которые удавалось добыть, оружие и боеприпасы всеми правдами и неправдами исхитрялась Тамара передавать возникавшим партизанским отрядам, а позже армейской разведке. С армией связывала ее Василиса Яковлевна Кудевик из деревни Шевляки, а иной раз некий человек по имени Алексей, который приходил будто бы от Василисы. Но Тамара видела, что путь его не близок и, скорее всего, пересекает линию фронта. Но никогда ни о чем не спрашивала ни у Василисы, ни у Алексея, как не позволяла и своим людям задавать вопросы себе.

Во всем этом круговороте людей и событий Тамара была основной пружиной действия. Нина Можейко — одним из множества действующих лиц. Нина не знала никого, кто, возможно, совсем рядом

ходил с ней по дорогам. Никогда не пыталась узнать то, что лично ей, Нине, не полагалось знать для дела. И, конечно, не угадывала размаха этого дела, заняв в нем свое, в меру ума и мужества далеко не последнее место.

Крутясь перед осколком старого зеркала, которое Нина неожиданно для всех прицепила к стене сарая, она увидела в этом зеркале неодобряющий бабушкин взгляд и такое знакомое с детства едва заметное, осуждающее покачивание головой. И при этом, как всегда, ни единого слова. Что уж тут говорить, не нравилось бабушке, что в такую-то лихую годину крутится ее внучка перед зеркалом, примеряя наряды. Но, как ни тяжело это было для Нины, не могла она раскрыться перед бабуней, рассказать ей, что всякий раз, собираясь в свой нелегкий и порой дальний путь, должна хорошо сначала продумать и создать свой облик, свой персонаж. Превратиться в босоногую нищенку в старом тряпье, с холщовой сумой за плечом. Обернуться неутешной молодой женой, изможденной и обессиленной в поисках мужа, который якобы где-то здесь попал в окружение и, говорят люди, бродит по лесам. Или, закрутив косы крендельками и украсив бантами, показаться вдруг несмышленой девчоночкой в коротенькой юбке, с широко раскрытыми наивными глазами. Роль, которую она играла в тот или иной день, определяло полученное ею от Тамары или от партизан задание. Но объяснить свой театр бабуне Нина не имела права. И оставалось ей только привычно броситься бабуне на шею, затискать в объятиях и расцеловать.

Сегодня прямого задания у Нины не было. Но она чувствовала, понимала, что подполье и партизан особенно интересует гарнизон и комендатура в Лиозно, где был большой железнодорожный узел, сжимались в кулак железная и шоссейная дороги на Смоленск и на Москву. В лиозненском фашистском котле варилось еще и зелье, которым насильно пытались опоить деревеньки их района. Стряпали там ложь, будто Красной Армии капут, Москве капут, Советской власти капут, и обращали эту ложь в воззвания и приказы, которые неизменно кончались словами: «Будет расстрелян!», «Будет повешен!», «Будет наказан по законам военного времени!». Молодежи пытались отбить аппетит к жизни сладенькими конфетками в цветастых

Хлопцы с готовностью потянули кверху руки... В комсомол Нину приняли единогласно.

Рисунки В. ДУДКИНА.

обертках с ядовитой начинкой: «Германия, мол, самая цивилизованная страна. Всякий, кто увидит Германию, вдохнет воздух западной культуры, станет иным, более совершенным человеком. Не надо, мол, бояться, надо стремиться уехать в Великую Германию, познакомиться с настоящей жизнью...» Мало ли еще всякой гнусности накипало в фашистском вареве, и последнее время Нину уже не оставляло желание опрокинуть этот котел, загасить, если уж не порушить совсем, адову печь.

В Лиозно Нина ходила часто, навещала тетку. Тетка Марина, отцова сестра, и вправду, все деревенские знали это, перебралась в Лиозно на постоянное жительство еще перед войной. Нина якобы таскала Марине из деревни пяток яиц, кусочек сала, а Марина, вроде такая у них была договоренность, подарила ей пальтишко потеплее, какие-то туфли для близкой зимы. Так оно выглядело со стороны. На самом же деле Марина, в первое время сама того не сознавая, стала для Нины связной.

Жила она на Вокзальной улице, в центре событий. Глаз у нее оказался острый, наблюдательный. Марина подсказала Нине, что в комендатуру устроилась на работу Ира Виноградова, дочь дальнего родственника, крестного Нининой матери. Марина разглядела в толпе одну знакомую девчонку Соню Богданову, которая, как ей показалось, не случайно околачивалась на вокзале. Однажды, пешком слетав в Рудню, к брату Тимофею, который работал на железной дороге Смоленск — Витебск, отчаянная тетка Марина принесла в кошелке настоящие, напечатанные в типографии листовки. Какой уж там вышел у них с Тимофеем разговор, Нина не знала, но только Марина обнадежила ее, что будет теперь такие листовки добывать постоянно. Когда, спасаясь от холода, завалились они с Мариной спать в одной постели, тетка дунула ей в ухо, будто какая-то Анна обещалась притащить Тимофею со Смоленщины, не то с Брянщины от партизан газету «Правда», а может, еще и «Комсомолку». К тетке Марине прибегала Нина напиться горячего чаю и унять дрожь, после того как у самого фашистского сапога разбрасывала листовки в Лиозно.

В тот день, о котором теперь рассказ, шел мелкий, колючий дождь со снегом. Снег был не настоящий, осенний, и, не касаясь земли, таял. Но все вокруг, казалось, напоено сыростью, холодом. Нина замечала, что гитлеровские солдаты, которых успели уже окрестить фрицами, боятся холода. И всякое ненастье усыпляет их, приглушает внимание, настороженность.

Нет, ей положительно нравился этот день, леденящий и водянистый. Он поможет замести следы, прикрыть действие.

С утра Нина повидалась с Ирой. Ире она не доверяла, побаивалась, что в случае опасности Ира может струсить, не выдержать, очень уж она хрупкая, изнеженная, неприспособленная. Но дальнее родство и старинное знакомство позволяли Нине приблизиться к комендатуре, а иной раз, смотря кто окажется на посту, даже зайти внутрь. Перебрасываясь с Ирой ничего не значащими новостями, болтая о том о сем, Нина ловила ухом каждое сказанное в этих мерзких стенах слово и уносила глазами, где, что и как лежит и стоит.

Однажды вечером, дожидаясь Иру после работы, Нина встретилась с закадычной Ириной подружкой и однофамилицей Соней Виноградовой — Виноградовых в их краях жило немало. Соня Виноградова была старше Нины, но до войны училась с ней в одной, Уновской школе. Соня модно одевалась, манерно, чуть растягивая слова, говорила, как-то особенно, чуть кривляясь, двигалась и жестикулировала. И в школе слыла воображалой. Не любили ее. Нина же, напротив, случалось, с восторгом поглядывала на Соню. Ей представлялось, что Соня похожа на актрису, и было время, что уж там, Нина даже пыталась ей подражать. Соне, разумеется, льстило заметное подобострастное внимание младшей девчонки, и она выделяла ее среди других. Такие сложились у них отношения.

Теперь Сонька вовсю кокетничала с фрицами, и Нина не раз замечала ее прогуливающейся по Лиозно под руку с каким-нибудь молоденьким гитлеровским солдатиком или лысеющим, обрюзгшим офицером.

На первых порах ненависть и брезгливое омерзение изгнали все остальные чувства, но, пораскинув так и сяк, Нина подумала, что прежние их отношения помогут ей теперь использовать не очень умную, зато отчаянно самолюбивую Соньку в своих интересах.

Изображая прежний восторг и обожание, Нина вроде бы случайно сталкивалась с Сонькой в Лиозно. И не упускала случая похвалить ее наряды, ее вкус, а заодно и кавалеров. Ничего не подозревая, Сонька беззастенчиво хвастала Нине своими романами.

И вот однажды Нина рискнула подначить Соньку, ловко посыпая соль на ее ранимое самолюбие: «Слабо, мол, тебе расспросить у твоих ухажеров, кого из деревенских погонят в Германию? Девчонкам, мол, о тебе рассказывала, умоляют дознаться, кого из них отправят. Говорят, только ты одна при своем уме и красоте можешь помочь». Конечно, это была явная, неприкрытая и потому очень опасная лесть. Но Сонька, ослепленная своей новой ролью, на нее клюнула. Память у Соньки оказалась неплохая, и Нина, не прикоснувшись к спискам, не видя их даже в глаза, передала необходимые сведения Тамаре.

Теперь, снова рассчитывая на недалекость, а особенно на самовлюбленность Соньки, Нина прикинулась неверующим Фомой и, разыгрывая неподдельное удивление, затвердила: да не может быть, чтобы новый Сонькин приятель был таким великим человеком. Пока не увидит его фамилию в официальном списке полицейских, ни за что не поверит. Пусть Сонька самая первая красавица, но все же сомневается она, Нина, что полюбил Соньку такой человек.

Сонька предлагала пройтись вечером с этим полицаем на глазах у всех, обещала познакомить с ним Нину, чтобы она сама во всем убедилась. Но Нина упорствовала: вот увидит его фамилию в служебной бумаге с печатью, тогда другое дело.

Нина понимала, что этот лихой трюк совершает она под куполом цирка и без всякой страховки, но интуиция редко ее подводила. Интуитивно же Нина чувствовала, что держит Соньку на какой-то невидимой, необъяснимой цепи. И с этой цепи Соньке пока не уйти.

Вечером Нина нарочно договорилась с Сонькой зайти за Ирой после работы в комендатуру. Условились, что список полицейских вроде бы случайно окажется на Ирином столе и Нина только одним глазком глянет на него.

Нина боялась, конечно, что Сонька проболтается Ире об их уговоре. И умная Ира сразу же раскроет ее замысел. Но, хоть бы и так, зачем Ире разоблачать Нину? Не предательница же она, это Нина успела проверить. Просто слабая духом и телом

девчонка. Да и прокормиться теперь в городе труднее, чем в деревне. А Нина все же ей родственница, дочка отцовой крестницы. И Сонька, пожалуй, не такая балда, чтобы включать Иру в их игру. Сонька, казалось, тоже Иру побаивается, хоть и считаются они подругами. Пусть Сонька недалекая девка, но по-житейски хитрая. Выманит как-нибудь список полицаев у Иры. Или стянет незаметно, а потом при встрече положит на стол или еще как-то. Это уж ее дело. Но в том, что Сонька во что бы то ни стало добудет доказательства власти своих любовных чар, Нина почти не сомневалась.

Повидавшись с Ирой и Сонькой, Нина заторопилась к другой Соне, с которой познакомила ее в свое время тетка Марина. Сегодняшний день Нина определила для себя как день больших событий. И теперь боялась не успеть обернуться с делами.

Соня Богданова в отличие от Сони Виноградовой была умна и даже не по годам мудра. Схватывала все на лету, даже не с полуслова, а с полувзгляда. Все поручения выполняла точно и в срок. Никогда не подводила. И не лишена была храбрости, порою даже излишней отчаянной храбрости. Ухитрялась она прицеплять листовки и к комендатуре, и к казарме, в которую превратили фашисты бывшую Сонину школу.

Нина не раз проверяла Соню Богданову в деле и теперь полностью ей доверяла. Соня по Нининому совету пристроилась пасти коров вблизи от шоссейной дороги Витебск — Смоленск, недалеко от родного своего Лиозно. Удачная эта работа позволяла Соне Богдановой убивать, как говорится, сразу трех зайцев: кое-как прокормиться, собирать для Нины всякие сведения, а заодно и приглядывать за стадом серых племенных красавиц коров редкой шведской породы. Коров этих подпольщики угнали из совхоза Адаменки подальше от вражеских глаз к партизанским владениям. И забота о племенном стаде стала для Сони и комсомольским поручением.

Этим вечером Соня Богданова, которая понятия не имела ни о Соне Виноградовой, ни о Виноградовой Ире, должна была, появившись в Лиозно, выполнить свою часть Нининого замысла. Она давно ждала, пока Нина позовет ее в Лиозно совершить наконец то, что они так давно и тщательно продумали, да все никак не удавалось осуществить.

Закутавшись в темную шаль, спрятав тоненькую свою фигурку в старое, выношенное, неприметное пальто, скрылась Соня в подъезде дома неподалеку от школы. Бутыль с керосином, замкнутая крепко-накрепко паклевой пробкой, привязана была веревкой к телу, больно впилась в живот. Стукнет камешек в дверь дома, значит, Нина сигналит, зовет.

Школа неожиданно для Нины и Сони вспыхнула мгновенно. Сухое дерево внутри старенькой школы в доли секунды понесло огонь с первого этажа на второй, охватило пламенем все здание. Раздался страшный треск. Послышался дикий волчий вой фрицев. С воплями и криками, в кальсонах и нижних рубашках, без оружия, посыпались они из окон, порушились со второго этажа.

Немцы, девочки это приметили, во всем любили порядок, удобства. Любой случай, когда позволяла служба, использовали они для отдыха. И если выпадало, рано ложились спать. Пожар застал их, полусонных, врасплох. И они неистово орали, неизвестно кому и зачем жаловались: «Партизаны! Шнель! Партизаны!»

А маленькая, хрупкая Соня Богданова среди паники и сутолоки ушла незамеченной в темноту, затерялась на неосвещенных улицах хорошо знакомого ей Лиозно. Нина же давно, казалось, с самого начала пожара стояла с Сонькой Виноградовой и Ирой у комендатуры, и никому не могло прийти в голову, что она к этому пожару имеет хоть какое-нибудь отношение.

Лицо ее давно примелькалось в комендатуре: родственница прилежной, старательной Ирины, подружка обворожительной Софии.

Сейчас же, когда пламя пожирало казарму и повисло над городом огненным сверкающим шаром, фашисты, словно обезумели, бегали и суетились, забыв об осторожности. Нина рассчитала все до мелочей, как всегда, сначала в воображении проиграв весь спектакль. И теперь ее охватило уже знакомое, странное и жуткое ощущение лихого и радостного возбуждения, словно все нервы разом распрягли и отпустили на волю.

Стараясь ничем не выдать себя, она еще некоторое время постояла с девчонками, а потом поспешила к Маринке, хотя в такую ночь могла вполне начаться облава и оставаться в чужом, даже теткином доме становилось небезопасным. Но тащиться куда-то еще у Нины не хватало сил. Распряженные нервы парализовали тело, и Нина страшилась, что вот-вот свалится и заснет прямо там, где упала.

Вяло прощаясь с Ирой и Сонькой, Нина еще не знала, что видит Соньку Виноградову в последний раз. Не успеет она предупредить партизан, что Сонька, хотя и путается с немцами, может все-таки быть полезной. А со временем, может, и вовсе разберется что к чему, под влиянием Нины очухается. Партизаны наказали ее, бывшую комсомолку, за связь с фашистами, как предательницу. Так же, как наказывали всех, если, конечно, представлялась возможность, кто становился полицаем или иным каким-нибудь прислужником врагов.

В Стасево, случалось, добирались люди и из Витебска. Тридцать километров тащились пешком, чтобы выменять на вещи десяток яиц, кусок масла или сала или банку молока для больного ребенка. Они рассказывали, что в городе шли смертные бои, что от многих домов остались только руины, а в центральном сквере, там, где раньше под Новый год наряжали елку, стоит теперь большая виселица. И еще одна — у Смоленского рынка.

С тревогой и отчаянием, то и дело оглядываясь по сторонам, испуганные и изможденные женщины рассказывали, что в Витебске видимо-невидимо гитлеровских солдат и офицеров, что свирепствуют полицаи и каратели. Всех евреев выловили и постреляли в овраге, а в политехникуме на Успенской горке людьми забиты подвалы, и там мучают и пытают страшными пытками. В казармах же бывшего 5-го военного полка расположился теперь лагерь смерти, где держат солдат и командиров Советской Армии, попавших в окружение и не сумевших пробиться к своим.

Развернув однажды газету, в которую было завернуто принесенное на обмен тряпье, Нина прочитала объявление: «Если кто из жителей будет давать пристанище неблагонадежным лицам, как-то: красноармейцам, партизанам и действующим в интересах Советской власти,— будет расстрелян». В другой раз на небольшом газетном обрывке Нина разглядела приказ: «Искуплением за жизнь каждого немецкого солдата должна служить в общем и целом смертная казнь 50—100 коммунистов. Способы этих казней должны увеличить степень устрашающего возмездия». Но, как ни странно может

показаться, больше всего поразило и прямо, можно сказать, подкосило Нину сообщение в «Витебских ведомостях», запрещающее держать голубей. Голубей, которые могли разносить вести и по природе своей имели привычку возвращаться на прежнее место. Нине удалось даже разобрать, что эта газета от 16 сентября 1941 года, и, значит, о голубях вражины догадались уже в самом начале.

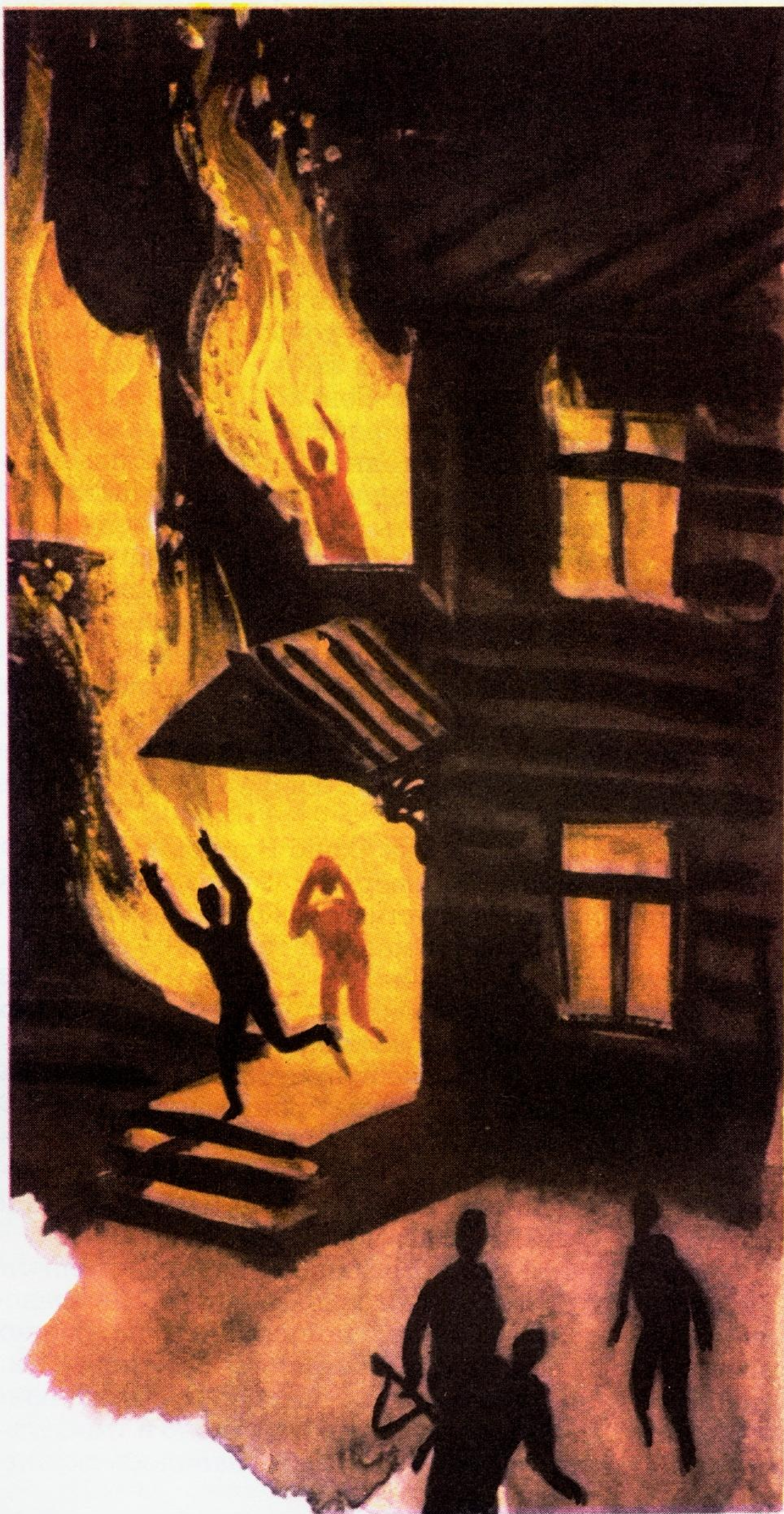
Уходить из дома ей становилось все сложнее. Бабуня нервничала. А тетка Лида, жена ушедшего на фронт дяди Павло, названного так в честь деда, просто свирепела. Ругала ее «здоровенной кобылой», попрекала, что не хочет Нина работать ни в огороде, ни в поле, а только с ложкой за столом. Дедушка Павло в таких случаях начинал сердиться на Лиду, как-то даже сказал ей грубое слово, что раньше с ним никогда не случалось. «Бутылка ты темная!» — крикнул дедуня Лиде во время разразившегося скандала, и Нина еще раз подумала о том, что мудрый старик не просто так, ради справедливости защищает сироту, а давно обо всем догадывается.

Но поговорить с ним по душам Нина все откладывала. И дома по-прежнему продолжала играть еще одну свою роль — вздорной, капризной и избалованной девчонки.

После чтения случайно попавшихся ей на глаза «Витебских ведомостей» Нина решила во что бы то ни стало нищенкой отправиться в Витебск. Никто не поручал ей этого похода. Но со школьных лет где-то глубоко застряла в ее мозгу занозой мысль, не раз повторенная учителями. Всегда хорошо выйти за рамки заданного урока, дополнить обязательную по учебнику программу прочитанным в книгах или в энциклопедиях. Теперь эта заноза-мысль дала о себе знать, заныла.

Тамара при коротких и не очень частых встречах тоже успевала сказать ей, чтобы хорошенько смотрела по сторонам и везде, где только возможно, поручено не поручено, вредила врагам и помогала своим. О военнопленных получился у них как-то отдельный разговор, и Тамара просила стараться всеми правдами и неправдами выводить пленных к партизанам.

Нина и сама теперь часто и подолгу думала о том, что человек только тогда обретает и по-настоящему чувствует свою нравственную силу, когда действует не только по воле и велению других людей, но и сам пишет и творит себя в деле. И вновь народившееся убеждение все больше росло и укреплялось в ней, превращаясь в постоянный двигатель внутреннего горения.

Школа вспыхнула мгновенно. Сухое дерево в доли секунды понесло огонь с первого этажа на второй, охватило пламенем все здание.

Еще в начале войны по деревенькам их округи метались слухи, что в треугольнике Витебск — Орша — Смоленск, хорошо знакомом всем деревенским, наши части, отчаянно сражаясь, попали в окружение. Да что там слухи! В деревни то там, то сям забредали обросшие и изнуренные мужики и прибивались вроде бы работниками или родственниками то к одному, то к другому дому.

Расползшиеся по деревням гитлеровские части менялись. И если никто пришлых мужиков не выдавал, а предателей, в общем, почти не находилось, то фашисты не успевали обнаружить чужаков среди деревенских. И они оставались в домах до тех пор, пока не выпадал случай переправить их к партизанам или даже через линию фронта.

Из этого невиданного и неслыханного дотоле круговорота жизни и смерти партизанам с помощью местных жителей удавалось вырвать многих советских воинов, попавших в беду. Но те, кто оставался на полях битв без сил или без памяти, раненым или контуженым или по каким-то иным причинам не сумел выбиться из земного ада, попадали в плен. И теперь плененным страдал и томился в лагере смерти.

Когда Нина увидела впервые этот страшный лагерь, за колючей проволокой, под штыками и плетками сразу стольких советских воинов, ей сделалось так плохо, что она едва удержалась на ногах. Сердце снова, как это уже случалось с ней, тяжелым камнем полетело вниз, в ноги, и потащило ее за собой, пригнуло к земле.

У колючей проволоки, как дико это ни выглядело, толпились женщины. Они бросали пленным бураки, и картошку, и куски хлеба, а часовые разгоняли их окриком и плеткой. Женщины голосили, объясняли, что ищут своих мужей, а сами искали удобный случай, чтобы хоть кого-то подкормить или чем-то помочь пленным.

Часовые же не очень за всем этим следят.

Видимо, уверившись в своих победах и обнаглев от первых успехов, они не придают большого значения обессилевшим и измученным людям за колючей проволокой.

И Нина стала стремительно вращать свои мысли вокруг одной-единственной идеи — занять среди этих женщин свое место и тоже попытаться помогать пленным. Неожиданный окрик заставил ее вздрогнуть. Нина вдруг увидела, что один немолодой уже, совершенно иссохший и обросший человек, наш солдат или офицер, потянувшись за куском, споткнулся и упал, не в силах снова подняться на ноги. И фашист, пнув его здоровенным сапожищем, тут же на месте, на глазах у всех, пристрелил. Тошнота подступила прямо к горлу, голова закружилась, и Нина, не понимая уже, что делает, схватилась за юбку рядом стоящей женщины. Через секунду, очнувшись от неожиданной дурноты, Нина столкнулась с ней глазами. И глаза эти, острые и понимающие, ей понравились.

Женщина, которая выглядела совсем еще молодой, ловко подхватила Нину за талию и потянула в сторону, изображая старую добрую знакомую. Глазами и едва заметным жестом остановила она возможный Нинин вопрос. И только далеко от лагеря, таская Нину по городским улицам, дала волю словам. Словно бы невзначай привела Нину к кинотеатру «Спартак», над входом которого красовалась надпись: «Только для немецких солдат!» Потом потянула Нину на площадь Свободы, где фашисты развесили огромную карту с обозначением якобы линии фронта и подсылали в толпу зевак своих провокаторов, которые уверяли простаков, что Москва давно уже пала. Наконец, оказались они у памятника Ленину. Нина вздрогнула и не сумела скрыть удивления, когда у самого памятника увидела два вздыбившихся в мертвой схватке танка, один с паучьей свастикой, другой с красной звездой.

Новая знакомая во весь путь внимательно наблюдала за Ниной, не замечая, что и Нина, в свою очередь, не спускает с нее глаз. У танков женщина сказала, что бой этот случился в день, когда фашисты заняли Витебск, 9 июля. Гитлеровская машина вылетела со стороны Полоцка и поперла прямо на памятник Ленину, намереваясь скинуть его с разбега. Но тут от Городокского шоссе выскочил наш Т-34 и у самого памятника настиг вражий танк. Протаранил, остановил его грудью. Так и стояли они теперь, словно бы продолжали мериться силами, напоминая, что бой еще не окончен.

В этот момент Нина и Дуся снова встретились глазами и глазами улыбнулись друг другу, скорее почувствовав, чем поняв, что можно не опасаться. Женщина назвалась Дусей Абазовской, поделилась с Ниной, что на войне у нее муж и брат, а дома маленький сын. В скверике, на скамейке, Дуся снова словно бы мимоходом заметила, что можно попробовать кое-кого из пленных выторговать у фрицев за масло и яйца. Но только по теперешним временам в городе трудно с продуктами, а главное, не находится такого человека, кто согласился бы помочь Дусе. И пристально посмотрела на Нину. Так началась их дружба, в которой старшей по возрасту, а потому и более ответственной Дуся считала себя. А Нина, нисколько Дусю не разочаровывая в этом, использовала ее как связную по Витебску, главенствуя и командуя незаметно.

У дома тех самых Виноградовых, которые родом были стасевские, а теперь поселились на Смоленской улице, лежал на счастье здоровенный валун. Под этот валун приспособились они прятать друг для друга крохотные записочки: где, когда — и только. Оказалось, что в Богушевском районе у Дуси живут мать, родственники. Иногда Дусе удавалось доставать у них кое-какие продукты, а иной раз Нина и Лида Соловьева, которую Нина время от времени просила помогать ей, таскали яйца из-под своих кур и понемногу масло из крынок. За масло и яйца фрицы готовы были заложить душу.

Честно говоря, Нина, которая уже притерпелась к страху и опасности, страшилась идти напрямик к часовому у лагеря смерти. И, главное, верила и все же не очень верила, что удастся выцыганить, смешно подумать, за яйца и масло человека! Но Дуся своей твердой уверенностью и неторопливым спокойствием убедила, увлекла за собой.

Они все хорошо продумали. Дуся вытащила из сумки бураки, бросила за колючую проволоку. Среди других пленных, которые потянулись за бураком, выделила молодого высокого голубоглазого парня, обросшего и худого, но все еще крепкого. Когда он распрямился, незаметно шепнула ему: «Не отходи. Жди». Зацепила Нину за руку и завопила что есть мочи, чтобы и избранник услышал ее: «Ой, доченька, нашелся папка наш. Смотрите, люди добрые, это ж муж мой! Нашла-таки я своего мужа, слава тебе господи!» Так, причитая во весь голос, она ринулась к часовому, а Нина тем временем на ходу высвобождала из сумки масло. «Масло, яйки, все отдам,— голосила Дуся,— отпусти только моего мужа»,— и брякнулась с размаху прямо в ноги часовому.

Часовой опешил, замахнулся было на Дусю прикладом, но, увидев в Нининых руках масло и яйца, смягчился. Оглянулся по сторонам, нет ли другого фрица поблизости, торопливо выхватил сверток в тряпице, раскидал все по карманам. Ухмыльнулся криво: «Москва капут!» Мол, отпущу не отпущу одного из этих несчастных пленных, знайте, победа наша, и для вас все равно ничего не изменится. Подтолкнул Дусю прикладом, Нине сунул острой коленкой под зад, повел показывать ему, где там обнаружился Дусин муж. Кольнул голубоглазого в грудь штыком: этот? Приказал подойти к выходу.

Нину колотила мелкая дрожь, внутри стало вдруг страшно холодно. А щеки полыхали, и язык, казалось, усох во рту. Нина попыталась проглотить слюну и не сумела глотнуть. Хватила ртом воздух, задохнулась. Дуся же тем временем обнимала и целовала только что нареченного мужа, с каждым движением все дальше и дальше увлекая его в толпу женщин, долой с глаз часового. «Доченька,— обернувшись, позвала Дуся.— Что же ты?» И Нина сразу же пришла в себя, оглянулась. Бросилась догонять Дусю и голубоглазого, подхватила его под руку, потащила вместе с Дусей в укромное место.

В небольшом, поросшем кустарником овражке припрятана у них была тачка с разным тряпьем. Даже не узнав имени человека, которого они спасали, Дуся и Нина усадили его, обессиленного, в тачку, забросали заранее приготовленным в тачке тряпьем и покатили городскими задворками. Если попадались им по дороге гитлеровцы или какие-то подозрительные лица, Дуся, не сворачивая, начинала кричать: «Посторонись, тиф!» И встречных ветром сдувало с пути — тифа боялись не меньше смерти.

Этого голубоглазого, который был первым из тех многих, кого они с Дусей вырвали из лагеря смерти, Нина запомнила на всю жизнь. Тем более что однажды, ей показалось, мелькнул он перед ее глазами в Хотимлянской пуще, куда шла она на свидание с Леней.

Разведчикам не рекомендуется ходить в партизанский отряд. Это опасно — и разведчику, и отряду. Для связи назначаются специальные люди, которых так и именуют — связными.

С теми отрядами, что держали партизанскую зону у деревень Михалово, Заверино, Свирбь, соединяли Нину родственники из Михалова или девчонки из Свирб, с которыми до войны училась она в Уновской семилетке. А с Хотимлянской пущей — Леня Захаренко. Но Лени давно, очень давно уже не было, и Нина все больше тревожилась.

Леня, Нина знала это, действовал в группе подрывников. А тут как раз на станции Выдрея партизаны пустили под откос огромный состав с боевой техникой и гитлеровскими солдатами. Взрыв на дороге и страшный скрежещущий грохот услышали и в Стасеве. Утром кто-то из деревенских заорал неистовым голосом, наткнувшись на окровавленную человеческую ногу в фашистском сапоге. Ногу отдельно от тела взрывной волной через леса и поля, железную и шоссейную дорогу перенесло за несколько километров — в Стасево. Поостыв от удивления и ужаса — омерзительное это было зрелище,— деревенские разбрелись по домам, растаскивая по округе злорадный шепоток: всем бы, мол, вражинам пооторвать ноги, чтобы не лезли грязными сапожищами на чужую землю.

После этого случая Нина как-то неожиданно решилась открыться деду. Не сполна, конечно. Сказала, что помогает партизанам. И только. И теперь ей надо идти к Леониду в Хотимлянскую пущу. Дед Павло, Нина не сомневалась, и сам догадывался об этом, а тут вдруг на глаза его невольно навернулись непрошеные слезы. И эти слезящиеся усталые глаза сделали лицо его совсем стареньким и беспомощным. «Ой, внученька,— только и сказал он беззвучно,— как рано ты пошла воевать. Как рано».

И вот снова дождалась Нина дождливого дня. Ливень черных тараканов загонял в щели, а вода хорошо снимала следы.

Как ни уставала Нина, сколько ни нервничала, мысль о Лене постоянно жила в ней. И ничто, даже смертельная опасность, не могло угасить желания повидаться, перекинуться пусть парою слов. Ее по-прежнему тянуло, тащило к Лене неизмеримой и неосознанной силой. И она никак не умела в этом совладать с собою. Видно, любовь всегда, в любые времена и при любых обстоятель-

Нину колотила мелкая дрожь.
Дуся же обнимала только что нареченного мужа,
все дальше увлекая его в толпу.

ствах остается любовью, самым сильным из всех властвующих над человеком чувств.

И Нина, не хитрая и расчетливая разведчица, а девчонка, влюбленная впервые и без памяти, рискнула двинуться в путь. Партизанские воротца — через реку, по тропинке, лесом — ей были знакомы.

Она долго, почти весь день, бродила по лесу и уже отчаялась найти отряд. Партизаны не задерживались подолгу на одном месте, блуждали по пуще, меняли стоянки. Промокнув, казалось, до костей, Нина неожиданно увидела среди ветвей прямо перед собой какую-то деревянную избушку. Может, сторожку лесника или заброшенный охотничий домик. Присмотрелась, прислушалась, вроде бы тихо. Посидела в кустах, понаблюдала — вокруг ни души. Отважилась и, как повелось, разом решилась: пан или пропал! Двинулась рывками, приоткрыла дверь и застыла. На скамье посреди избушки сидела женщина, а на руках у нее покоилась маленькая девочка.

Женщина сидела в какой-то неестественной позе, словно окаменела. Пальцы ее, Нина почему-то на них сразу обратила внимание, побелели, так сильно женщина вцепилась в ребенка. А девчушка уже вроде бы не дышала, и лицо ее было мертвенно-бледным. Нина попыталась окликнуть женщину, тронула ее за плечо, женщина не шевелилась и не отзывалась. Нина подумала даже, может, мать и ребенок мертвы. Приложила ухо к одной и к другой груди, услышала слабенькое биение сердца.

Неожиданная мысль пронзила мозг: у девчонки дифтерия. Нина помнила давно, еще в раннем ее детстве, кто-то из детей в округе болел дифтерией. И рассказывали, тоже переставал дышать из-за того, что горло затянуло пленкой. Пленку доктор прорвал, и ребенок выжил.

Нина попробовала раскрыть рот девочки, зубы оказались намертво сжаты. Тогда Нина с силой разжала зубы, просунув между ними небольшой, подаренный ей когда-то отцом перочинный ножичек, с которым Нина не расставалась. Раздвинула челюсти — так оно и есть: белая пленка затянула гортань. Нина снова принялась тормошить мать.

Кричала, хлопала ее по щекам, женщина смотрела безумными глазами и, каменная, окостеневшими пальцами продолжала сжимать в руках полумертвую дочь.

Пошарив по сторонам, Нина определила, что дом давно заброшен. Печь месяцами не топлена. Вокруг пустота: ни чугунного горшка, ни лучины, ни спичек. Стол, две скамьи, и на одной из них болтается большой шерстяной платок. Видно, женщина, когда забрела в сторожку, скинула его с головы, осталась в ситцевом платочке.

Нина быстро разделась, отжала насквозь промокшую одежду и разбросала на скамье сушиться. Завернулась в чужую шерстяную шаль, кое-как подпоясалась. Вытащила из кармана юбки носовой платок. Намотала его на два пальца и, не раздумывая долго, пан или пропал, сунула их девчонке в рот. Ей показалось, что она услышала, как прорвалась пленка. Девчушка охнула, глотнула воздух, и вдруг щечки ее начали розоветь. Нина вскрикнула даже от радости. Вспомнила, что в курточке у нее припрятан еще один платок, а в нем замотана таблетка стрептоцида. До войны в деревне стрептоцид был в большом почете. Считалось, что он помогает от разных и многих болезней. И Нина всегда таскала с собой стрептоцид на случай, если занеможется в дороге.

Оставалось только найти воду, чтобы чем-то запить таблетку. Нина выглянула в лес. Дождь уже перестал, и вокруг покоились большущие лужи с коричневой от глины жижей. Другой, лучшей воды поблизости не оказалось, а уходить на поиски было опасно и не в чем. Схватив валявшуюся под ногами ржавую консервную банку и зачерпнув ею коричневую жидкость, Нина вернулась в избушку, присела на край скамьи и стала размышлять, как вскипятить воду. В кипятке, это она тоже знала из прошлой жизни, все микробы погибают.

Из учебников и книг, которые Нина успела уже прочитать, помнила она, что древние люди высекали огонь, потерев камень о камень. Но сколько теперь на дорогах ни пыталась она повторить это действие, у нее ни разу не получалось.

Обшарив печь внутри и снаружи буквально по сантиметру, Нина нашла зажатую конфоркой старую спичку. Одну-единственную. Коробки нигде не было видно, и Нина со злости чиркнула спичкой по чугунной плите. И нежданно-негаданно блеснула искра, затеплился огонек.

Его нужно было во что бы то ни стало спасти, удержать. Как всегда в момент опасности, мысли начинали стремительно передвигаться, в конце концов выстраиваясь единой стрелой, готовой в доли секунды указать направление действия. На полу у плиты шуршал под ногами кусок старой сухой бересты. Нина схватила его, зажгла. Выскочила на двор, прикрывая огонь ладонью. Выхватила из кучи валежника у дверей избушки нижние сухие ветки, зажгла. Раздула чуть-чуть небольшой костерик и ринулась еще за хворостом. Костер, хоть и небольшой, все же держал огонь. И Нина сунула в огонь консервную банку с водой, которая уже отстоялась и не казалась такой темной.

С детства помнила она, что бабушка хвалила сосновые побеги, особенно сочные, пушистые кисточки на концах. Разминала их пальцами, бросала в чай, надеясь на живительную силу соснового настоя. Нина наскоро собрала в ладонь зеленоватые кисточки, кинула в закипающую воду, с удовольствием вдохнула их запах.

Кипяток поставила студить, а тем временем валежником забила печь. Перенесла огонь. Размяла платком таблетку стрептоцида. Девчонка с удовольствием хлебнула поостывшей сосновой водицы. Вздохнула глубоко, с облегчением, позвала: «Ма-ма».

Женщина мгновенно очнулась. Пошевелилась, поежилась, прижалась щекой к щечке ребенка. Нина приподняла женщину за плечи, заставила попить еще раз вскипяченную в банке воду. Выйдя из шока, женщина устремила на Нину благодарный взгляд и запричитала, монотонно повторяя: «Господи, Лесная фея. Лесная фея». Тут только увидела Нина, что женщина совсем молодая, может быть, всего на несколько лет старше ее.

В беде люди скорее раскрываются друг для друга, и к утру они стали не чужими. Новая знакомая, которая оказалась женой партизана, подсказала Нине, что отряд Сергея Сметанина, в котором действовал Леня Захаренко, надо искать в районе деревни Крынки.

Свидание с Леней было коротким. Партизаны теперь почти каждый день выходили на задания: устраивали на дорогах засады, совершали налеты на гитлеровские части и даже гарнизоны, принимали бой, если сталкивались лоб в лоб с фашистами. На железной дороге гитлеровцам постоянно приходилось вести ремонтные работы: диверсии партизан на дороге не прерывались.

Они стояли среди вековых сосен с чуть красноватыми стройными стволами, от которых, казалось, и воздух наполнен розоватым светом. Высоко над головами сине-зеленые мохнатые сосновые лапы шумели и летали, хлестко вырисовываясь, в спокойном после непогоды, бледно-голубоватом небе. И мерцающий небесный свет опускался к ним, тая и растворяясь в розовом свечении сосен.

Леня выглядел усталым, постаревшим и не на шутку был обеспокоен ее приходом. Повторял все время их недолгого разговора: «Будь осторожна, будь осторожна». Просил, если не сможет дальше сам выходить на связь, дожидаться Нюру Кравченко или еще кого-то.

Задания Нина получила сразу два. Поговорить с дедом Павло, попросить его, лучшего плотника в округе, мастерить деревянные ящики для тола. Много ящиков. Чем больше, тем лучше. И выставлять их со стороны бани в овраг, прятать в кустарнике. Там их, кому положено, заберут. Кроме того, Леня просил, как-нибудь исхитрившись, проникнуть поближе к фашистскому гарнизону в Красынях. Если получится, наладить связь с Васей Курочкиным, двоюродным Лениным братом, Нининым сверстником. Курочкины жили как раз в деревне Красыни, и их близость к гарнизону теперь как нельзя оказывалась кстати. Нина ни о чем больше не спросила Леню. Но из того, что Красынями интересовались и те партизаны, которые группировались у деревни Михалово, совсем с иной стороны от железной и шоссейной дороги, Нина поняла, что готовится крупная боевая операция против Красыньского фашистского гарнизона.

Ни в одной партизанской операции Нина не принимала участия. Но доставленные ею данные, проверенные и перепроверенные сведениями, поступавшими от других разведчиков, помогали партизанским командирам правильно понять сложившуюся в районе их действия обстановку, составлять точные планы наступления на врага. И только тогда, когда партизанские группы неожиданным броском нападали на гитлеровские части и гарнизоны, уничтожали боевую технику и людей или, устроив засаду на дороге,

отбивали оружие и продукты и снова убивали фашистов, Нина и другие, такие же партизанские разведчики, знали, что в этих действиях есть и их доля. Порою задолго до операции искали они место, наиболее удобное и безопасное для засады. Определяли самые надежные подходы к гарнизонам, самые уязвимые точки в укреплениях. Подсказывали расположение орудий, количество и размещение вражеских солдат и офицеров.

Партизанская зона вокруг деревни Михалово всегда казалась Нине да и многим другим чудом этой страшной войны. В Велешковичах окопался сильный фашистский гарнизон, а в шести километрах от него, в Михалове и в некоторых других соседних деревнях, держат свою зону партизаны. Сохраняют и обороняют в ней Советскую власть, и получается вроде бы красный островок с флагами на сельсоветах, с колхозами и прочими советскими учреждениями среди черной пустыни фашистского насилия и разбоя.

Правда, после разгрома гитлеровских войск под Москвою фрицы чуть присмирели. Скоро начавшаяся зима с глубокими снегами и, как никогда, лютыми морозами и вовсе поубавила их свирепый разгул. Лесов они побаивались и раньше, теперь же, непривычные к холодам и снежному бездорожью, они все больше околачивались в гарнизонах, жались к шоссе. Наши войска на всех трех фронтах Западного направления в начале сорок второго года перешли в наступление. И партизаны умело использовали все эти новые обстоятельства.

Зимою в отрядах стали появляться опытные боевые командиры Красной Армии, специально заброшенные с десантом для руководства более широкими действиями партизан. Одним из таких командиров был Михаил Петрович Ахмедчик.

Еще осенью большая группа подрывников, которую возглавил Ахмедчик, высадилась с парашютами у деревни Пашкевичи Смоленской области. Управившись с заданием вместо трех месяцев за три недели, Михаил Петрович запросил по рации, как ему поступать дальше. В ответ получил распоряжение присоединиться к партизанам батьки Миная, Миная Филипповича Шмырева, действовавшим на стыке Смоленской области и Белоруссии, в районе Суража. А там уж, в свою очередь, приказано было Ахмедчику перебираться в Лиозненский район, в Михалово.

Деревня Михалово стояла высоко, как говорили местные жители, «на горушке», среди густых, нетронутых лесов. Михаил Петрович окружил Михалово глубокими траншеями. Поставил в траншеях пулеметы, а потом и пушку, которую нашли партизаны на местах прошедших здесь сражений. Деревенский кузнец помог привести разбитую пушку в порядок и соорудил для нее большой замок, на который Ахмедчик приказывал в случае ненадобности пушку замыкать.

Со временем в его отряде собралось сто пятьдесят человек, вооруженных, это знали и гитлеровцы, до зубов. Были у партизан Ахмедчика и пулеметы, и автоматы, и противотанковые ружья, и гаубица, и уже упомянутая пушка. Случалось, прямой наводкой колотил Ахмедчик и по Воронам, и по Лиозно, и не упускал случая разгромить гарнизон, устроить засаду или крупную диверсию.

Своим партизанам он старался внушить, что война — тоже наука и надо постараться, коли пришлось, эту науку осилить. В любую свободную минуту, хоть и не часто они выдавались, Михаил Петрович учил своих людей мастерству владения оружием, объяснял тактику и стратегию боевых действий.

Тамара Дубовко, отправляя в первый раз Нину к Ахмедчику, кое-что рассказала ей о нем. Похвастала, что командир отряда, который получил теперь имя Василия Ивановича Чапаева, орденоносец и еще до войны в боях у озера Хасан и на Халхин-Голе получил орден Красного Знамени.

Из тех негромких разговоров, которые роились по деревням, Нина уловила восхищенное удивление деревенских. Особенно потрясла всех история со свадьбой полицая. В субботний день, когда гулянье в невестиной избе было в самом разгаре, отряд Ахмедчика окружил деревню. Сам же Михаил Петрович, неожиданно ворвавшись в дом, громким окриком «Встать!» поднял перепившуюся свадьбу. Не дав опомниться, приказал забрать оружие, беззаботно выставленное в момент праздника в сени, а потом арестовал и всех вояк во хмелю. «Именем Советской власти»,— объявил Ахмедчик. Вывел под конвоем двенадцать гитлеровских солдат и тридцать пять полицаев к Яру и расстрелял.

И так же стремительно, как появился, исчез в лесах, куда фашисты, особенно в начале этой первой лютой и снежной зимы, носа не совали.

Подойти к Михалову стало теперь не просто. Часовой, завидев Нину издалека, предупредил: «Стой! Руки вверх! Ложись!» Нина только губы поджала, насупилась, но осталась стоять. Часовой возмутился. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не услышал разговор сам Ахмедчик, вихрем примчавшийся на коне со стороны леса.

Нина посмотрела на Ахмедчика и обомлела. Ей показалось, что откуда-то из иной жизни явилось ее видение. И вот предстал перед нею легендарный Василий Иванович Чапаев. Папаха лихо пристроена на голове. Усы изогнуты коромыслом, чуть курчавятся крючками на концах. Ремни пересекли грудь, револьвер и сабля по бокам.

— Что делать будешь в отряде?— не глядя, грубовато спросил Ахмедчик, когда привел Нину в дом, который служил ему штабом.— На посту стоять побоишься. С оружием управляться не умеешь. А гулять тут времени нет.

Нина до боли сжала в кулаки пальцы, прикусила губы, промолчала. Подождала, может, командир что-то еще скажет? Но командир не спешил с разговором. Неторопливо скрутил цигарку, задымил.

Тогда Нина обозлилась не на шутку: ишь ты, явился. Она уже кое-что успела тут сделать и до него. Выхватила из-под стельки в сапоге бумажку — направление подпольного райкома комсомола, сунула не очень вежливо под нос Ахмедчику. Бросила дерзко: «Я к вам не Христа ради».

Ахмедчик неторопливо повертел бумажку, вроде бы изучил ее. Еле заметно ухмыльнулся в усы, примирительно поинтересовался:

— Так ты что же, разведчица?

— Ну,— снова сдерзила Нина,— разведчица, а то кто же?— И добавила:— Можейко я. Нина. Не слыхали?

— Слыхал, слыхал,— уже совсем по-свойски сказал Ахмедчик,— а я Ахмедчик, Михаил Петрович, будем знакомы.— И он протянул Нине руку. Подержал в своей, не отпуская, усадил рядом.

— Молодец ты, Нина Можейко. Наслышан я. Да вот все не представлялось случая увидеться. То ты в Лиозно, то в Витебске, то еще где — стрела. Стрела. Так я и буду тебя величать, если не возражаешь. Не возражаешь?

— Не возражаю,— смутилась, вспыхнула Нина. Ей было теперь нестерпимо стыдно за дерзость и суетливость свою перед этим уверенным, оказывается, все знающим и понимающим человеком.

— Я пришла за заданием,— пролепетала она, не поднимая глаз.— Поручайте что потруднее, у меня уже есть опыт.

— Что просишь потруднее, это хорошо,— вздохнул Ахмедчик.— А вот опыта да ума человек должен всю жизнь искать. Тут лишнего никогда не будет.

И Нина снова почувствовала, как горячая волна стыда захлестнула ее изнутри, больно ударила по сердцу, заставив долгое время еще потом думать об этом разговоре.

С тех пор с Михаилом Петровичем встречалась она редко, а все, что удавалось ей разузнать для отряда, передавала невысокому, коренастому рыжеватому человеку, вроде бы начальнику разведки, который выходил к ней на связь.

В тот раз первого знакомства с Ахмедчиком получила она задание разведать, что получится, о гарнизоне в Красынях. Потом еще что-то в Лиозно. Потом по Лиозно приспособила она к работе на отряд имени Чапаева Соню Богданову, а ее Ахмедчик стал посылать в более далекие путешествия. Рыжий человек, вроде бы начальник разведки, всякий раз передавал ей слова командира: «Пусть, мол, Стрела слетает на шоссе Витебск — Сураж». А при следующих встречах, случалось, сообщал: «Командир сказал, передай Стреле благодарность. На дороге Витебск — Сураж хорошее место выбрала для засады. Двенадцать фрицевских машин перемолотили пулеметами. Захватили, увезли на лошадях тридцать три противотанковых ружья, новеньких, прямо в ящиках. Еще продукты, сигареты, всякое. Так что пламенный привет тебе от командира».

Все это наскоро перебирая в памяти, Нина сидела теперь против деда и наблюдала за его работой. Дед Павло молча строгал доски, одну за другой, и стружкой завалил всю мастерскую. Внутри этих стружечных гор дедуня приспособился прятать ящики для тола. А

Нина посмотрела на Ахмедчика и обомлела. Перед нею предстал легендарный Чапаев.

потом по одному в большой корзинке, прикрыв осенью травою, а теперь снегом, выносил их за баню в кусты со стороны оврага. Как было условлено. Впечатлительная бабушка, Эпистимья Прохоровна, однажды чуть не поломала все дело. Увидела ящики, запела своим певучим голоском: «Ты что, старый, не рехнулся часом, уж и сад давно порубили, а ты шпаковни стряпаешь?» «Да я для леса»,— спокойно ответил дед, радуясь, что бабуня не отличила ящики для тола от скворечников.

Как только выдавалось у дедушки свободное время, он теперь старательно колол и складывал костром дрова. Нина, видя, как дед Павло не жалеет себя в работе, не сразу поняла его мудрости. Костер дров, постепенно вырастая, превращался в стену между сараем и домом, где, сменяясь, по-прежнему квартировали гитлеровские офицеры. Дровяная стена отгораживала и прикрывала их от вражеского начальства.

За этой стеной, не оставляя работы рубанком, дедушка Павло сообщил Нине сегодня страшную весть. И Нина, зарывшись в стружки, соображала, на что ей решиться.

В Велешковичах была арестована Тамара Дубовко. Тамара и еще двое парней.

В феврале Тамаре Дубовко удалось через группу, действующую в деревне Надежино, связаться с частями Красной Армии, находившимися в Понизовском районе Смоленской области. Нина, разумеется, этого не знала. Но слышала, что через деревню Малые Кольшки в Велешковичи прибыло семь наших конных разведчиков. Они разгромили управу, арестовали бургомистра, начальника полиции Ефрема Егорова и еще другого полицейского, Буевича. Как раз в это время из Лиозно в Велешковичи ехала группа гитлеровцев. Завязался короткий бой. В этом бою нашим удалось уничтожить семерых фашистов. Остальные пустились наутек. Разведчики ускакали, увозя с собой в Красную Армию пятерых велешковских парней.

За убитыми фрицы прислали возчика на лошади. А через некоторое время, уже в марте, в Велешковичи нагрянул карательный отряд. Жгли, крушили, избивали — свирепствовали. Арестовали и двоих из группы Тамары. Василису Ермолаевну Селезневу, свинарку-орденоноску, до войны на всю округу гремевшую славою, и Колю Катаченко, брата одного из тех, кто умчался за конной разведкой.

Василису и Колю целые сутки били и истязали, связав ржавой колючей проволокой. Никто из них не проронил ни слова. Колю пытали особенно, стараясь дознаться, где спрятано оружие. И, хотя Коля сам его прятал, он, перенося нечеловеческие муки, молчал. На третий день утром Василису и Колю босыми и раздетыми выгнали на мороз. Дул свирепый ветер, поднимал с земли, крутил в воздухе мелкий жесткий снег. По всему было видно, что Василиса и Николай уже не чувствуют холода. Они едва держались на ногах, но головы не опускали. Ржавая проволока, казалось, насмерть приросла к телам, и кровь сочилась из-под каждой вонзившейся в грудь, в живот, в руки и ноги иголки. Всех жителей Велешковичей согнали к месту расправы и заставили под штыками наблюдать, как издеваются фашисты над подпольщиками и партизанами. И расстреляли их на глазах у обезумевшей от горя Колиной матери и малых детей Василисы.

Несколько часов спустя стало известно, что в деревне Замшено схвачены и растерзаны учителя Анна Александровна Сумникова и Кузьма Степанович Гринкин.

Чуть позже пришла и еще одна наводящая ужас новость. Из той самой деревни Малые Кольшки, откуда явился конный разъезд, гитлеровцы пригнали в Лиозно большую толпу евреев, стариков и детей и расстреляли их в Адаменском рву.

Тамара сама рассказала ей обо всем этом. А теперь вот схвачена была сама Тамара. И еще двое.

Тамара стояла перед глазами. На коне, в папахе, из-под которой не видно волос. Брови вразлет. Орлиный нос. Плотно сомкнутые губы. Как и Ахмедчик, вся в ремнях, тоже с револьвером и саблей. Если не знаешь, ни за что не поверишь, что женщина.

Улыбается Нине, искорки иронии пляшут в темных глазах: «Ну что, Можейчиха, воюешь? Хорошо воюешь, Стрела!» И помчалась, натянув поводья, пришпорив коня. На ходу, обернувшись, крикнула: «Живи, Можейчиха! Живи!» И Нине казалось, что Тамарин голос продолжает звучать в ее ушах.

Нина вытащила старые дедовы короткие и широкие охотничьи лыжи и заспешила в путь. Дедушка не остановил ее, не проронил ни слова. Попрощался только пристальным взглядом. А бабуне она, как всегда, сказала, что соскучилась по отцу.

На этот раз Нина и правда навострила лыжи в Новое Дуброво. Ехать в Велешковичи или даже в Михалово, не зная сложившейся там обстановки, было опасно.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Людмила ФАДЕЕВА

Рыцари

«Рыцари!
Где же вы, рыцари?»—
Шепчу я, читая книжки.
Нет в нашем классе рыцарей!
Одни озорные мальчишки.

А вот наша староста — рыцарь,
Она защитит любого!
Попробуйте с ней сразиться!
Да, рыцарь и плакса Петрова:
Она шестого числа
Иванова от двойки спасла.

Но что же тогда получается?
Тогда Иванов — красавица?

После уроков

Солнце погасло в окнах,
Сижу я, оставленный после уроков.
Вдруг послеурочные мысли простые
Вопросами передо мною застыли.
Зачем в самом деле я пел на истории?
О чем целый русский мы с Лосевой спорили?
И правда, к чему мне на музыке лупа?
Какой я болтливый.
Как выгляжу глупо!

Надежда Петровна вошла и сказала:
«Все понял? Отлично! Ну, так я и знала!»

Строевая песня

Не очень я смелый,
Не очень я ловкий,
Последним я был на уборке морковки.
Но в праздники
Песня звучит строевая,
И ловким, и смелым
Меня называя.
По песне выходит,
Что, если мне плохо,
На помощь приходит
Не только мой Леха.
А целый отряд говорит:
«Мы поможем!»
И все помогают.
И Лосева тоже...
Люблю эту песню!
Не только в строю,
На речке,
В лесу,
На поляне
Пою!

Счастье в личной жизни

Я жил спокойно, поживал,
Но в вешний день отличный
Мне Вовка счастья пожелал
В какой-то «жизни личной».

Я знаю: это про любовь,
На Лосеву намеки.
Я погрозил ему без слов,
Пошел учить уроки...

А из окошка солнца свет
Мне бьет в глаза до боли!
Раз в личной жизни счастья нет,
В учебе было б, что ли...

О думах

Классная руководительница,
Строгих бесед проводительница,
Сказала мне:
«Думаешь мало.
И все не о том».
Отгадала.
Ведь думаю я на уроке
Про лето,
Про тополь высокий.
А сколько продумать хорошего
Успела отличница Лосева!
Но я все ушами прохлопал
С той думой про лето, про тополь...
Как я заберусь на вершину!
Бумажного голубя вскину...
Как будет лететь он,
Лететь...
А Лосева будет —
Глядеть.

Моя тропинка

Найти свою тропинку меж тропинок,
Найти одну травинку меж травинок...
Ища свою тропинку,
Я немало
Больших дорог со всеми протоптала.
И вот моя тропинка!
Как я рада!
Зря там была,
Давно сюда бы надо.
Но тихо мне тропинка отвечала:
«В дорогах, пройденных тобой,
Мое начало».

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

ПИОНЕРСКАЯ ПУТЕВКА

Каждый раз, когда ребята приезжают в «Артек» и «Орленок», на сборе знакомств отрядный вожатый задает ребятам традиционный вопрос: «Расскажите, за что вы получили путевку? Почему именно вас направили к нам в лагерь?» Ответы бывают самые разные.

— Наш КИД выступил инициатором проведения тимуровской операции «Сад Мира», и за это нас отправили в «Артек».

— Я вышел победителем викторины «Пионера» «Великие битвы Отечественной войны».

— Вместе с отцом в семейном экипаже помогал убирать урожай.

— Я помогала маме на животноводческой ферме.

— Наша тимуровская команда — одна из лучших в городе. Я командир городского штаба Тимура.

— Помог потушить пожар на колхозном поле.

Такие ответы ребят очень радуют. Но бывает и иначе, когда пионеры не знают, за что их направили в «Артек» и «Орленок».

Сотни тысяч ребят за многолетнюю историю «Артека», «Орленка», а теперь и нового Всесоюзного лагеря «Океан» побывали в этих замечательных лагерях пионерского актива страны. Путевка в «Артек», «Орленок» и «Океан» — это высокая пионерская награда. Этой наградой отмечаются юные ленинцы 5—8-х классов за успехи в учебе, активное участие в работе звена, отряда, дружины, а также победители пионерских операций, конкурсов, соревнований, олимпиад, лауреаты фестивалей, которые проводят комитеты комсомола и советы пионерских организаций. Путевками в эти лагеря могут быть награждены и комсомольцы 7—8-х классов, активно работающие в пионерской организации.

Направляют пионеров в «Артек», «Океан» и «Орленок» ЦК ЛКСМ союзных республик, краевые, областные комитеты комсомола. Но для этого необходимо решение советов пионерской дружины школы и бюро соответствующего комитета комсомола.

В этих лагерях можно отдохнуть **только один раз** за время пионерской жизни.

На международную смену в «Артеке» и «Орленке» направляется пионерский актив 6—8-х классов, а также политинформаторы, активисты клубов интернациональной дружбы, школьных общественно-политических клубов и объединений.

Бесплатные путевки в «Артек», «Орленок», «Океан» в первую очередь выделяются пионерам — воспитанникам детских домов, школ-интернатов, детям инвалидов войны и труда, многодетных и малообеспеченных родителей; пионерам — активистам, отличникам учебы, которые направляются для участия в профильных сменах и мероприятиях, проводимых ЦК ВЛКСМ и Центральным Советом пионеров, а также победителям конкурсов, которые проводят пионерские газеты и журналы.

Пионерская путевка — это награда, и она должна вручаться пионеру, заслужившему эту награду, в торжественной обстановке: на торжественной пионерской линейке, на заседании совета дружины, в красном уголке завода, где работают родители, в райкоме комсомола. Пионерские путевки вручают ветераны войны и труда, герои пятилетки, пионерские и комсомольские работники.

Каждый, кто награжден путевкой, — это представитель своей дружины. Он должен хорошо знать о делах пионерского коллектива, о своей школе, родном крае, чтобы, приехав в «Артек», «Океан», «Орленок», интересно рассказать о себе и своих товарищах.

Пионерская путевка — это начало интересной дороги в «Артек», «Океан» и «Орленок», но только начало. Потому что каждый побывавший в этих замечательных лагерях должен привезти с собой не только загар и крепкие мускулы, а еще и опыт своих новых друзей по лагерю, чтобы артековские искры, пламя орлятского костра, лучи заката на Тихом океане зажигали новые костры, новое пламя по всей нашей стране.

Фотография М. ГОСТЮЖОВА.

Малая Пионерская Энциклопедия

Л. ПОДКОРЫТОВА,
М. МАТВЕЕВА

Сделай себя умным

Продолжаем разговор, начатый в предыдущем номере.

Давай проверим, какие способности у тебя есть от природы, а какие ты должен у себя развить сам.

Самый внимательный тот...

Внимание, внимание! Проверим твое внимание.

Вот таблица. Некоторых чисел здесь не хватает. Каких? Это надо установить и выписать недостающие числа на листочек.

14	5	31	27	37
40	34	23	1	20
19	16	32	13	33
2	6	8	25	9
12	26	36	28	39

Таблицу лучше перерисовать на ватманский лист и сделать размером примерно 50 на 50 сантиметров. Тогда можно определять внимание у всех учеников класса одновременно. Самый внимательный тот, кто быстрее всех нашел пропущенные числа и, конечно, сделал это правильно. Невнимательные будут копаться дольше двух минут.

Пока один из авторов этой статьи подбирала тесты, по которым проверяют логику мышления, другой автор решила проверить свое внимание по этой таблице. И что же? Провозилась дольше положенного срока на целых 20 секунд.

А у тебя как со вниманием? Не получил венок «самого внимательного ученика в классе»? Тогда для нас с тобой есть несколько советов.

Внимание бывает легким (когда нам интересно) и принудительным (когда нам дело неинтересно, но заниматься им надо). Если нас принуждают быть внимательными, ничего толкового из этого не получается. В таких случаях говорят: «Смотрим в книгу, а видим...», сам знаешь, что. Чтобы принудительное внимание стало легким, нам надо **заинтересоваться** тем, что мы в данный момент делаем. Ты решаешь задачу про треугольники, их углы и площади. И никак не можешь сосредоточиться. Несколько раз повтори про себя: «Очень интересная задача. Мне хочется понять, почему сумма углов в треугольнике всегда равна 180°. Разве не может быть по-другому? Кто первый об этом догадался? Сейчас я покручу эту задачу и так и эдак и обязательно ее решу». Как только ты убедишь себя, что решать задачу или слушать, как отвечает одноклассник у доски, интересно, сразу возрастет у тебя внимание.

Когда ты готовишь уроки дома и отвлекаешься на крики ребят во дворе, на еле слышное бормотание радиоприемника, на шаги сестренки в другой комнате, попробуй сосредоточиться так. Если ты готовишь устные предметы — проговаривай текст вслух, подчеркивай основные мысли параграфа или делай выписки.

Магическое действие на внимание оказывает пишущая рука. Поэтому:

делай записи, когда слушаешь объяснение учителя на уроке;

выписывай основные мысли, когда читаешь текст, который тебе надо понять и запомнить;

составляй план ответа или сочинения, когда продумываешь его про себя.

Часто нам приходится быстро переключать внимание с одного занятия на другое, то есть делать несколько дел практически одновременно. Тогда важно, чтобы хоть одно дело ты выполнял автоматически, не задумываясь над тем, как его надо делать.

Например, если ты хорошо чертишь, то на уроке

геометрии ты можешь чертить нужную тебе фигуру автоматически, а в это время уже думать о решении задачи. Сам процесс черчения тогда не требует внимания. Все внимание отдано обдумыванию задачи. И задача решается быстрее.

Есть профессии, где умение быстро переключать внимание очень важно. Например, водитель автомобиля. Он должен одновременно следить за светофорами, дорожными знаками, пешеходами, крутить руль, нажимать на педаль, переключать скорости... Водитель может справиться со всеми неожиданностями, что преподносит ему дорога, только если управление машиной у него доведено до автоматизма.

Некоторые ребята такие невнимательные, так много делают описок в письменных работах, что учителя им ставят тройки и двойки, как бы правильно эти ребята ни решали задачи и ни излагали свои мысли в сочинениях. Таким рассеянным мы советуем проверять сочинения, изложения, диктанты и другие письменные работы в три этапа.

Сначала проверить, все ли слова ты написал. Ничего не пропустил? Потом проверить, все ли слоги в словах написаны. Все? Теперь надо посмотреть буквы в каждом слоге. Ну вот и все. Ошибок из-за невнимания не должно быть.

Не будем рассказывать, как много ты выиграешь, если разовьешь внимание. О преимуществах внимательных людей ты догадываешься. Внимательные ученики новую тему понимают с одного объяснения учителя, дома им надо только пролистать учебник, чтобы убедиться, что все они уже знают. Домашние задания они выполняют вдвое быстрее, чем ученики невнимательные. (И, без сомнения, лучше.) Внимательный человек подмечает многое из того, чего не видят другие. Поэтому он больше знает.

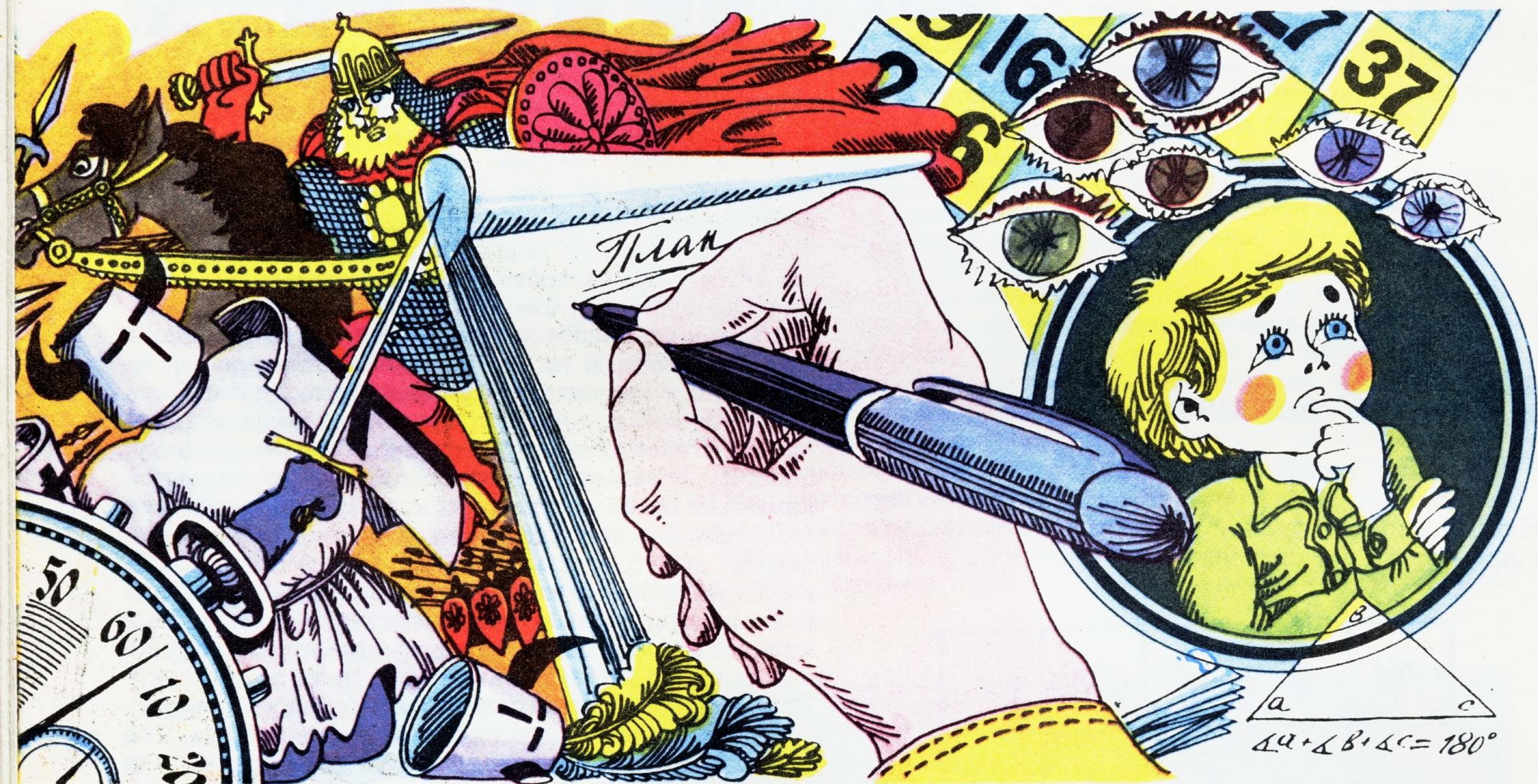
Ньютон вообще считал, что гениальность — это не что иное, как постоянное внимание.

Но самое главное: хорошее внимание станет первым кирпичиком в здании, которое ты строишь, — **«способности от себя»**.

Увидеть битву на Чудском озере

Представлять — значит видеть внутренним взором, за словом (звуком, прикосновением) воображать предмет.

Если вы проходите в классе битву на Чудском озере и ты за строчками, прочитанными в учебнике, не видишь, не представляешь, как это было: тупоносая «свинья» тевтонцев, лязг и скрежет тяжелых лат, хитрый маневр Александра Невского, ловушка, полк правой руки, полк левой, и... вот уже враги бегут назад по голубому апрельскому льду... — ты эту страницу истории плохо запомнишь.

Без хорошего представления тебе не овладеть ни геометрией, ни физикой, а от литературы ты не получишь удовольствия.

Давай проверим, как у тебя развито представление.

Представь (мысленно, ручка и бумага — в стороне), что на доске нарисован квадрат. Он перечеркнут двумя диагоналями и разделен двумя горизонтальными линиями на равные части. Из скольких частей теперь состоит наш квадрат?

На решение этой задачи — максимум 2 минуты.

Часы показывают 10 минут третьего. Мысленно поменяй местами большую и маленькую стрелки. Который теперь час? Тоже только 2 минуты на решение.

Лист бумаги сложили вчетверо и сделали вырезы на сгибах. На одном сгибе вырезали треугольник, на другом — прямоугольник и полуокружность. Мысленно разверни лист бумаги и скажи, какие выре-

занные фигуры получились и сколько их. Не больше 2 минут решаешь.

Наверное, меланхолики лучше всех справились с этими заданиями. А тем, кому представить ни квадрат, ни часы и лист бумаги с вырезанными геометрическими фигурами не удалось, тем ребятам надо **способность представлять** потренировать.

Попытайся вспомнить, в каком платье вчера ходила на работу мама, а потом проверь себя, задай этот вопрос маме.

Дома представь лица своих одноклассников. У кого какого цвета глаза? На следующий день в школе проверь, ошибся ты или нет.

Сколько поворотов ты делаешь по дороге от дома до школы? Представил? Пойдешь завтра в школу, пересчитай.

Почаще представляй себе, как выглядели разные предметы, которые ты видел в кино, в музее, в магазине. Представь звук быстро движущейся электрички, прикосновение к нагретому солнцем камню, к мрамору, бархату...

Если ты разовьешь у себя способность представлять, это не только поможет тебе хорошо учиться, это пригодится тебе в будущем. Пространственное представление необходимо архитектору, строителю, топографу, художнику... Двигательное представление — спортсмену, балерине... Звуковое — композитору, музыканту, испытателю моторов... Чтобы отличить неисправности в работе мотора, надо иметь представление о звуке идеально работающего двигателя.

Все, о чем читаешь в книгах, **представляй себе,** и развитое представление станет вторым кирпичиком в здании **«способности от себя».**

Вообрази то, чего не видел...

На уроке географии ты рассказываешь о климатических особенностях Крыма. В Крыму ты отдыхал с мамой в прошлом году. Ты на минуту отвел взгляд от лиц одноклассников, посмотрел в прошлое и вспомнил все ваше путешествие. Ты представил, как это было. Вот вы с мамой загораете на камнях у самой воды. Ласковое море, жаркое солнышко. Вот вы гуляете по парку, где растут вечнозеленый лавр, туя и маленькие пальмы. Потом вы едете в глубь полуострова через горы, мимо вершины Ай-Петри. Автобус кажется крохотным на узкой дороге, змеящейся вверх. Чем выше вы поднимаетесь, тем холоднее становится. Вы забрались уже выше тучи. Пассажиры достали свитеры, куртки, шапочки. На верхней точке перевала — остановка. Шофер ушел в рощу и через десять минут вернулся с... грибами. Ты и не знал, что в Крыму растут грибы. Правда, они совсем не похожи на грибы средней полосы. Такую сыроежку ты никогда бы не решился положить в свою корзинку.

К вечеру вы спустились в степной предгорный Крым. А там — опять тепло и сухо. Вдоль дорог растут не пальмы, а пирамидальные тополя — длинные, тонкие, издалека похожие на кипарисы.

Ты представил ваше путешествие и рассказал, как иллюстрацию к тем сведениям, что даны в учебнике географии. Ну, а если бы ты в Крыму не был? Или на уроке тебе пришлось объяснять особенности климата Уссурийской тайги, где вообще посчастливилось побывать немногим, что бы ты стал делать? Представление позвать на помощь нельзя. Зато можно **воображение.**

В любой науке есть что-то пока необъяснимое, тайное, не познанное человеком. Либо учеником, либо даже ученым. Воображение нам даст возможность дорисовать, домыслить то, что мы пока не знаем или не видели.

Воображение, фантазия толкают мысль человека вперед: надо создать то, что придумал, построить то, что вообразил. Ты знаешь множество примеров тому. Жюль Верн фантазировал, как люди будут плавать по морям на подводном аппарате, и вот ученые изобрели и построили подводную лодку. Алексей Толстой вооружил героя своей повести инженера Гарина лучом, испепеляющим все на пути. А через десятилетия после выхода романа ученые создали такой луч — лазер.

Творчество без воображения невозможно. И школьнику нужно хорошее воображение, чтобы

писать сочинения, совершать воображаемые путешествия на уроках географии и истории, находить новые пути решения задач по физике и математике... Ты и так слывешь фантазером? А это мы сейчас проверим. Пригласи своих друзей и устрой соревнование.

Назовите предметы, имеющие форму шара.

Где можно использовать кирпичи?

Какие вещи из тех, чем мы пользуемся дома, можно сделать из стекла?

Кто приведет меньше всего примеров, тому воображение надо развивать. Советуем это делать так.

Лежишь летом на берегу речки, смотри в небо и придумывай, на что облака похожи.

Идешь утром в школу, смотри по сторонам и сравнивай друг с другом все предметы, какие встречаешь на пути. Отыскивай в них сходства и различия.

Воображение можно развить, сочиняя сказки. Чтоб не страшно было впервые браться за это дело, предложи ребятам в классе сочинять сказки всем

вместе. Сочиняйте сказки про свой отряд, например.

Вот вы попали на необитаемый остров. Как стали себя вести ребята?

На далекой планете вы видите следы разумных существ. Как разыскать обитателей этой планеты?

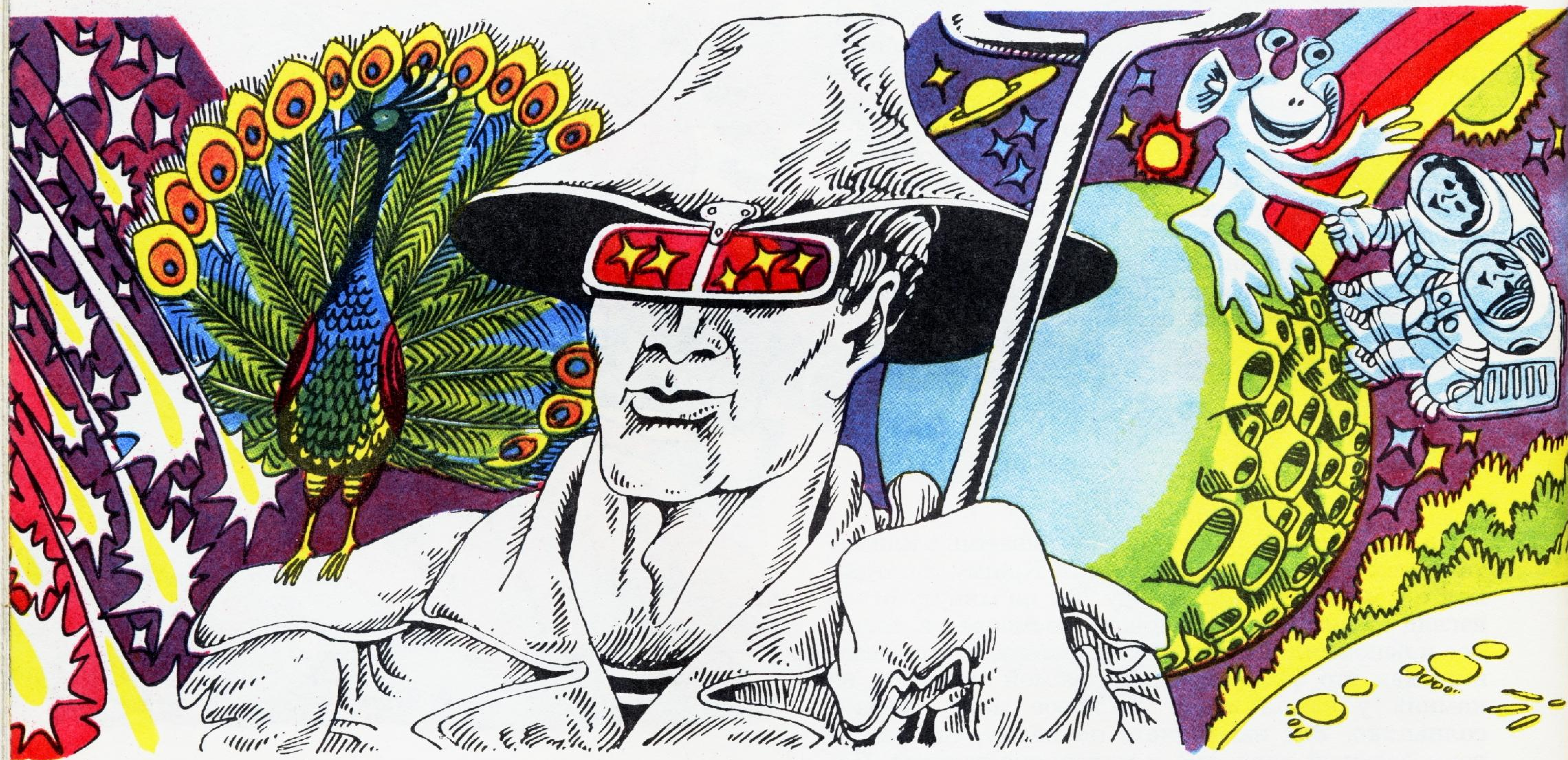
Вы живете в городе, где все сделано из стекла...

Все ребята вашего отряда стали ростом не выше гномиков и затерялись в травяных джунглях...

Не сдерживайте свою фантазию, сочиняйте. А потом опять можно проверить, у кого воображение лучше.

Часто в детских и во взрослых журналах печатают такие головоломки. Среди плотного переплетения линий надо найти четыре профиля лица или сообразить, сколько птиц и зверей сидит на дереве... Такая игра тоже тренирует воображение.

Развить воображение — это сделать еще один шаг к тому, чтобы стать **способным «от себя».**

Наблюдательный всегда в выигрыше

Ты сколько цветов знаешь? Давай посчитаем: желтый, лимонный, оранжевый, красный, бордовый... Тридцать шесть, сорок восемь или больше получается?

В Японии каждый ученик к седьмому классу различает 240 цветов. Так у детей в этой стране развивают наблюдательность.

А лионские ткачи различают 100 оттенков одного только черного цвета. Даже представить себе это трудно!

Опытный сталевар по оттенку пламени в печи определяет, готова ли плавка.

Наблюдательный всегда в выигрыше. Пока остальные раскачиваются да соображают, что им надо делать, наблюдательный уже все приметил и к делу приступил. Наблюдательный человек быстро сходится с другими людьми. Не потому, что он компанейский да веселый. Просто он быстро замечает, чем увлекается другой человек, что он знает, и готов завести беседу на интересную для всех тему.

Хорошая наблюдательность важна для ученого и космонавта, рабочего и полевода...

Развить наблюдательность тебе помогут так называемые «игры индейцев». Подмечай, какие изменения происходят в природе. Идешь утром в школу, смотри: где появились после ночного дождя лужи; с каких деревьев еще не облетели листья, откуда сегодня дует ветер... А днем, после школы, сравни, что в природе за эти несколько часов изменилось.

В походе устройте конкурс наблюдательных. Право называться «осторожным индейцем» получит тот, кто сможет перечислить как можно больше растений, что вы видели в лесу, кто различит птиц по голосам, кто обнаружит следы зверей.

Вот и еще одну способность ты у себя развил — наблюдательность. Легче тебе стало учиться?

Зазубрить? Нет, понять и запомнить!

Тем ребятам, у кого плохая память, надо учить наизусть стихи. Но учить стихи им не радость, а мучение. Стихи не запоминаются, память-то плохая. Как вырваться из этого заколдованного круга?

Сейчас мы дадим тебе несколько советов. Попробуй, может, они помогут.

Стихи лучше учить в несколько приемов. Прочитал стихотворение два-три раза, попробуй рассказать. Маленькое стихотворение — целиком. Большое разбей на куски. Можно подглядывать в книгу, если вспомнить следующую строчку никак не уда-

ется. Рассказал, как смог, отложи стихотворение в сторону и займись другими уроками. За вечер ты еще не раз вернешься к нему.

Вот уроки сделаны, и ты опять берешь в руки книжку со стихами. Перечитай стихотворение и скажи себе: «Я должен запомнить его надолго». Если ты **поверишь** себе, что стихотворение ты учишь не к завтрашнему уроку, а, может, на всю жизнь, оно долго будет храниться в твоей памяти. Психологи заметили: если мы учим урок только для того, чтобы ответить его завтра, а на следующий день нас не спрашивают, через пару дней мы урок совершенно не помним, и все надо учить заново. Поэтому наша установка: «Я хочу запомнить стихотворение надолго» — очень важна. Это приказ мозгу, и мозг этот приказ выполнит.

Попробуй теперь стихотворение рассказать с выражением. Потом — на разные голоса. Потом прочти его, как артист читал бы со сцены. Расскажи

громко и гневно; мягко и шепотом... Пофантазируй, подурачься, главное — не бубни его скучно и бесстрастно.

Есть такой закон надежности в заучивании: даже когда чувствуешь, что стихотворение знаешь, расскажи его наизусть еще **три** раза.

У одного из авторов этой статьи в школе была учительница английского языка, которая заставляла своих учеников рассказывать у доски английские стихи по три раза. Вызывает она ученика, тот начинает отнекиваться: «Мария Ефимовна, я вам это стихотворение в прошлый раз отвечал. Вы мне «четверку» поставили». Но Мария Ефимовна настойчиво зовет его к доске и заставляет прочесть стихотворение и во второй, и в третий раз. Пятнадцать лет с тех пор прошло, а мы, ученики Марии Ефимовны, все эти стихи до сих пор наизусть помним.

Когда человек долго занимается одной и той же работой, он устает и забывает, что читал или слышал до того, как сел за работу. Поэтому уроки надо готовить дома так, чтобы не устать и к ночи не забыть, что ты учил в середине дня.

Лучше всего уроки начать с заучивания стихов. Это не такое сложное занятие, а для начала в любом деле нужна раскачка. И потом ты еще раз к стихам вернешься (мы договорились: учить стихи надо в несколько этапов), так что нет опасности, что за остальными уроками ты успеешь их забыть.

Через десять — пятнадцать минут, как ты сел за домашнее задание, можно приступать к самому сложному уроку. Какая наука тебе труднее дается: математика, русский, физика? Вот за нее и берись. Потом займись чем-нибудь полегче: зоологией, географией... Устным предметом. Потом опять сделай письменное задание. Напоследок вернешься к стихам.

Запомни: быстрее всего мы забываем то, **что не поняли.** И то, что нас **не взволновало.** Поэтому **зубрежка — занятие совершенно бесполезное.**

Но запоминание не сводится только к пониманию. Ты прочитал дома в учебнике истории про «соляные» бунты и **все понял.** На следующий день тебя вызвали отвечать по истории, а рассказать ты урок не можешь, оказалось, **ничего не запомнил.**

Надо не только прочитать параграф в учебнике. Текст должны не только увидеть глаза, но и проговорить губы, услышать уши, основные мысли должна подчеркнуть или выписать рука. Тогда у тебя включится в работу и память зрительная, и слуховая. Одна другую поддержит, одна другой поможет, и ты запомнишь урок надолго.

Хочешь запомнить какое-то событие навсегда — расскажи о нем в ближайшее время кому-нибудь. Есть такое правило запоминания. Если это правило перенести на проблемы школьные, получится: хочешь урок запомнить надолго, обязательно перескажи его — маме, папе, бабушке или сестре...

Чем больше ты знаешь, тем лучше работает твоя память. Первый иностранный язык выучить нелегко, второй — легче, а третий учится совсем просто.

Память свою человек может развивать до безграничных пределов. Было бы желание и упорство. Один мальчик в 5-м классе поставил перед собой задачу: сделать память хорошей. Он учил наизусть стихи, потом — прозу. Потом стихи и прозу на иностранном языке. С одного прочтения вслух он стал запоминать 26 двузначных чисел! Одиннадцать чисел—это уже много. Попроси друга записать на листе бумаги пять-шесть двузначных чисел и медленно прочесть их тебе. Сможешь повторить с первого раза и без ошибок?

Одни люди лучше запоминают то, что **увидели** написанным, нарисованным. У них развита зрительная память. Другие люди легче запоминают то, что **услышали.** У них хорошо развита слуховая память. Что делать, если зрительная или слуховая память у тебя хромает? Можно ее развить, конечно. Но есть и другой выход — опираться на то, что у тебя **уже** развито. Помнишь, мы говорили в предыдущем номере журнала об особенностях твоего темперамента и о том, что надо делать упор на его достоинства и не ставить себя в такое положение, когда будут видны его слабые стороны.

Так и с памятью. И с другими способностями: вниманием, наблюдением, воображением... Развивать-то их развивай, но больше всего опирайся на то, что у тебя уже есть, что тебе дано от природы. Тогда твои «способности от себя» будут расти не на пустом месте, а на прочной платформе природных способностей. И расти будут успешно.

Рисунки Л. НАСЫРОВА.

*«Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя **

Борису РОЖИНУ 15 лет, живет он в городе Алапаевске Свердловской области.

* * *

Революции слава! Слава!
Не для громкого слова. Нет!
Из людского редчайшего сплава
Ее выкован алый цвет.
То далекое с нами рядом,
Оно в нашем сегодняшнем дне,
Революция с красным флагом,
Продолженье твое — во мне!

Галя БАКУЛИНА живет в селе Новая Криушна Воронежской области, девятиклассница. Это стихотворение Галя написала, когда еще училась в 8-м классе.

Советским школьникам

Гордись, Человек!
Улыбнись, Человек!
Рожден ты в Стране Советов!
А в мире людском
Она маяком
Светит для всей планеты!

Гордись, Человек,
И помни: вовек
Непобедима Отчизна!
И скоро над ней
Рукою своей
Зажжешь ты зарю коммунизма!

Гордись, Человек,
Расти, Человек!
Скоро ты станешь трудиться.
И будет тогда
Везде и всегда
Тобою страна гордиться!

Денис КОТЕЛЬНИКОВ — киевлянин, ученик школы № 39. Денису 14 лет, у него много серьезных хороших стихов. Одно из них «Кораблик» принял на борт.

Александр Матросов

Бой под деревнею Чернушки.
Все смолкли дзоты, лишь один
По нашим бьет. И, как хлопушки,
Гранаты рвутся перед ним.
Бьет пулемет огнем прицельным,
Не обойти и не пройти.
В атаку броситься бесцельно —
Погибнут все на полпути.
Но вот Матросов показался.
Он к дзоту движется ползком,
Вдруг на колено приподнялся,
Гранаты бросил он рывком.
Они взорвались рядом с дзотом,
Но пулемет остался цел.
И снова смерть висит над ротой —
Взяла их жизни на прицел.
Не погибать же всем у дзота...
Матросов ближе всех к нему.
Других спасти — его забота.
Не сделать это никому.

И он закрыл собою роту.
Он грудью Родину закрыл.
Он лег на дуло пулемета
И боя тем исход решил.

«ПОГРАНИЧНИК».
Кира ВОНИФАТОВА, 10 лет.

Юля ЗЕЛЬЧЕНКО — москвичка, она учится в 35-й спецшколе, в восьмом классе.

Нам нужен мир

Я хотела б сказать всем народам на свете:
«Неужели вам в мире не хочется жить?!
Неужели хотите вы смерти планете,
Где все люди должны меж собою дружить?

Неужели вам хочется атомных взрывов,
Неужели весь мир вы хотите спалить?
Неужели вам мало одной Хиросимы,
Где болезнь до сих пор не смогли победить?

Ну, а если вы против пожара земного,
Если к людям разумным решили примкнуть —
Торопитесь сказать на Земле свое слово:
Было времени много, осталось чуть-чуть!»

Стихи Светланы ПЕТРОВОЙ. Светлане 13 лет, живет она в городе Волгограде.

* *
*

Надеваю свитер,
потому что ветер.
Кто-то вереск ночью
инеем отметил,
Этим и ответил
на мои вопросы:
Будут ли морозы
просветлять откосы
Млечным снегопадом,
веяньем оттуда,
Где зимы дыханье,
как намек на чудо?
А покуда прелесть
сырости осенней.
Что за птицы спелись
в золоте растений?
«Ни строфы, ни строчки», —
я себе сказала,
Но в своей тетрадке
все же написала:
«Холода все чаще,
проливни все больше,
Дыня стала слаще,
а рябина горше...»
Если нет названья
для стиха сначала,
Три снежинки ставят
над его началом.
Чтобы те снежинки
в сердце вам влились,
Чтоб они над строчкой
звездами зажглись!

Два стихотворения о последних теплых днях осени. Первое сочинила Оля ЕРЦИНА, семиклассница из Иркутска, второе — киевлянка Виктория МАРЧЕНКО, тоже ученица 7-го класса.

Листья

Багряный, лиловый, лимонный,
Листья срываются с веток,
Кружатся в воздухе тихом
И падают под ноги к нам.
Листья причудливых красок
Похожи на звезды морские,
На рыбок игривых и шустрых,
На гребешок петуха.
Пахнут же листья летом,
Безоблачным, солнечным, теплым,
Веселым,
Как струи ручья.

Что я люблю

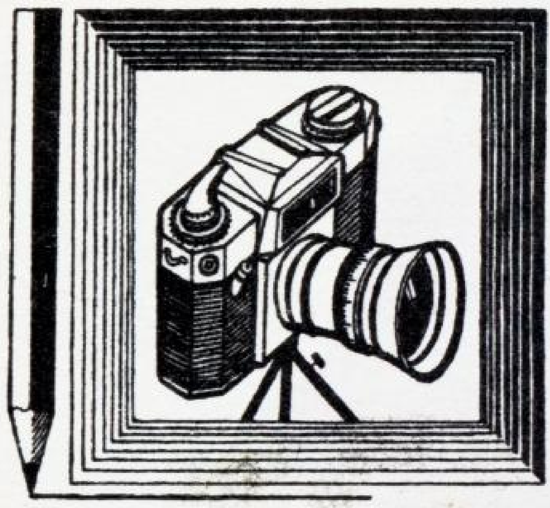
Я люблю сухую осень,
Лист багряный, как закат,
Между веточками — просинь,
А кругом — полно ребят.
Этот — листья собирает,
Та — каштан увидела...
А малыш на птичью стаю
Загляделся: «Вот дела!»
Все прозрачно и ажурно,
Все воздушно и легко.
Неожиданно и бурно
Разливается тепло.
Шорох листьев... Под ногами
Золотой ковер горит...
Солнце яркое над нами
Всех улыбками дарит.

Маша ГРЕЧУШНИКОВА — москвичка, семиклассница. Учится в школе № 52.

Первый день зимы

Еще вчера шел дождь, была слякоть. Но вечером все подмерзло, и пошел снег. Он падал на землю большими белыми хлопьями — как вата. Все искрилось в свете луны. Деревья, покрытые снегом, казались сказочными. К утру снег прекратился, природа замерла. Взошло солнце. В его свете все было розово-голубоватым, с виду очень хрупким. Кажется, будто дотронешься до березки, и она с хрустальным звоном рассыплется. А ели стояли величавые, мудрые, как старые богатыри. День разгорался.

НОВОРОССИЙСК

Город стоит спиной к горному хребту, лицом к бухте. Бывает, налетит с гор суровый ветер бора, вздыбит воды бухты, сорвет с якорей лодки, заледенит Новороссийск. Но люди умеют бороться со стихией, и когда ветер кончается, вновь встает город во всей своей трудовой красоте.

Так выстоял Новороссийск и против стихии фашистского нашествия.

Летом и осенью 1942-го город был ключом к Закавказью. Удастся гитлеровцам завладеть Новороссийском, и дорога к плодородным долинам Грузии, к нефти Баку открыта. Ради этого на Новороссийском направлении гитлеровское командование сосредоточило войска численностью в несколько раз больше, чем советские.

Но не всегда можно выиграть битву просто числом. Больше года длилась битва за Новороссийск. Вместе с воинами Советской Армии участвовали в ней все жители города. Стремление к победе давало людям силы совершать подвиги... Двое суток держался отряд моряков под командованием майора Цезаря Куникова на небольшом участке берега в южной части пригорода Новороссийска — Станички. Пятнадцать, двадцать раз в день атаковали десантников враги, но так и не смогли сбросить советских моряков с плацдарма. Куниковцы удержали его и расширили для высадки частей 18-й армии.

С 15 февраля 1943 года началась семимесячная оборона этого плацдарма. Противник обрушивал на советских солдат непрерывный огонь. На каждого участника десанта за 225 дней обороны пришлось по 1250 килограммов смертоносного металла: снарядов, мин, авиабомб. Но невозможно было сокрушить решимость советских людей выстоять и победить.

В сентябре 43-го началась Новороссийско-Таманская операция по разгрому немецко-фашистских войск на Таманском полуострове. Главный удар по Новороссийску нанесла 18-я армия вместе с десантом Черноморского флота. Среди тех, кто освобождал город, был и его уроженец, летчик-истребитель Евгений Яковлевич Савицкий. Сейчас он маршал авиации, дважды Герой Советского Союза. Его дочь, тоже дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт Светлана Савицкая работает в мирном космосе. Право на эту работу завоевали для нее и всех нас герои Великой Отечественной.

Фотографии В. АРСИРИЯ и М. ГОСТЮЖОВА.

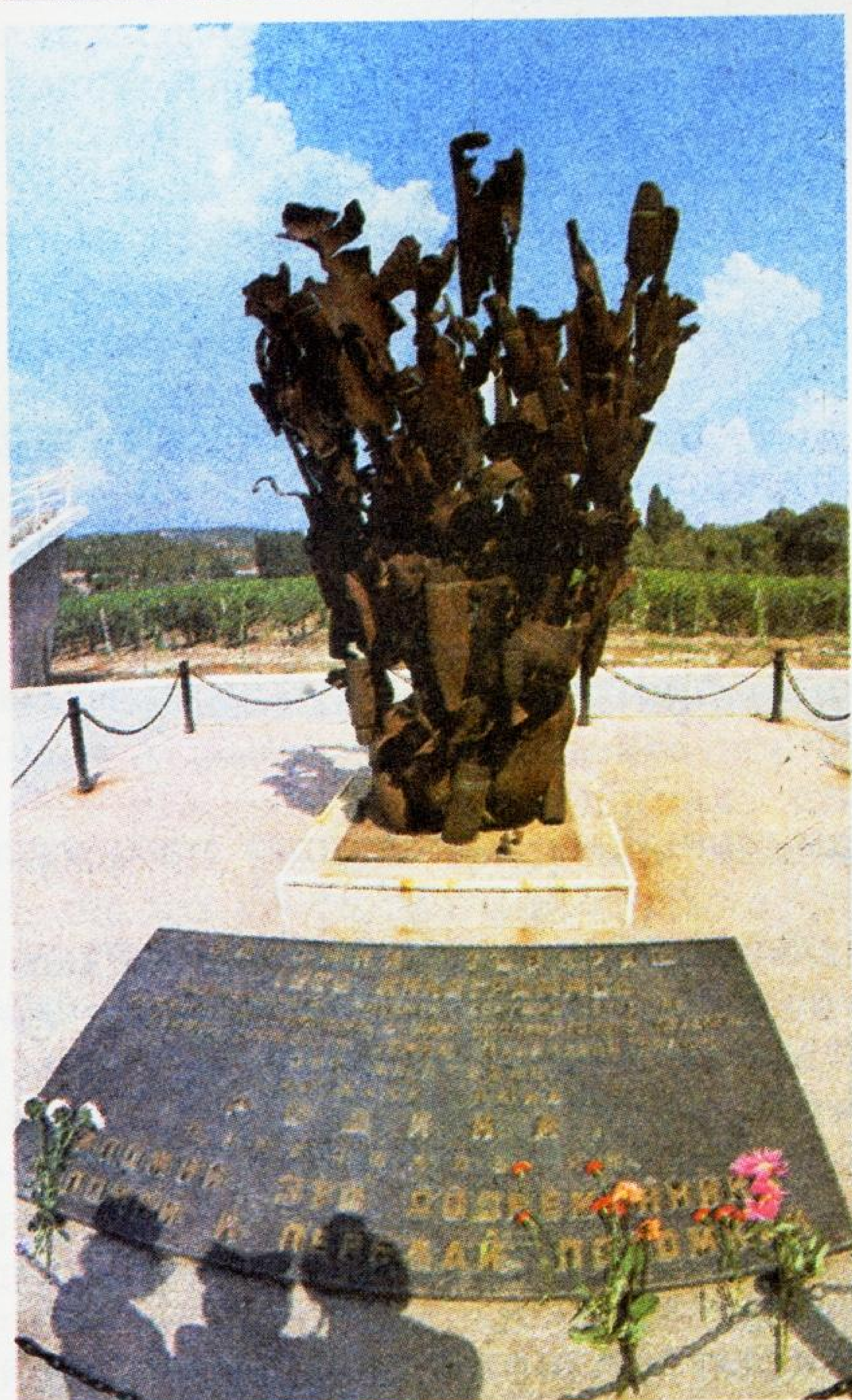

Бои в Новороссийске не утихали ни на минуту. Советские воины, ополченцы, моряки использовали каждое самое маленькое укрытие для новой атаки на врага. Натиск фашистов был силен, но невозможно сломить людей, борющихся за освобождение Родины... И наконец настал этот день, день освобождения. Новороссийск встретил своих героев.

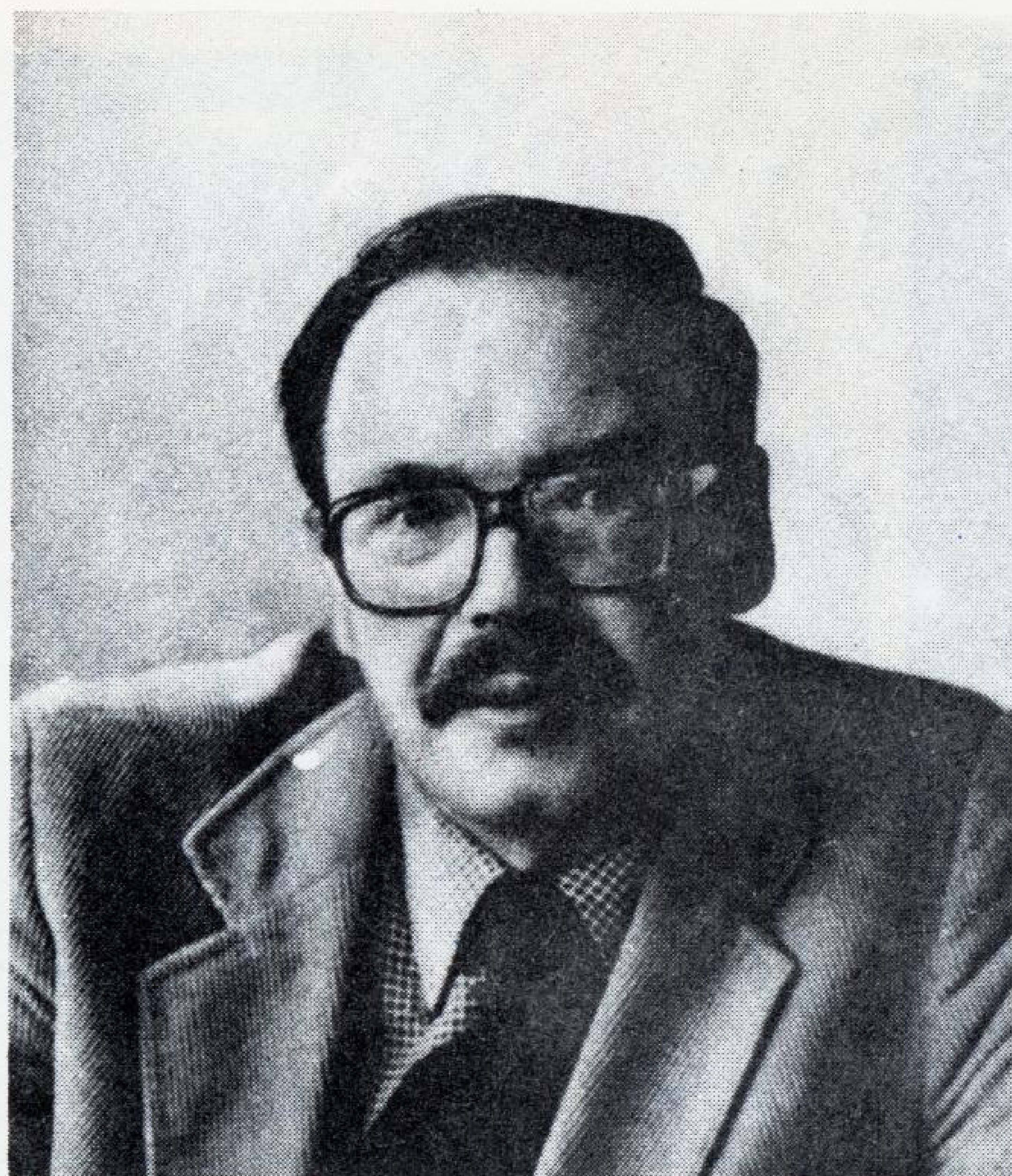

Во Всероссийском пионерском лагере «Орленок» есть традиция — каждую смену приезжают ребята в Новороссийск, чтобы поклониться памяти погибших на этой героической земле, чтобы вновь и вновь дать клятву пионерской верности Родине.

Олегу Николаевичу Тихомирову исполнилось 50 лет. В 1963 году он пришел в журнал «Пионер» и 8 лет работал в нем. Но до сих пор по командировкам журнала он ездит по нашей стране, и ребята узнают о новом заводе в Тольятти, о Нурекской ГЭС в Таджикистане, Дворце пионеров на Чукотке, об интересных людях Карелии, Сибири, Украины.

Для юных читателей Олег Тихомиров написал немало интересных книг. Его повесть «Зеленое окно» никогда не залеживается на полках библиотек. Повесть о первой мальчишеской любви глубоко лирична, учит юных ценить это высокое чувство. Хорошими спутниками детства стали повести О. Тихомирова о юных героях — «Кузнечик», посвященная Алеше Кузнецову, погибшему во время октябрьских боев 1917 года в Москве, «В ту пору суровую в Киеве» — о киевском пионере Косте Кравчуке, который в годы войны спас два полковых знамени и был награжден высокой правительственной наградой — орденом Красного Знамени.

Олег Тихомиров хорошо знает русскую историю. Юные читатели благодарны ему за книги об Александре Невском, Дмитрии Донском, Минине и Пожарском, Иване Болотникове и Михайле Ломоносове. Эти книги учат мужеству, героизму, воспитывают любовь к нашему Отечеству.

Журнал «Пионер» и его читатели сердечно поздравляют О. Н. Тихомирова с днем рождения и желают ему творческих удач.

В этом номере «Пионер» знакомит читателей с отрывком из новой повести Олега Тихомирова.

Олег ТИХОМИРОВ

КАК ПИЛИ КОФЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

Валентин Иванович был дежурным врачом в тот день и заходить в девятую после ужина не собирался. Он сидел в кабинете, просматривал последние рентгеновские снимки своих больных. На черно-белой пленке он видел контуры, тени, линии, очертания. А в памяти тут же появлялись ребячьи лица и глаза — внимательные, настороженные, реже обрадованные. Да, не так часто, как хотелось бы, случается радовать врачу больных. Ну вот хотя бы Шалва Бадурашвили. Трудный случай. Восстановительный процесс идет медленно.

Доктор отложил снимок, машинально побарабанил по столу. Возникшее перед взором бледное, с тонкими чертами лицо не пропадало. В черных глазах — безразличие. Это очень плохо. Таким Валентин Иванович увидел сегодня Шалву утром на обходе. Но в самом деле, сколько можно слышать от врачей: держись, мол, ты мужчина, не вешай носа, все будет хорошо. Для больных время движется во много раз медленнее. Где мальчишке набраться терпения? И не навещает его никто. У других родственники живут поблизости, часто приезжают. А до маленького грузинского селения далеко. Нет, все же нужно написать родным Шалвы. Пусть найдут возможность приехать. И в девятую, пожалуй, нужно сейчас сходить. Хотя бы в шахматы сыграть с Шалвой. Играет ли он? Ладно, там разберемся.

Валентин Иванович вызвал сестру.

— Наташа, посиди здесь вместо меня. Вот тебе «Юность», почитай. Если понадобится — я в девятой.

Он вошел в палату и сразу подсел к Шалве, улыбнулся:

— Как себя чувствуешь?

— Нормально.

— В шахматы играешь?

— Угу.— А глаза все те же безразличные.

Как тяжко глядеть в такие глаза и какое счастье испытываешь, когда видишь — пробудилась в них жизнь, появился блеск, зажглась надежда. Валентин Иванович около двадцати лет проработал в этой больнице, насмотрелся всякого.

— Сгоняем партию,— предложил Валентин Иванович,— только долго не думать.

— Не хочется,— проговорил Шалва.

— Да ты что?! — притворился изумленным Валентин Иванович.— Или ужин был плохой, каши мало съел?

— Ужин нормальный,— равнодушно отозвался Шалва.

Зато другие «девяткинцы» подхватили шутку.

— Все было вкусно, Валентин Иванович,— сказал Колька,— да у меня ложка с дыркой попалась, я бы больше съел.

— А у меня сахар был соленый,— поддержал Сережка.

Диков тоже решил не отставать, сказал:

— А у меня кофе горькое.

— Про кофе нужно говорить — горький,— поправил Валентин Иванович.— Кстати, если кофе немножко горчит, значит, он хорошего качества.

— Валентин Иванович, кофе же — «оно», а вы говорите — «он»,— не сдавался Диков.

— Нет, Володя, ты уж поверь. И вообще по части кофе не спорь со мной.— Валентин Иванович помахал рукой.— Я ведь специалист... Во дворе у нас во время войны такой кофе варили!

— А после войны?— спросил Сережка.

— После войны?.. Уже не то было. Жизнь другая пошла — получше.— И видя, что его не поняли, Валентин Иванович вдруг оглядел всех, опять улыбнулся и спросил: — Хотите, расскажу немного о своем детстве?.. Только начну не с тех далеких времен, а с позавчерашнего вечера, когда я был в театре.

Во время антракта я обратил внимание на женщину средних лет. Вернее, я смотрел на ее тонкие пальцы, в которых она держала чашечку кофе. Один из них — мизинец — был как бы откинут в сторону.

В этом одновременно можно было усмотреть и

некоторую изящную непринужденность и какую-то манерность. Но может, я вовсе не прав. Может, палец у нее был в таком полусогнутом покалеченном состоянии, как знать...

Я вспомнил девочку времен своего детства. Звали ее Зойкой. Она вот так же, отогнув мизинец, держала игрушечную чашку. Мне казалось это смешным — будто боится обжечься, а в чашке-то была просто вода из крана, что находился возле нашего подъезда и к которому дворник Борзов обычно прилаживал длинную черную кишку, когда собирался поливать улицу. Точнее сказать, в чашке была не чистая вода, а какая-то жижа, приправленная песком, взятым из противопожарного ящика, стоявшего тут же у дверей подъезда.

Я не играл с Зойкой, потому что был старше ее на два или три года, а игру в «дочки-матери» с приготовлением «еды», мытьем посуды, стиркой и укладыванием кукол спать считал самой глупой игрой на свете. Но я жил на втором этаже, и наши окна, выходящие во двор, располагались как раз над тем местом, где играли девчонки в свои дурацкие игры. Если делать было нечего, я любил валяться на широком подоконнике и смотреть, что происходит во дворе. Иногда я так ожидал появления своих приятелей — Васьки-Огольца, Жирного или Чепы, и когда они выходили, я срывался со своего излюбленного места и бежал к ним.

Мне не очень-то нравилось, что девчонки устраивались на скамейке как раз под моим окном. Их однообразные, тихие игры с мелкими ссорами и обидами действовали мне на нервы, и я, конечно, разогнал бы «дочек» и «матерей», если бы рядом с ними не сидела длинная костлявая старуха с клюкой и с неизменным черным платком на плечах — бабушка той самой Зойки.

— Бабка-Ежка! — выкрикивал я из окна, готовый в любой момент спрятаться за занавеску.

Но старуха или не слышала или не обращала внимания, и мои выкрики, так и не пробив ее обычного дремотного состояния, рикошетом задевали девчонок. Они поднимали головы, и в их глазах я читал то обиду, то испуг, то благородную ярость. Я был доволен, я нагло улыбался. Однажды моя наглость достигла предела: я наполнил водой клизму, и, перегнувшись через подоконник, ударил по скамейке тугой струей. Какая же суматоха тут поднялась! И девчоночий писк, и плач, и суета ничего не понимающей спросонок старухи. Вначале она хотела запихнуть всех под свой большущий черный платок.

— Господи!..— причитала она.— Скорей сюда, милые... Зоенька!..

Ей, видимо, показалось, что началась бомбежка. Как же я хохотал... Зато и досталось мне потом от матери! Словом, справедливость восторжествовала, ежедневные игры в «дочки-матери» продолжались, и мне не оставалось ничего, как терпеть их.

Теперь вы понимаете, почему, не играя с той девчонкой, я до мельчайших подробностей знал, как она держит чашку, что она «пьет» из этой чашки и как крепко был приготовлен ее «кофе».

Все мы жили в ту пору бедно, а Зойка — особенно. У всех у нас отцы были на фронте, а у Зойки отец пропал без вести, и никакого пособия за него не платили. Старуха тоже не получала пенсии, а мать была на низкооплачиваемой работе. Как они тогда крутились — трудно представить. Но как-то выкручивались. И даже кошку держали по имени Маркиза. «Маркиз... Маркиз... Маркиз...» — неслось, бывало, по двору: Зойка зазывала домой кошку.

Зойкино лицо всегда было бледным, словно разбавленное молоко, приносимое в наш подъезд молочницей тетей Дусей по тридцать пять рублей за кружку. Ровно лежала эта бледность на девчоночьем остроносеньком лице — ни веснушек, ни родимого пятнышка. Точь-в-точь, как в теть-Дусином молоке ни одной жиринки. Когда я глядел на Зойкины косицы — два крысиных хвостика, у меня возникало желание дернуть за них, но я себя сдерживал: стоит ли с писклей связываться? Она и в школу-то еще не ходила, лишь в сентябре должна была отправиться в первый класс, я же в тот год перешел в третий.

Как бы там ни было, но мне так и хотелось чем-нибудь задеть ее, унизить, причинить ей зло. Я не выносил ее писклявого голоса, целыми днями зудящего под моим окном.

И вот как-то раз, спускаясь по лестнице, я застал ее на обшарпанном, изрезанном перочинными ножами подоконнике, что был на площадке между первым и вторым этажами. Она сидела и раскладывала какие-то цветные бумажки (кажется, это были фантики от конфет — тогда многие у нас во дворе собирали фантики). Она вынимала их из папиросной коробки, разглаживала на тощих коленях ладонью и размещала веерообразными рядами.

— Так,— сказал я и схватил коробку с несущимся на коне черным всадником.— Было ваше, стало наше.

Она заморгала ресницами, лицо ее порозовело.

— Отдай,— проговорила она дрогнувшим голосом.

Я отвел коробку со всадником за спину, словно она могла ее вырвать, а другой рукой взял в кулак один из «крысиных хвостиков».

— Три раза дерну, тогда отдам. Согласна?

Я упивался своей властью. Я мог дернуть и не отдать. Хотя зачем все это нужно было, не знаю. Недавно я зачитывался книжкой о благородном капитане Немо — и вдруг такой жалкий пустой разбой в подъезде.

— Ну как, согласна? — повторил я.

— Если... если не сильно.

Я ожидал всего, только не этого. Пальцы мои выпустили жиденькую косицу. Я швырнул коробку из-под папирос на подоконник и побежал дальше. Я не чувствовал ни победы, ни удовлетворения. По моим предположениям, она должна была или разразиться плачем или дернуться. Тогда бы я крикнул: «Эгей!» — и подкинул бы коробку вверх, и посыпались бы разноцветные фантики, и это, может, немножко походило бы на салют, которым Москва в то лето начала отмечать победы нашей армии. Но сейчас после ее робких и жалких слов «...если не сильно» странную неловкость испытывал я. Будто не я, а меня унизили. Но отчего овладело мной такое чувство? Да и кто мог меня унизить — я не понимал. Не Зойка же?.. Тогда кто?

Поравнявшись с окнами Розальи Ефимовны, жившей в одной из угловых комнат нашего дома, я остановился, чтобы перевести дух. Розалья Ефимовна, седая и сутулая, с всегда красноватыми, выцветшими глазами, когда-то была музыкантшей и жила в Ленинграде, но перед самой войной приехала в Москву к сыну да так здесь и осталась. Сын ее был убит на фронте в сорок первом под Волоколамском, а в блокадном Ленинграде погибли дочь и внучка.

Старая, придавленная горем женщина была человеком совершенно безобидным, но я, Васька-Огольц и Жирный любили ее разыгрывать.

Шутки наши были крайне однообразными и примитивными.

— Розалья Ефимовна! — кричал кто-нибудь из нас.

Старуха открывала окно, выглядывала:

— Слушаю.

Она всегда так говорила «слушаю», и уже одно лишь это нас веселило.

— Пожар! — И мы задирали головы, как бы рассматривали что-то на крыше.

— Я сейчас... я быстро.

Розалья Ефимовна скрывалась, чтобы через несколько минут появиться с маленьким саквояжем в руках. Оказавшиеся рядом люди успокаивали ее, говорили, что никакого пожара нет.

— Значит, потушили,— кивала она головой,— теперь можно возвращаться.

Она не могла представить, что таким страшным словом мы позволяем себе играть. Но в конце концов и на нее перестало действовать это слово. Может быть, так случилось из-за того, что под ее окном появлялись одни и те же мальчишки? И тогда мы подучили Зойку за пять фантиков разыграть старуху-музыкантшу.

— Розалья Ефимовна,— пропищала она неуверенно под ее окном, сжимая в руке фантики.

— Слушаю.

И вдруг Розалья Ефимовна всплеснула руками, как-то тихо ахнула, и счастливейшая улыбка озарила ее серое сморщенное лицо. Мы даже глазам своим не верили.

— Ада...— произнесла старуха,— внученька.

Зойка, растерявшись, стояла молча и все сжимала свои дрянные фантики.

— Пожар!..— подсказывали мы ей.— Пожар...

Но Зойка будто оглохла.

— Ада,— протягивала руки музыкантша.— Иди же ко мне, маленькая.

Васька-Оголец не выдержал, выскочил из укрытия и закричал:

— Пожар, Розалья Ефимовна...

Музыкантша не замечала Ваську.

— Адочка...— все еще улыбалась она.

— Да вы что! — бесновался Оголец.— Слушайте меня, Розалья Ефимовна. Вам говорят — пожар!

— Адочка...

— А меня зовут Зоя,— проговорила наконец девчонка.

— Зоя?..— И улыбка погасла. И опять лицо Розальи Ефимовны стало прежним. Даже нет, оно сделалось еще более тусклым, еще более некрасивым.

Все же она затащила к себе Зойку, и девчонка через какое-то время вышла от нее с картонной коробкой, перехваченной крест-накрест тесьмой.

— Не фига себе! — произнес Васька-Оголец.

И мы окружили Зойку.

— А ну-ка! — проговорил я, и коробка оказалась в моих руках.

Зойка заголосила, но мы, не обращая на нее внимания, разглядывали коробку.

«Детский кофейный сервиз» — было написано на коробке большими буквами. И маленькими — «на четыре персоны».

Музыкантша, видимо, еще перед войной купила этот сервиз для внучек, а Зойка чем-то напоминала ей одну из них.

— Отдавайте... а-а-а...— вопила Зойка.

— Мальчики, отдайте сейчас же...— высунулась из окна Розалья Ефимовна.

Сервиз был нам не нужен.

— На,— сказал я,— держи свою коробку. Персона!..

С тех пор-то Зойка и стала выносить для игры в «дочки-матери» четыре чашечки и угощать подружек «кофе». Первой персоной была, разумеется, сама Зойка, второй — непременная участница всех игр, проводимых на скамейке, Ninастая — так звали длинноногую девчонку из второго подъезда. В качестве третьей персоны обычно приглашалась Верка-Ябеда. Четвертая же персона за «столом» не сидела, а лежала на коленях у Зойки. Этой персоной была кошка Маркиза.

Если сказать точнее, во время «кофепития» шла игра не в «дочки-матери», а в «гости». И разговоры велись тут уж взрослые. Называли все друг друга на «вы».

— Дорогие гости,— пищала хозяйка «дома»...— Я вас буду угощать кофем.

— Спасибо,— фальшивым голосом отвечала Нинастая.— Мы дома наелись.

— Да,— подтверждала Верка-Ябеда,— нам уже совсем не хочется есть.

Персона номер четыре скромно молчала. Глаза у нее были закрыты.

— Хотя бы по одной чашечке,— настаивала хозяйка.— Только сахар у меня кончился, даже не знаю, как быть.

По одной чашке гости выпить соглашались, и хозяйка наливала им «кофе» из зеленой бутылки.

— А у нас,— начинала светский разговор Нинастая,— сегодня давали в магазине сахар. Но я дома забыла карточки.

— Как же так, Нина Ивановна? Нужно было занять очередь и вернуться,— советовала хозяйка.

— А номер написать химическим карандашом на руке, чтобы не стерся,— поддерживала ее Вера-Ябеда.

— Да? Умные вы какие! — не соглашалась Нинастая. — Там была «живая» очередь, а не «мертвая».

— Зоя Петровна, я принесла с собой сахар,— говорила Верка-Ябеда. — У нас отоваривали сахаром вместо мяса. Куда высыпать куски?

— Вот в эту вазочку, пожалуйста. — Хозяйка подставляла ей банку из-под американской тушенки, и Верка высыпала туда из кулька камушки.

«Сахар» гремел о дно банки. Персона номер четыре вздрагивала, широко раскрывала глаза и настороженно смотрела, приготовившись дать стрекоча.

За чашечкой «кофе» светский разговор продолжался.

— А знаете,— говорила хозяйка,— у нас есть кошка.

— Интересно,— отзывалась все тем же фальшивым голосом Нинастая. — А вы не врете?

— Не вру. Только сейчас ушла гулять.

— Очень интересно,— вторила Нинастой другая гостья. — Как же ее зовут?

— Зовут ее Маркиза.

Персона номер четыре приоткрывала один глаз.

— А почему вы ее так назвали?

— Потому что в старину так звали красивых женщин,— поясняла хозяйка и поворачивалась к старухе в платке. — Правда, бабушка?

Бабка-Ежка не хотела отвечать. Она дремала. Может быть, она видела во сне старину.

— Вовсе нет,— возражала хозяйке Нинастая. — Красивых женщин звали мадамами.

Верка-Ябеда всегда старалась показать, что она знает больше всех. Она добавляла:

— А самую красивую звали мадам Тюлюлю.

Каково было мне, сидя на подоконнике, слушать подобную чепуху! А девчонки еще пуще разошлись. Они придумали игру в «мадам Тюлюлю». Каждая из них по очереди становилась знаменитой «мадамой», а другие в это время расчесывали ей волосы, вплетали ленты, пудрили мелом лицо, делали мани-

кюр (чернильным карандашом). Нужно было пресечь такое безобразие. Вот тогда-то во время первой игры в «мадам Тюлюлю» я и ударил по ним струей из клизмы. Ничего путного, как я уже говорил, из этого не получилось. Но все же с тех пор девчонки нет-нет да и поглядывали на мое окно с опаской.

Лишь однажды, наблюдая за их «кофепитием», я почувствовал к Зойке симпатию.

Вначале разговор у них шел все в том же ненавистном мне духе.

Роль хозяйки «дома» впервые исполняла Нинастая (Зойка никому никогда не уступала эту роль, а тут вдруг случилось такое чудо). Нинастая решила, видимо, слегка отклониться от незыблемого хода игры. Она сказала:

— Сегодня, гости дорогие, будем пить сырое кофе.

— Это почему же? — насторожилась Зойка.

— Потому что варить не на чем. Керосин у меня кончился.

— А можно сырое кофе пить? — спросила с недоверием Верка-Ябеда.

— Можно,— сказала Нинастая. — Пьют же сырое молоко.

— Нет,— вмешалась Зойка. — Бабушка говорила мне, что кофе варят.

— На чем же я буду варить? — не уступала Нинастая. — Говорят же вам, нет керосина.

— Нужно взять взаймы у соседей,— подсказала Зойка.

— Ладно, возьму,— согласилась Нинастая,— если они дома.

Она пошла с пузырьком куда-то за помойку и тут же вернулась. Соседи «оказались» дома.

Ну а за чашкой кофе, понятное дело, начались разговоры.

— Вера Васильевна, а что пишет вам муж с фронта? — спросила Нинастая.

— Он крепко бьет врага и шлет нам горячий привет,— бойко ответила Верка-Ябеда. — А ваш?

— А наш... — задумалась Нинастая,— наш тоже крепко бил врага, а сейчас в госпитале. Он ранен, но не сильно... Вы только не грызите сахар такими кусками, а то он быстро кончится. А ваш, Зоя Петровна?

— Мой муж,— пискляво, но решительно проговорила Зойка,— бил врага не хуже вашего. Только сейчас мой муж... — Зойка потупилась и закончила тихим голосом: — ... пропал без вести.

— Хороший муж,— подумав, сказала Верка-Ябеда,— без вести не пропадает.

Конечно, Верка не сама до этого додумалась. Что-то от кого-то она, видно, слышала и теперь сказала, чтобы поддеть Зойку: вредная она была, Верка-Ябеда.

Как вскочила Зойка со своего места, да как толкнет Ябеду — та кувырк со скамейки и носом в землю. С ревом убежала Ябеда домой. Жаловаться.

В тот момент-то я и почувствовал симпатию к Зойке. Я бы тоже за своего отца вступился, попробовал бы кто на него наговаривать.

Но через день я не мог без смеха смотреть на ту же Зойку. Она вышла на улицу, подкрасив губы красным карандашом, а на поводке — это был светло-зеленый отцовский галстук — вела свою Маркизу. Кошка упиралась, тянула в сторону, норовила удрать. Она не понимала, что это вдруг случилось с ее хозяйкой. Но я-то понял все сразу. Зойка изображала мадам Тюлюлю.

Я падал от смеха. Я показывал на Зойку пальцем и кричал:

— Тюлюлю!.. Тюлюлю!..

Рисунки Л. ЗЕНЕВИЧ.

Все, кто был рядом, тоже смеялись.

Бедная Маркиза, вырвавшись, взметнулась на дерево чуть ли не до самой верхушки.

— Тюлюлю!..— орал я.— Тюлюлю!..

Очень мне было приятно, что среди смеявшихся стояла Вика Орлинская — дочь известного певца, вернувшегося недавно из эвакуации.

— Маркиз... Маркиз...— звала несносную кошку Зойка.

Куда там! Часа два, наверное, проторчала персона номер четыре на верхушке дерева...

Вика Орлинская мне нравилась. Она была смешливая девчонка, моя ровесница, не задавалась, что отец ее знаменитость, и позволяла поездить на полудетском двухколесном велосипеде — такого мы никогда ни у кого не видели. Я же давал ей свой самодельный самокат на жужжащих подшипниках; научил устраивать дымовую завесу из подожженной кинопленки и прокатил без билета на трамвае «Аннушка», ходившем возле нас по Бульварному кольцу. Катание, правда, закончилось не совсем удачно.

Мы стояли с Викой на подножке трамвая (в ту пору у него не было автоматически закрывающихся дверей), я поддерживал ее одной рукой, и мне было очень приятно, что это от меня зависит Викина безопасность.

— Ты стой, не качайся,— говорил,— и крепко держись.

— Я и держусь, это трамвай качается.

Ветер бил мне в лицо, и мостовая мелькала под ногами. В какой-то момент я представил, что несусь на танке, и где-то там впереди враг, а я вот-вот ворвусь в его расположения и начну все крушить, а Вика будет свидетельницей моих побед. Но кто там прячется впереди справа, возле вон того угла — не гранатометчик ли?

Однако опасность подстерегала нас совсем с другой стороны.

— Билеты брать будем?— раздался голос кондуктора над нашими головами.

— Прыгаем!— скомандовал я.

Соскочив с подножки, я пробежал немного вперед и остановился.

Вика прыгнула неумело. Она сильно ушибла ногу, но не заплакала, отчего я зауважал ее еще больше.

После того случая мы уже не катались без билета. Если у нас были деньги, мы брали билеты, проходили вперед и становились прямо рядом с вагоновожатым, у которого вместо круглого руля был деревянный рычажок.

— Хочешь, я позвоню?— говорил я Вике.

— Хочу.

И тогда на следующей остановке я нажимал ногой на металлический кружок, похожий на большую кнопку, который торчал на пружинке из пола рядом с вагоновожатым. Раздавался резкий звон. Вагоновожатый вздрагивал, оглядывался, но мы уже выскакивали прочь из вагона.

В самом конце августа у Вики был день рождения. Орлинские пригласили на праздник всех ребят с нашего двора (правда, нас оказалось не так уж много — всего восемь человек).

Я подарил Вике вещь, которую я очень ценил,— немецкую губную гармошку: ее привез с фронта однополчанин моего отца, приезжавший в Москву на два дня. Я думал, Вика больше всего обрадуется моему подарку. Но я видел, что ничто ей так не понравилось, как кофейный сервиз на четыре персоны, принесенный Зойкой. Мне было страшно досадно. Ко всему неожиданно для себя я подумал: как же теперь Зойка будет обходиться без «кофепития» со своими «гостями»?

Зато в этот день за праздничным столом у Орлинских мы пили настоящий кофе с молоком. Я сидел рядом с Викой, а по другую сторону от нее сидела Зойка. Когда разлили по чашкам кофе, Зойка попробовала его и спросила:

— Ой, что это такое вкусное?

— Кофе,— ответила Вика,— ты что, никогда не пила?

Бледное Зойкино лицо стало краснеть.

— Пила,— сказала она,— много раз.— И покосилась на меня. Она боялась, что я засмеюсь.

Но я не засмеялся.

А почему Зойка так держала свой мизинец? Не из-за того, что она представляла себя «мадамой Тюлюлю». Просто...

При домоуправлении в какой-то полуподвальной комнате решили устроить для нас нечто вроде детского клуба. Комната была большая — туда силами пяти женщин и дворника Борзова даже было доставлено пианино.

Руководить клубом взялась на общественных началах энергичная женщина лет сорока пяти, Надежда Сергеевна. Она показывала нам диафильмы, читала книжку про Гулливера и, обращаясь к нам, постоянно путала имена, чему мы радовались необыкновенно.

Ко всему прочему она задумала устроить концерт художественной самодеятельности. Кто-то из нас должен был прочитать стихи, кто-то сплясать «Яблочко», а трио в составе Верки-Ябеды, Нинастой и Жирного (их вокальные данные оказались лучшими) должно было выступить с песней «Во поле березонька стояла». Из-за того, что Надежда Сергеевна путала наши имена, роль конферансье она поручила Зойке. А может, ей нравился Зойкин писклявый голос? Но это неважно.

— Зиночка,— говорила Зойке Надежда Сергеевна на первой репетиции.— Ты стой прямо, не сутулься и объявляй громко, глядя в зрительный зал: «А теперь такие-то, такие-то (назывались три имени и фамилии) исполнят русскую народную песню «Во поле березонька стояла».

— Скакала,— поправил из «зрительного зала» Васька-Оголец, сидящий рядом со мной.

Трио с Жирным во главе засмеялось.

— Если посторонняя публика будет нам мешать, мы попросим ее удалиться,— строго произнесла Надежда Сергеевна.

Поскольку в «зрительном зале» кроме нас с Огольцом никого не было, мы недоуменно переглянулись: мол, мы-то тут при чем, сидим себе мирно.

— Итак, Лидочка, повтори. Не торопись, громко, отчетливо.

— А теперь...— пискляво начала Зойка и, когда дошла до слов «березонька стояла», увидела, что мы с Васькой-Огольцом показываем ей кулаки.

Зойка приостановилась.

— Ну?— подтолкнула ее Надежда Сергеевна.

— ... березонька...— выдавила с трудом Зойка.

— Дальше?

— Скакала,— подсказали из «публики».

Зойка всхлипнула.

— Не слушай их. Ты должна четко и громко сказать: «Во поле березонька ска...»

«Посторонняя публика» от хохота свалилась со скамейки.

«Публику» пришлось удалить.

После репетиции мы подкараулили Зойку в подъезде.

— Видишь?— И потрясли перед ее носом кулака-

ми.— Попробуй только скажи «стояла».— Затем Оголец, как бы в задаток, дал ей крепкого щелчка. А щелчки у него получались отменные...

На концерт мы с Огольцом, конечно, пришли. Там были мамы, бабушки, дедушки и дворник Борзов.

Часть комнаты была отделена занавесом из какой-то полосатой ткани.

Я и Васька-Оголец сидели на первой скамейке и после каждого номера неистово били в ладоши.

Но вот последний номер.

Принаряженная Зойка (откуда ей выкопали длинное платье, соседи, что ли, дали?) объявляет:

— А сейчас Вера Сорокина, Нина Гусева и Витя Васильчиков исполнят русскую народную песню...

Она вдохновенно смотрела в зал, концерт получался удачным, все это чувствовали — и артисты, и зрители.

Васька-Оголец, чтобы привлечь ее внимание, громко кашлянул.

Она взглянула на нас и запнулась. Мы ей заговорщически подмигивали.

— Оленька... дальше! — напомнила Зойке о ее обязанностях Надежда Сергеевна.

Вдохновение в глазах Зойки исчезло.

— Русскую народную песню,— повторила она угасше,— «Во поле березонька...».— И опять посмотрела на нас.

Немым ртом, но выразительно растягивая губы, мы подсказывали ей по слогам: «ска-ка-ла».

Зойка помнила наше: «Попробуй только скажи — стояла». Но и произнести «скакала» ей, видимо, очень не хотелось. Такой был концерт!

«Ска-ка-ла»,— кричали наши немые губы.

Зойкино лицо сморщилось, и, отчаянно на что-то решившись, она выпалила:

— «Во поле березонька сидела».

Ожидая услышать наше слово, мы с Огольцом в первый момент не проронили ни звука, лишь переглянулись.

В зале тоже было тихо.

Но Жирный, стоя на «сцене», не удержался и фыркнул. И тогда все, как по команде, засмеялись.

Зойка сорвалась с места, кинулась было к выходу, но запуталась в занавесе и упала.

Какая-то непонятная сила подхватила меня со скамейки, я бросился поднимать Зойку, но она отпихивалась, брыкалась и с плачем выскочила на улицу.

Две недели после этого она ходила с перевязанной рукой...

Пока Валентин Иванович все это рассказывал, в палате то смеялись, то опять затихали. Когда же он кончил, Колька Бутыгин спросил:

— Валентин Иванович, а что у нее было с мизинцем?

— Наверное, вывихнула, а может, и сломала. Иначе зачем же ей было так чудно держать чашечку с «кофе»? Словом, не думайте, что я такой хороший: лечу ваши руки-ноги. Один покалеченный палец на моей совести.— Валентин Иванович встал.— Засиделся я, хорошо тут с вами потолковать, а все же я дежурный. Пойду.

— Приходите, когда сможете,— сказал Колька,— еще потолкуем.

Валентин Иванович рассмеялся.

— Вы думаете, у меня много таких историй?

— Зачем — историй? — негромко проговорил Шалва.— Приходите так — в шахматы сыграем.

— Приду, Шалва, обязательно,— Валентин Иванович чуть задержал руку на спинке кровати Шалвы. Потом направился к двери.

Николай ШАМСУТДИНОВ

Отцовские сапоги

Во все концы мы,
Близнецы,
Планету исходили.
Нас выбелили солонцы,
Морщинами покрыли.
Нас помнит снежный Самотлор
В холодном сумраке озер
И поле у Амударьи
В разливе маковой зари...

Мы как реликвии храним
В набойках и заплатках
Седую пыль,
Полынный дым —
В тяжелых, жестких складках.
Нам память о ночевках —
Отметки на подковках.

Мы — сапоги кирзовые,
Пожившие, не новые.

...В кладовке мрак и тишина...
А на дворе бурлит весна.
Мы старости не знаем,
Надежды не теряем
И верим, что настанет час,
Когда опять наденут нас!

Наталия ЮРКОВА

Конь лесника

Я к лесничеству
Утром иду напрямик.
Меня в лес на коне
Снаряжает лесник.
Я в седле.
Высоко над землею седло.
На ольхе
Видно пестрой кукушки крыло.
Видно — в горлышке птицы
Родится «ку-ку».
Видно белок.
И в гнездах птенцов наверху.
Далеко мне дорога лесная видна.
Конь мой
Чует лисицу. Ежа. Кабана.
Шорох в ветках.
В траве затерявшийся след.
Тайн в лесу
Для коня из лесничества нет.
Вот нашел он по запаху
В травах родник.
И так бережно к струйке
Губами приник,
Ничего будто этой воды нет ценней.
А напившись, задумчиво замер над ней.
Взгляд скосил на меня,
Чуть качнул головой:
— Все ли видишь и слышишь в лесу,
Верховой?

ДЕТСТВО В ЦИРКЕ

Народная артистка РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола Наталья Юрьевна Дурова впервые вышла на манеж цирка пятилетней девочкой вместе со своим отцом, знаменитым дрессировщиком Юрием Дуровым. С детства она не представляла себе какого-либо другого выбора пути — только работа в цирке. С детства она постигла традиции цирковой династии Дуровых, дуровские принципы дрессировки животных — никаких наказаний, запугиваний, только терпение и доброта.

О детстве в цирке рассказывает повесть «Ваш номер!», которой открывается том избранных произведений Натальи Дуровой, вышедший в издательстве «Советская Россия» к пятидесятилетию известной детской писательницы.

Все ее книги — о цирке. И прежде всего о том, какая это нелегкая работа — быть цирковым артистом, создать свой номер. Повесть «Арена» посвящена акробатам. Не только смелость и ловкость нужны для полета под куполом цирка. Номер, изумляющий публику, могут создать только люди, для которых на первом месте честность, верность, дружба.

А в повести «Колька-премьер» перед читателем открывается нелегкая судьба мальчика, которому приходится вместе с родителями, цирковыми артистами, кочевать из города в город, обретая друзей на короткий срок и опять их теряя, потому что надо снова переезжать в другой город, в другой цирк.

Но куда бы ни приехали артисты цирка со своим номером, всюду их ждет знакомая арена раз и навсегда определенного размера — круг диаметром в тринадцать метров, всюду их ждет непростая жизнь за кулисами цирка.

Стремление рассказать людям об этой непростой жизни и сделало Наталью Дурову писательницей. И тот, кто прочтет ее повести и рассказы, вошедшие в том избранных произведений, начнет понимать, «...почему за кулисами смешной клоун иногда грустен и обыкновенен, а воздушный гимнаст — слишком твердо идет по земле. Они оба просто люди. И у того и у другого есть работа, семья. Здесь радость и горе те же, что и под крышей любого дома. Здесь и рождаются и умирают, здесь живут».

Сейчас Наталья Юрьевна Дурова возглавляет созданный в Москве Театр зверей имени В. Л. Дурова, которому присвоено звание лауреата премии Ленинского комсомола. Когда-то ее дед, легендарный Владимир Дуров, открыл на радость детям Уголок Дурова, где дрессированные животные выступали не на арене вперемежку с другими цирковыми номерами, а завладели своей собственной сценой. Путь от Уголка к Театру зверей был долгим и сложным. Наталья Дурова, известная дрессировщица, замечательная детская писательница, мечтала о театре, который бы стал для ребят школой доброты. И если теперь такой театр, единственный в мире, у нас есть, то немалую роль в этом сыграло самое тесное содружество искусства дрессировки и литературы. Театру зверей нужны и свои, совершенно другие пьесы, помогающие проявиться талантам животных-артистов, да не просто, а показав зрителю кое-какие человеческие недостатки, ошибки и заблуждения.

Пьесы для театра Наталья Дурова пишет сама. И пишет сказки о животных. В том избранных произведений вошла лишь часть написанного талантливой детской писательницей. Читая повести и рассказы о цирке, ты узнаешь много нового не только про цирк, но и про жизнь вообще, огромную и очень интересную, где самые главные радости приходят вместе с любимым делом.

И. СТРЕЛКОВА

Н. СОЛОМКО

ПОЖАРНЫЙ КРАН №1

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 10.

Рисунки А. АЗЕМШИ.

О человеке и его душе

Потом будут говорить, что первым Аньку нашел Айрапетян. Но это не совсем так. Первым ее нашел Карл Иванович — сверчок Дома пионеров.

— Сидишь, значит? — проворчал он.— Небось, помирать надумала... Не рано?

— Явился...— сварливо отозвалась Анька.— Раньше-то где тебя носило? Твое дело — приносить счастье, а ты?!

Карл Иванович обиженно заскрипел. Хорошо обыкновенным сверчкам, живущим в обыкновенных домах, а знаете, сколько нужно терпения и трудолюбия, чтоб быть сверчком Дома пионеров? Карл Иванович сверчал с утра до ночи, но разве это кто-нибудь ценил?

— «Приносить счастье!» — передразнил он Аньку.— Да на вас разве напасешься? Вы из самого счастливого счастья умеете несчастья себе устраивать, а кто виноват? Карл Иванович! Зачем Кузю дразнила? Мешал он тебе?

— Терпеть не могу! — сморщилась Анька.— Глупый он!

— Ты больно умная! — язвительно пробормотал сверчок.— Вот и сиди теперь тут со своей душой! Много ты в душе-то понимаешь!

— Понимаю! — Глаза у Аньки грустные, она вспомнила про папу.— Мне бабушка Егорьевна, еще когда я в первом классе училась, все объяснила.

...Анька плакала, топала ногами и кричала, что хочет, чтоб папа вернулся. А смерти было все равно, чего Анька хочет, а чего не хочет, папа пропал, нигде, нигде его не было... Где он? Умер. А как это — умер? Куда — умер?.. Никто Аньке не мог ответить. Одна девочка сказала, что человек умирает в землю и там его едят червяки... Папу съели червяки? Глупость и неправда! Это не папу тогда закопали, а кого-то ненастоящего... Так бы Анька ничего и не поняла, если бы не бабушка Егорьевна. «Папа на небе»,— сказала она. «В космосе?» — недоверчиво спросила Анька. «В космосе космонавты,— строго поглядела на Аньку Егорьевна.— А папа на небе. Так положено: человек помирает, а душа его летит на небо, к боженьке...» «Неправда! Бога нет!» — сердито пробурчала Анька, она ведь уже в школе училась и кое-что знала. «Может, и нету,— вздохнула старенькая Егорьевна.— Сейчас многие так-то считают. А только душа все равно на небо улетает, куда ж ей еще?» И тут узнала Анька, что у каждого человека есть душа... Она самое главное, без нее никак человеку нельзя. Если у него нет души, он и не человек даже, а так, тело... Когда человек остается без души, это и называется «умер». Значит, его больше нет на земле, душа улетела на небо, там у нее другой дом, где она будет жить всегда... Она ведь бессмертная, душа!

Анька стоит под пожарным краном, думает о том, как летит где-то там, в холодной темной вышине папина душа... Там, среди вечных звезд, наверно, папа тоскует по тем, кто остался на земле. И Анька по нему тоскует тут, на земле.

— Знаешь, какой у меня папа! — говорит она Карлу Ивановичу.— Я все-все помню, ты не думай... Он мне всегда все рассказывал. И как он в маму влюбился, и как меня ждал и боялся, что я буду какой-нибудь не такой... А когда я родилась и подросла, он понял, что я такая, о какой он мечтал... А теперь он нас с мамой там ждет...

Карл Иванович слушает, пригорюнившись.

— А мама женилась на Максиме Петровиче... Понимаешь, что случилось?..

Заступник Айрапетян

Конечно, во время елки уходить из-за кулис нельзя. Но правильно заметил Сергей Борисович: попав в пионерский театр, примерный Яша сразу научился нарушать дисциплину...

Будто кто прошептал Айрапетяну на ухо: «Иди туда!» И он пошел. Он тихо подошел, Анька и не заметила. Подняла глаза — и вот вам: у входа в тупичок стоит человек маленького роста, до глаз заросший бородой, одет в шкуру, в руках старинное ружье... Глядит на Аньку и молчит... Посторонний, увидав такое, наверно, перепугался бы, но Аньке-то сразу ясно: это Яша в костюме Робинзона. Она ему ужасно обрадовалась и сказала:

— Чего приперся!

— Кто тебя?! — спросил тихоня Айрапетян.— Почему у тебя глаза заплаканные?!

— У самого у тебя — заплаканные! — вскинулась Анька.— Я никогда не плачу, запомни!

— Неправда... Ты плачешь. Только ты гордая,— объяснил Айрапетян,— и не хочешь, чтоб об этом знали.

Ох, и получил бы он за такие слова, если б Анька могла до него дотянуться!

— Иди давай отсюда! — сердито пробормотала она.— Звали тебя?

— Нет,— сознался Айрапетян.— Я сам.— И тут он заметил черный ящик.— Что это?

— Не подходи! — закричала Анька.

Яша послушно остановился и, не сводя с Машины глаз, спросил:

— Ты из-за этого здесь сидишь?

— Не твое дело,— вздохнула Анька.— Скажи лучше, елка сорвалась?

Узнав, что не сорвалась и что Михаилу Павловичу ничего не сказали, чтоб не волновался, она облегченно вздохнула.

— А ты долго еще сидеть будешь?

Анька не ответила, но Айрапетян и сам понял — долго.

— Тогда он все равно заволнуется...— предупредил он.

— А я письмо напишу,— печально сказала Анька.— Что я в другой город уехала. Ручка есть?

Ручка у Яши была, а бумаги — нет. Анька сорвала с пожарного крана бумажку, на которой написано было: «Проверено. Пожарный кран №1. 5 сентября»,— и директорская роспись.

— Сунь Михаилу Павловичу в дверь! — велела она.— Только чтоб никто не видел. И никому не говори, где я!

...А потом Яша пришел и доложил, что Аньку разыскивает Сергей Борисович. Лицо у директора — как у Шерлока Холмса, и, судя по всему, он совсем скоро Аньку найдет...

— Айрапетян! — взмолилась Анька.— Нельзя мне, чтоб меня нашли! Знаешь, что будет, если я отсюда выйду?..

— Что?

Анька опять не ответила, но Яша и сам понял, что случится что-то ужасное.

И, чтоб запутать директора, он придумал, что Аню Елькину похитили иностранные шпионы...

Про Машеньку

Сергей Борисович размышлял, где искать Аньку, когда к нему подошел Михаил Павлович и спросил:

— Где у нас висит такое, знаете ли... Не помню, как оно называется... чертежик, на котором показано, кто куда бежит, если загоримся...

— Это называется «План эвакуации детей и сотрудников в случае пожарной опасности»,— уточнил задумчивый директор. — Висит у входа в зал. — И тут встревожился: — А что случилось?

— Абсолютно ничего! — покачал головой Михаил Павлович.— Тишь, гладь и божья благодать!

Это у Машеньки, Кузиной бабушки, была такая поговорка... И пока Михаил Павлович разыскивал «План эвакуации», на котором было отмечено расположение пожарных кранов (а именно — пожарного крана №1), он все думал о Машеньке и о той поре, когда она еще не была Кузиной бабушкой, и тихонько улыбался...

Она еще совсем девочкой была, Машенька, радистка партизанского отряда, а младшего лейтенанта Еремушкина направили обучать партизан своему саперному ремеслу. Длинный, худющий, с пухом на верхней губе — так выглядел он в ту далекую незабытую пору. Не отличить от Кузи, только форма военная... Впервые он Машеньку у костра увидел и спросил свысока, как и положено боевому офицеру восемнадцати лет у гражданской девчонки:

— Воюем, стало быть? Ну и как у вас тут?

А она ответила:

— Тишь, гладь и божья благодать,— и улыбнулась. Сколько лет прошло, а все помнил, помнил он ту Машенькину улыбку.

«Михаил Павлович, расскажите про войну!» — просили юные актеры. Но он никогда не рассказывал. Знал: про подвиги им подавай да про то, какой он в ту пору был героический и отважный... А Михаил Павлович всю войну боялся. За маму боялся и за братика, оставшихся в Москве. За друзей Севу и Юрика, тоже где-то воевавших. А потом еще и за Машеньку...

А после войны не осталось у Михаила Павловича ни друзей, ни мамы, ни братика. Только Машенька. Но об этом он не хотел рассказывать никому. Разве только Аньке немножко...

Анька была похожа на Машеньку. То есть совершенно непонятно, как эта упрямая, дерзкая девчонка могла быть похожей на тихую, ласковую Машеньку, но когда Анька улыбалась, Михаилу Павловичу хотелось закрыть глаза... Он всегда мечтал о внучке. Вот именно о такой, это ничего, что с ней хлопот не оберешься, с упрямицей, горюющей о том, что не родилась мальчишкой, и вечно попадающей в истории. Ничего, это пройдет...

— Когда? — с интересом спросил с потолка Карл Иванович, он любил подслушивать чужие мысли.

А Михаил Павлович улыбнулся:

— Я думаю, довольно скоро...— и отправился на третий этаж, туда, где, если верить «Плану эвакуации», находился пожарный кран №1. И, если верить предчувствиям, Анька — тоже. Так оно и было! Сидела Анька на полу и не сводила сердитых несчастных глаз с какой-то черной коробки. Михаил Павлович сразу догадался, что это такое. Ах, Кузя, Кузя...

— Бедная ты моя Анька...— вздохнул он и шагнул к Машине.

— Только не трогайте ее! И не волнуйтесь! — строго сказала ему Анька.— Сейчас моя очередь!

Явление Вовы Гусева

Ну просто ни раньше ни позже надо было ему появиться! Любит судьба пошутить с человеком. Будто мало ей, что Вовка только что сверзился со второго этажа, так нет, она все так подстроила, что он чуть не грохнулся еще и с третьего!

Вовка, хромая, брел по улице — в папином тулупе и треухе, хорошо, хоть валенок с галошами из-под тулупа не видать было.

Но на Вовку все равно оглядывались.

Понятно, что идти через главный вход Вовка не захотел, решил лезть по пожарной лестнице.

Лезть в тулупе и валенках было неудобно. Да и светло, увидеть могут, вот влетит тогда... Михаил Павлович сказал недавно:

«Узнаю про пожарную лестницу — выгоню!»

Вовка наконец долез, шагнул на карниз и толкнул раму...

Окно было закрыто. Вот горе-то! Надо слезать и отправляться через главный вход... Вовка постучал в окно. Он с отчаяния постучал, потому что кто ж сейчас будет там торчать? Но нет! С той стороны кто-то подошел и открыл!

— Спа-асибо! — сказал Вовка, из-за клубов морозного воздуха еще не разглядев, кто его выручил. — Ой! — пробормотал он, когда разглядел, и испуганно шагнул назад...

В последний момент Михаил Павлович все-таки успел поймать его за воротник папиного тулупа.

Суп с котом

Вовка Гусев лежал поперек подоконника: голова в треухе здесь, а ноги там, торчат над заснеженным двориком... А Михаилу Павловичу казалось, что Вовка все еще падает, он мертвой хваткой держал его за ворот, а в груди у него тяжело и больно закручивалась пружина. Последним, отчаянным рывком он втащил Вовку в тупичок и побелел как мел. Вовка встал и сказал:

— Я-а бо-бо-больше так не-не-не бу-уду...— Он так и не успел испугаться как следует.

— Уйди с глаз! — махнул рукой Михаил Павлович.

Вовка побрел, думая только об одном: выгонят его из театра или простят?

А Михаил Павлович неверно шагнул от окна, прислонился к стене и замер, боясь расплескать горячую черную боль в груди.

— Михаил Павлович...— шепотом позвала Анька.

— Ничего...— сквозь зубы ответил он.— Давай-ка я маленько посижу с тобой рядышком...

Осторожно, по стенке, опустился он рядом с Анькой и закрыл глаза.

— Только не умирайте, пожалуйста! — шепотом сказала Анька и заплакала.

— Ну и глупая ты у меня,— с трудом выговорил Михаил Павлович.— Зачем же я буду умирать...— а сам подумал печально: «Надо менять работу... а то и правда,— помру у них на глазах...»

Анька ревела в голос.

— Да не помру, не помру,— пообещал он ей.— Подожду, пока ты вырастешь...

— А потом?..— настороженно спросила Анька.

— Ну, потом...— вздохнул Михаил Павлович.— Суп с котом...

— Не хочу так! Хочу, чтоб вы жили всегда! — Анька снова отчаянно и громко заревела.

Боль отпускала понемножку. «На этот раз обошлось...» — понял Михаил Павлович.

— Ну, перестань...— попросил он, гладя безутешную Аньку по голове.— Прилично разве ходить мне в мокром пиджаке?

— Не хочу! — захлебываясь от слез, твердила Анька.— Я хочу, чтоб вы жили всегда!..

— Ну, хорошо... Не помру... Никогда не помру, слышишь?

Они еще долго сидели рядом, Михаил Павло-

вич — приходя в себя, а Анька — уткнувшись ему в плечо и тихонько всхлипывая.

— Тукает? — шепотом спросила она. Михаил Павлович расстегнул пиджак, прижал Анькину ладошку к груди.

— Тукает, — успокоилась Анька. — А когда оно болит, то это как?..

— Коленки разбивала?

— Ну!

— И как?

— Сначала очень больно, — припомнила Анька. — А потом саднит только...

— Вот и у меня, — сказал Михаил Павлович, — саднит только...

Погоня

Сергей Борисович не очень хорошо ориентировался во вверенном ему учреждении. Это, впрочем, вполне понятно: чаще всего он сидел в своем кабинете. Нынче же он обнаружил, что в Доме пионеров много коридоров, причем запутанных.

Черный человек, за которым он гнался, топал где-то впереди и все сворачивал, уводя Сергея Борисовича от знакомых мест. Бегал он быстро, директор все больше отставал...

И вот шаги черного человека стихли вдали, и Сергей Борисович остался один-одинешенек посреди незнакомых коридоров. Местность пошла уж и вовсе заброшенная и дикая: какая-то бутафорская беседка, увитая плющом, королевский трон, весь в пыли и паутине, на спинке на ржавом гвозде висела помятая картонная корона. В углу, скособочившись, стоял средневековый рыцарь из папье-маше... Если бы на нагруднике рыцаря не было выцарапано чьей-то искусной рукой «Васька — дурак», можно было подумать, что тут лет сто не ступала нога человека. Но сто лет назад слово «дурак» писали несколько иначе. Вот так: «дуракъ».

«Пора возвращаться и срочно звонить в милицию!» — решил Сергей Борисович и заспешил назад... Шел он довольно долго, и вдруг наткнулся на еще одну беседку, еще один трон и еще одного рыцаря... На нагруднике рыцаря нацарапано было: «Васька — дурак».

«Что за чертовщина?» — рассердился директор, проходя мимо... И вот опять: рыцарь Васька-дурак, трон, беседка...

Сергей Борисович с ужасом понял, что он заблудился и ходит по кругу...

Вовка и Анька ссорятся навеки

Добежав до переодевалки, Вовка Гусев плюхнулся на диван и, шипя от боли, закатал штанину.

— Кто тебя? — присвистнул Балабанчик, разглядывая разбитые Вовкины коленки. — Как же ты теперь Горыныча будешь играть?

Вовка и сам не знал: коленки просто огнем полыхали.

— А давай, — сказал Васька, — я за тебя сыграю!

— По-по-по...

— Не попадет! Я уже за Аньку Бабу Ягу сыграл, Михаил Павлович и не догадался! Я буду все, как ты, делать, Вов! У тебя и слов-то совсем нет, только: «Кто посмел, огнем спалю!»

Вовка подумал-подумал да и согласился...

— А ты иди Аньку искать! — таинственным шепотом велел ему Балабанчик. — Она еще утром пропала, и никто не знает, куда!

Вовка открыл было рот, хотел сказать, что никуда Анька не пропала, а сидит с Михаилом Павловичем в тупичке, да вдруг сообразил: «А может, про это не надо говорить? Может, это тайна?.. — И быстро закрыл рот. — Нет, тут надо сначала разобраться...» И он, хромая, поплелся в дальние коридоры. Тем более что Еремушкин пришел за кулисы проверить, готовы ли актеры, а попадаться ему на глаза Вовке было никак нельзя.

— Говорят, ты про-опала! — выговорил он, стараясь не заикаться. (Анька его ругала за заикание: «Вот скажи себе, что больше заикаться не будешь, — и не заикайся!» Легко ей! А если у Вовки в горле будто застрял какой-то треугольник и мешает говорить?)

— Ты никому не сказал, что я тут? — спросила Анька, и Вовка помотал головой: ни одной живой душе.

— И не говори! Я из-за Кузи тут сижу и из-за его Машины. — Хоть это тайна, Вовке можно, он настоящий друг. Анька ему всегда все говорит. И Вовка ей тоже.

Вовка вздохнул: жалко Аньку. Он-то догадался, что с ней происходит, он одну интереснейшую книгу прочитал под названием «Психология подростка». Оказывается, все люди в их с Анькой возрасте обязательно влюбляются. Ну, так положено и просто никак без этого нельзя... А влюбившись, некоторые и не понимают, что с ними происходит. Ну, это же впервые в жизни, откуда им знать? Взрослые, те сразу догадываются, им не впервой. В таких случаях они назначают свидания, дарят цветы и на всякий случай объясняются в любви... А у детей все не так. На цветы у них нет денег. Гулять поздно им не разрешают, так что какие уж тут свидания. И объясняться в любви они не умеют. Им кажется, что это смешно и стыдно.

...В общем, ужасно они были смешные тогда, четыре года назад, когда клятву давали не влюбляться. И жалко дом у моря. А может, все-таки это можно: и дом у моря, и влюбляться?..

— Знаешь, — Вовка решил раскрыть Аньке глаза, — просто ты в него влюблена.

— В кого?

— В Кузю. — Вовка совсем не заикался и ждал, что Анька обрадуется и похвалит его. Но ждал он напрасно.

— Ты что, дурак?! — крикнула Анька грозно. — Да я его терпеть не могу!

— Это тебе только кажется, а на самом де... — Но договорить Вовка не успел: Анька изо всей силы двинула ему локтем, он лязгнул зубами и смолк...

— Еще хочешь?!

— Хо-хо-хо... — От обиды у Вовки опять поперек горла встал проклятый треугольник.

Ах, Анька, Анька, ты была Вове Гусеву лучшим другом, а теперь, мало того, что влюбилась в какого-то Кузю, так еще и дерешься, будто Вовка в этом виноват...

— Иди отсюда, раз ты такой дурак! — закричала Анька.

Вовка встал и, хромая, побрел прочь. Он хотел уйти гордо и молча. Уж во всяком случае — без слез. Но не вышло.

— Ну-ну-ну и водись со-о своим Ку-ку-ку... — мучительно заикаясь, выкрикнул он.

Тяжелый Анькин унт, пролетев в нескольких сантиметрах от Вовкиной головы, стукнул в стенку.

— Ма-ма-ма-азила! — завопил Вовка.— Влюбилась, влю-у-у-у...

У Аньки, между прочим, было два унта. И во второй раз она, между прочим, не промахнулась! Это точное попадание произвело на Вову Гусева довольно странное действие: он покачнулся, глаза его остекленели на мгновение, но он не замолчал.

— Мазила! Влюбилась! Влюбилась! Так тебе и надо! — во все горло кричал он, несясь по коридору и всхлипывая. И при этом совершенно не заикался...

Мир рушится!..

С грохотом обвалилось синее Анькино небо. Треснув, рассыпалась на кусочки радуга. Покосился, ушел в песок по самую крышу дом на берегу моря. Померкло солнце, сорвались с неба звезды... Какой мрак! Ничего, ничего у Аньки не осталось. Только пожарный кран № 1 стоит так же надежно и незыблемо, прикрывает Аньку от падающих обломков...

— Неправда! — бормочет Анька с отчаянием.— Ни в кого я не влюбилась! Неправда! Неправда!

Но все так и было, как Вовка сказал... Хоть и твердит Анька, что это неправда, злится, спорит, все напрасно... Она и сама уже давно обо всем догадалась... А потом забыла об этом...

Так сны забываются: снятся, снятся — и ты спешишь куда-то, так бежишь, так боишься опоздать, что земля уходит из-под ног и, раскинув руки, вот уже летишь ты в небесном просторе, кричишь что-то, смеешься и плачешь... Поди вспомни, проснувшись, куда это ты спешил так, отчего смеялся, плакал отчего?..

— Неправда! Не хочу! — твердит Анька, сидя в меловом кругу, а вокруг лежит в развалинах ее мир, славный, привычный мир, где прожила она двенадцать лет, твердо зная, что все девчонки плаксы и воображалы, что никакой любви нет, а есть только верная мальчишеская дружба... Навязалась на Анькину голову проклятущая любовь эта...

Зачем она? Что Аньке с нею делать? «Не хочу!» — твердит она.

— Крику-то! Шуму-то! — недовольно проскрипел тонкий голосок, и из-под обломка радуги вылез помятый Карл Иванович.— Конец света прямо! — Он оглядел Анькины руины и попенял в сердцах: — Экая любовь-то у тебя неповоротливая, все вдребезги разнесла! Вечно так,— вздохнул он, собирая обломки.— Дров наломают, а Карл Иванович отдувайся... А ну, живо песню пой, а то скучно мне! Про любовь.

— Я про любовь не знаю,— отозвалась Анька.

— Тьфу! — вздохнул Карл Иванович.— И чему вас в школе нынче учат? Подпевай! — И он затянул дребезжащим голоском:

Гори, гори, моя звезда,
Звезда любви приветная,
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда...

Карл Иванович работает, что-то строит из обломков и поет. Анька сидит под краном и неуверенно подпевает.

— Шибче, шибче пой, не тунеядничай, а то у меня ничего не получится...— командует работяга-сверчок.

Анька подпевает шибче. И вот потихоньку возвращается на место рухнувшее небо, такое серенькое, в тучах... Загораются звезды...

— А солнце где? — уныло бормочет Анька.— А радуга?

— Много хочешь, мало улыбаешься! — строжает Карл Иванович.— Ты пой, пой давай...

Василий Балабанов в роли Змея Горыныча

Вторая елка подходила к концу и уже назревал смертный бой Доброго Молодца со Змеем, когда Мотя, пробегая мимо электрораспределительного щита, услышал оттуда глухое неистовое мычание. «Анька!» — сразу подумал он и распахнул дверцы.

Но то была не Анька. То был Генка Овсянников, исполнитель роли Доброго Молодца... Он был в трусах. Надежно связанный. С собственной майкой во рту.

— Ты чего тут делаешь? — обалдело спросил Мотя.

Добрый Молодец не отвечал, только дико вращал глазами. Мотя сообразил наконец вынуть майку у него изо рта, и уж тут Добрый Молодец заговорил! Точнее, закричал:

— Ну, он у меня узнает! Ну, поплачет!

— Огне-ем спа-алю! — донесся со сцены жуткий рев Горыныча.

Тут Мотя сообразил, что вообще-то все это немножко странно.

— Погоди-ка... Если ты — тут, то кто тогда — там?..— он кивнул на сцену, где бились Горыныч и Добрый Молодец.

— Вадька Березин! — завопил Генка.

А на сцене бились на славу: хвост у Горыныча был уже оторван, меч у Доброго Молодца был уже сломан, но ни того, ни другого эти мелочи не останавливали — они сошлись врукопашную!

Зрители с недоумением наблюдали, как Горыныч побеждает...

— Дай ему, Добрый Молодец! — переживали они, а Змей уже сидел верхом на противнике.— Неправильно! — бушевал зал, и уже выбирались из рядов добровольцы — на помощь. Разве могли юные зрители допустить, чтобы Зло победило?

Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не прозвучал из последнего ряда рокочущий бас, вмиг перекрывший шум в зале:

— Горыныч, ты что творишь, пропади ты пропадом!

Голос этот как громом поразил Горыныча: трехголовый злодей втянул все свои головы в плечи, и опрометью кинулся вон со сцены...

Изгнанники

За кулисами ни смеха, ни беготни, все замерло, как перед июньской грозой. Синяя большая туча встает над горизонтом, всем хочется спрятаться, затаиться — это, копя в глазах молнию, идет за кулисы Михаил Павлович.

— Балабанов, Гусев, Овсянников, можете гулять, вы больше в елках не играете!

Вот она, молния... Она бьет Вовку, Балабанчика и безвинного Генку Овсянникова в самое сердце.

Елок ждут целый год! И потом целый год о них вспоминают... Потому что ЕЛКИ — это знаете что?!

А вот что: всех отправляют на каникулы, отдыхать — играть в хоккей, кататься на лыжах... Да мало ли у детей всяких игр и развлечений! А юные актеры остаются РАБОТАТЬ. Ну, понимаете: как взрослые! Без них не обойтись, Новый год — самый волшебный праздник и никак нельзя без сказки... Пусть Добро и Зло сойдутся лицом к лицу. Пусть Зло ворожит, колдует, заманивает. Пусть даже покажется, что оно сильнее... Но нет — Добро все равно победит! Это необходимо знать всем и каждому: Добро сильнее Зла!

И вот чтоб об этом не забывали, и мчатся юные актеры ранним утром в Дом пионеров ИГРАТЬ СКАЗКУ, биться за добро, за справедливость, которая есть на свете! И неважно, кого ты играешь, Змея Горыныча или Доброго Молодца... Ты выходишь на сцену — и зал замирает... И, если тебе выпало быть Добрым, бери меч и иди сражаться со Злом. А если тебе досталось быть Злым — погибни на глазах у зрителей, чтоб они поняли: Зло победить можно, только не надо трусить и убегать!

А еще елки — это когда с утра до вечера рядом друзья, понимаете? И не хочется вечером расходиться по домам...

Теперь ясно, какое несчастье свалилось на Вовку, Генку и Балабанчика?

— А меня-то за что...— уныло спрашивает Овсянников.— Меня же связали...

— Если ты позволил себя связать и не сберег оружие,— сухо объясняет Михаил Павлович,— то

ты не Добрый Молодец, а мокрая курица. Уходите, и чтоб я вас здесь не видел.

Страшно даже представить, как это: все будут здесь, а ты — там...

Изгнанники бредут по коридору к раздевалке. Генка надевает пальто, ожидающе смотрит на Вовку и Балабанчика.

— Пошли лучше,— советует он.— А то еще больше влетит.

А куда уж больше?

Друзья садятся на подоконник, молчат. О чем говорить? Конечно, Вовка мог бы сказать Балабанчику, что он о нем думает, но Балабанчик и сам понимает, как он виноват.

— Ты Аньку нашел?! — раскрывает рот Балабанчик.— Где она?!

Товарищи по несчастью

Анька сидит тихая, задумчивая. Никогда еще Балабанчик ее такой не видел. Он подходит, садится на черный ящик, валяющийся рядом.

— Слезь,— вздыхает Анька.— Ну ее...

Анька уже не обращает на страшную Машину внимания: караулит и караулит, да только разве этой железяке переупрямить живую Аньку! Не до Машины ей, она думает о жизни... У нее лицо такое...

— Ты чего?..— осторожно спрашивает Балабанчик.— Болеешь, что ли?

— Нет,— мотает Анька головой и вдруг задает один очень дурацкий вопрос: — Васька, а ты влюблен в кого-нибудь?

— Совсем ты уже чокнулась! — вот что кричит возмущенный, мгновенно покрасневший Балабанчик.— Ни в кого я...

— Понятно...— печально вздыхает она.— А в кого?..

— Отвяжись!

— А я в Кузю...

Балабанчик некоторое время потрясенно молчит, а потом сообщает грустно:

— А я в Верку.

— Нашел в кого...— не одобряет Анька.

— На себя погляди! — огрызается Балабанчик.— В Кузю!.. Уж лучше бы в Айрапетяна... Это хоть бы понятно было... Он из-за тебя ракетостроение бросил, а ты — в Кузю! Справедливо разве?

Анька удивленно глядит на друга:

— Из-за меня?..

— Да это все знают, что он в тебя втрескался!

— Какое он имеет право! — негодующе бормочет Анька.— Надавать бы ему как следует! Он у меня спрашивал, хочу я или нет, чтоб он в меня...

— Ты наивная...— грустно качает Балабанчик рыжей головой.— Об этом не спрашивают никогда, потому что это ни от кого не зависит... Думаешь, мне нравится, что Верка Вадика любит?

— Верка?! Вадика?! — Лицо у Аньки удивленное, сердитое.— А тебя?

— А меня — нет...

— Почему это она тебя не любит?!

Но Балабанчик не знает, почему Верочка Вадьку любит, а его нет.

Аньке хочется бунтовать. Что же это такое делается? Балабанчик любит Верочку, а она его нет! Безобразие, неправильно! Надо, если ты кого любишь, чтоб он тоже тебя любил!

— Тогда тебе полагается любить не Кузю, а Айрапетяна,— напоминает Балабанчик.

Анька задумывается.

— Нет,— говорит она со вздохом,— у меня не получится. А что, это всегда так, ты любишь, а тебя — нет?

К сожалению, это, оказывается, не всегда: вот, например, Верочка любит Вадьку, а Вадька любит Верочку... Только непонятно, куда девать Балабанчика, который тоже любит Верочку.

Нет, оказывается, мир устроен вовсе не так просто, как Аньке казалось... Будто новые глаза у нее появились, глядеть ими было страшновато, потому что новые Анькины глаза видели именно то, на что она раньше и внимания-то бы не обратила... И из-за этого вокруг появилось много всякого непонятного, которое раньше казалось Аньке абсолютно понятным.

«Влюблены, оказывается, все...— думает Анька.— А я и не знала... Надо в этом разобраться... И главное — с Кузей! Ведь я его неправильно люблю, не надо его вовсе любить: он глупый, вредный, говорит, что у людей нет души... Да еще Машину изобрел! Плохой он! Разве таких любить можно?»

Кузя и Катя

Лес стоял синий, туманный, но вот выехали Кузя и Катя на огромный белый склон, и он засиял ослепительно...

— Смотри, смотри! — ахнула Катя.— Как в сказке... Будто лес был заколдованный, а мы пришли — и расколдовали!

Если бы такое сказала не Катя, а какая-нибудь другая девочка, Кузя поморщился бы только и пробормотал: «Глупости! Просто солнце поднялось выше сосен и кристаллы снега отразили его лучи». Но с Катей все было иначе: то, что она говорила, полно было прекрасного, таинственного смысла...

Например, Кузя терпеть не мог сказки. С детства. Потому что уже тогда догадался, что все в них неправда, в жизни так не бывает! А вот сейчас замер рядом с Катей в зимнем лесу; кажется, что вокруг и вправду как в сказке, и Кузя радуется, что им с Катей удалось расколдовать этот прекрасный лес... То есть, это, конечно, Катя расколдовала. Кузя всерьез подозревает, что она волшебница, а иначе почему, когда Кузя видит ее, внутри у него делается так радостно и тревожно, что просто взял бы и полетел?

В общем, хоть и считает Кузя чувства ненужными и отжившими, рядом с Катей выясняется, что в самом Кузе они отжили еще неокончательно. Это плохо. Надо с ними, с чувствами то есть, бороться, чтоб не мешали Кузе стать совершенным и мудрым, как электронно-вычислительная машина. Но, когда Катя рядом, бороться с чувствами бесполезно: их так много, того и гляди, они сами поборют Кузю вместе с его умной Машиной! Вот какие дела...

Кузе хочется сказать: «Я люблю тебя, Катя!» Но вместо этого он почему-то громким голосом начинает рассказывать о своей Машине: какая она будет умная, все за всех рассчитает и не позволит людям делать глупости...

— Все тогда будут счастливы, Машина отменит страдания! — говорит Кузя и при этом зачем-то размахивает руками.— Приведу простой пример, чтоб тебе было понятней...

И приводит простой пример: допустим, какой-нибудь Саша полюбил какую-нибудь Наташу. Они поженились. А спустя некоторое время выясняется,

что они, оказывается, ошиблись. Оказывается, Саше и Наташе только казалось, что они любят друг друга. А теперь им стало совершенно ясно: они друг друга терпеть не могут!

Так вот, Машина таких ошибок просто не допустит! Она заранее все сосчитает и выдаст ответ: «Саша и Наташа, вы друг другу не подходите! Быстренько разойдитесь в стороны и забудьте друг друга!»

А Катя вдруг засмеялась и сказала ласково:

— Какой ты все-таки ребенок, Кузя...

Упрямец Айрапетян

Анька — человек прямой, она не будет вокруг да около.

— Айрапетян, это правда, что ты меня любишь?

— Правда,— грустно кивнул Яша.— Я тебе булку с изюмом принес...

— Давай...— вздохнула Анька.— И как это тебя угораздило?

— Очень просто... Осенью, на спектакле. Ты там маленькую разбойницу играла...

— Ну и зря. Там вон сколько девчонок было...

— Ты лучше всех!— тихо, но упрямо сказал Айрапетян.— Я как увидел тебя, сразу... Ты в таких высоких сапогах была, со шпорами... За поясом слева у тебя был кинжал, а справа пистолет... Все тебя боялись, а я сразу увидал: ты добрая!

— Глупый!— рассердилась Анька.— Это ж роль. А на самом деле я совсем не такая!

— Нет! Ты такая!— Глаза Айрапетяна засверкали.— Ты сама не знаешь, какая ты!.. Ты... Ты... Самая красивая!

— А ты дурак!— Анька покраснела. Раньше она бы просто надавала ему за такие слова, а теперь попросила тихо: — Может, ты меня разлюбишь?.. Ну, правда... Свет на мне клином, что ли, сошелся...

И Айрапетян кивнул печально: сошелся.

— Что же теперь делать?..

— Не знаю...— ответил Айрапетян.— А только я тебя буду любить всю жизнь...

Специалистка Верочка

Голубые Верочкины глаза светятся от любопытства.

— Айрапетян сказал, что ты меня звала?.. А чего это ты тут расселась? Мы думали, ты пропала, а ты...

Анька морщится.

— Я тебя звала не за этим... Мне спросить надо...

Верочка — самая красивая, она про любовь все знает. У кого ж еще спрашивать Аньке совета? Вот только как это сделать?

— Это...— бурчит Анька, глядя мимо Верочки.— Понимаешь...

Ну, никак у Аньки эти слова не выговариваются...

— Влюбилась, да?— догадывается Верочка.

— Ну...— мрачно кивает Анька.

— Я знаю, знаю!— Верочка хлопает в ладоши.

— Откуда?

— Так это сразу видно! Только, знаешь, ты все-таки дура!

— Почему это?

— Потому что Кузя на тебя и внимания не обратит!— Ну, просто все, все знает эта Верочка.

— Ну и пусть. Больно надо...

— Ничего ты не понимаешь.— Верочка машет руками.— Это самое главное — обратить на себя внимание! Какая любовь, если на тебя внимания не обращают!

— Зато я обращаю!

— Как раз этого и нельзя,— произносит Верочка со значением.

— Почему?

— Потому что ты женщина! Понимаешь? Это мальчики должны по тебе с ума сходить, а тебе — хоть бы хны! Понимаешь?

Но Анька не понимает.

— А если мне не хоть бы хны!

Глаза у Верочки становятся серьезными и строгими, как у Анькиной учительницы математики, когда она говорит: «Запомните раз и навсегда, что сумма углов в треугольнике равна ста восьмидесяти градусам! Кто не будет этого знать, сразу ставлю единицу!»

— Этого нельзя показывать ни в коем случае!— кричит Верочка.— С мальчиками так нельзя, Анька! Запомни: тебе хоть бы хны! Тогда они за тобой бегать будут, знаешь как! Вот только...— Она с ног до головы оглядывает Аньку и неодобрительно морщится:— Посмотри на себя... Как ты одеваешься? Ты и на девочку-то не похожа! И ведешь себя, как мальчишка!

Никогда Аньке и не хотелось быть похожей на девочку, но слышать такое все равно обидно.

— А Айрапетян говорит, что я самая красивая.

— Много Айрапетян понимает!— усмехается Верочка, уж она-то знает, какая девочка на самом деле самая красивая!

— А Айрапетян говорит, что он будет любить меня всю жизнь,— упрямится Анька. Нет, она не считает себя красивой, но все-таки пусть Верочка не задается...

— Ха-ха-ха!— ехидно говорит Верочка.— Всю жизнь любят только в кино! Да и то только в индийском. Я вот, знаешь, уже в который раз влюбляюсь? В пятый! Подумай сама: всю жизнь любить одного и того же человека... Это ж со скуки умрешь!

— А как же Вадька?— изумляется Анька.— Ты его сколько любить будешь?..

Верочка пожимает плечами.

— Сколько получится. Не отвлекайся, на чем мы с тобой остановились?

— На том, что я и на девочку-то не похожа,— припоминает Анька.

— Вот именно! А если тебя хорошо одеть,— Верочка милостиво улыбается,— ты, пожалуй, будешь ничего. Не понимаю, куда твоя мама смотрит! Зачем она тебе разрешает в этих ужасных сапогах ходить?

— Это унты,— хмурится Анька.— Папины...

— Ты еще папины брюки на себя надень!— сердится Верочка на глупую Аньку.— Женщина должна одеваться изящно! У тебя платья есть?

— Есть,— нехотя сознается Анька.

— Отлично!— кивает Верочка.— Значит, с завтрашнего дня начнешь ходить в платье... И старайся вести себя, как девочка...

«Как девочка, как девочка...— смятенно думает Анька.— А как это?»

Выясняется, что девочки и ходят не так, как Анька, и разговаривают не так, и интересы у них другие. Анька с отчаянием старается запомнить, какой должна быть настоящая девочка...

Нет, никогда у нее ничего не получится!

— Знаешь, надо тебе волосы отрастить,— распоряжается Верочка.— Тебе бантики пойдут.

Тут уж Анька не выдержала, взбунтовалась:
— Не буду с бантиками!
— Надо!— строго говорит Верочка.

Меж тем зимний день клонится к закату. Солнце еще не село, но воздух уже сгущается, начинает синеть... Как давно сидит Анька под пожарным краном. И сидеть ей тут всю жизнь, пока не помрет. Так что вряд ли ей пригодятся мудрые Верочкины советы...

Вальс в сугробе

Солнце опускалось к верхушкам сосен, но еще так хорош был расколдованный лес, весь розовый и голубой...

Кузя и Катя сидели у костерка, а он потрескивал, стрелял в них жаркими искрами.

— Давай танцевать!— предложил Кузя.

— Под тра-ля-ля?

Кузя улыбается, Кузя лезет в карман куртки... Из кармана раздается музыка, в кармане гремят гитары и барабаны...

— Ой, что это?— удивляется Катя.

Кузя достает маленький, серебристо-черный магнитофон.

— Японский,— объясняет он.— Чудо техники!

— Дорогой, наверно?

Кузя пожимает плечами, он не знает, ему подарили.

— Балует тебя дед.— Катя качает головой.

— Это не дед...— смурнеет Кузя.— Где он возьмет такое? Это мне мать прислала на Новый год... Она

недавно за границей была и привезла вот... Хлопот много — от деда прятать приходится...

— Зачем?

Кузя ворошит костерок, подбрасывает ветку, объясняет:

— Она в Москве живет. Мы с дедом летом туда ездили. Я ее разыскал... А теперь вот она мне подарок прислала. А что деду говорить? Он же не знает, что я у нее был. Знаешь, она меня и не узнала, решила, что я одноклассник ее дочки...

— Что ж ты сам не сказал? — ахает Катя.

— Как? — усмехается Кузя. — «Здрасте. Вы меня, конечно, не помните, потому что, когда вы с папой поняли, что ошиблись друг в друге и разошлись, я был маленький... Но вообще-то я ваш сын?..» Ну потом-то она догадалась... Да ну! Давай лучше танцевать! — И Кузя включил чудо техники на полную мощь...

Кузя и Катя пляшут у костра, прыгают, кричат, хохочут.

— А поспокойней у тебя ничего нет? — спрашивает запыхавшаяся Катя.

— Вальс! Хочешь вальс?.. У меня на пробной кассете есть...

Кузя меняет кассету, старинный вальс медленно и нежно плывет над снегами.

— Вальс! Вальс! — кричит Катя. — Вальс в сугробе!

И кружится, кружится снежная поляна, кружатся вечереющий лес и набирающее высоту небо... И вдруг музыка обрывается и неживой, страшный голос, от которого по спине у Кати побежали мурашки, четко и равнодушно начинает выговаривать слова:

— Я. Машина. Он. Меня. Изобрел. Теперь. Мне. Нужна. Ты. Подойди.

— Что это? — спрашивает Катя, замерев.

— Не обращай внимания. Это так, шутка.

Но Катя не может не обращать внимания, ей страшно.

— Аня. Дай. Душу. — Твердит мертвый голос.

— Какая Аня?..

— Да ну... — морщится Кузя. — Есть там одна...

— Нет, ты скажи!

— Да пятиклашка, у деда в театре занимается, — объясняет Кузя. — Они там, у деда, все такие прекрасные, у всех, видите ли, душа! А я плохой! Я — железяка бездушная... Это мне дед вчера выдал! Ну, дед ладно, это наши с ним дела, она-то чего лезет?! А дед еще за нее заступается! В общем, вывела она меня из себя... — Кузя хмыкнул. — Вот я ее и проучил...

И, вспомнив, как замечательно у него все получилось, Кузя развеселился, изобразил, какое у Аньки было лицо, когда она увидела Машину...

— Она, наверно, и сейчас там сидит... — говорит Катя и глядит на Кузю как-то непонятно.

— Что ты! Ей же на елку надо было! Не волнуйся, она мне точно проспорила!

— Душу? — спрашивает Катя и все глядит на Кузю. — И что ты будешь делать с этой душой?..

— Да нет же никакой души! — растерянно объясняет Кузя. — Это шутка, ну, чего ты, Катя?..

Катя надевает лыжи, молчит.

— Катя, ты куда?..

— Мне домой пора, — голос у Кати чужой, и на Кузю она уже не смотрит. — Ты со мной не ходи...

Катя скользит по лыжне, а Кузя стоит у догорающего костерка, глядит вслед.

— Катя, подожди! — Он несется по мягкой снежной целине, продирается через заснеженную поляну, выскакивает перед Катей на лыжню, весь в снегу, взъерошенный, потерявший шапку...

— Катя, не уходи!

Но Катя объезжает его, не взглянув. И Кузе понятно вдруг: она не из лесу уходит, она уходит от него, от Кузи...

— Я люблю тебя!.. — кричит Кузя с отчаянием. — Не уходи, Катя!

Катя останавливается, печально смотрит на Кузю:

— А ты у Машины своей спросил?.. Вдруг она против...

И Кузя остается один-одинешенек в прекрасном расколдованном лесу... Над лесом горят холодные вечные звезды.

А в лесу плачет Кузя.

Слезами горю не поможешь

Плакать было глупо и бесполезно, Кузя это давно понял... Давным-давно, когда встретил у киоска с мороженым собственного пропавшего папу. Кузя в ту пору учился в первом классе.

— Папа! — закричал он на всю улицу.

Папа вздрогнул и обернулся. Он пропал три года назад, и теперь вот стоял у киоска с мороженым...

— Лешка? — неуверенно спросил папа, а какой-то карапуз, стоявший с ним рядом и державший его за руку, отозвался:

— Чего?

— Я не тебе, — сказал ему Кузин папа.

— Это кто? — насторожился Кузя, ему вовсе не понравилось, что какой-то посторонний держит его папу за руку.

— Это?.. — переспросил папа и, взглянув на малыша, как бы и сам удивился: мол, и правда, кто это?

— А мама где? — задал Кузя следующий вопрос.

— Мама?.. — опять переспросил папа, будто плохо слышал. — Она еще не приехала...

— Пап, купи мороженку... — заныл посторонний малыш.

— Почему он зовет тебя папой? — спросил Кузя строго.

— Видишь ли, — сказал папа, — это мой сын...

— А, — догадался Кузя, — мой брат! — И сразу успокоился. — Только зря вы его тоже Лешей назвали, теперь дома путаница будет.

— Пап, пошли домой! — надулся младший Лешка.

— Пошли, пап! — поддержал Кузя.

— А ты с нами не ходи! — сердито крикнул малыш.

— Лешка, замолчи! — велел папа.

— Я молчу, — удивился Кузя.

— Я не тебе, я ему, — пояснил папа.

— Говорил же я тебе, что будет путаница!

— Да-да, ты прав, — кивнул папа и пошел к киоску. Он вернулся с двумя эскимо.

— Ну, пойдем! — потянул его за руку Кузя. — Дед обрадуется!

Папа вздохнул и сказал, глядя мимо Кузи:

— Видишь ли... Дело в том, что мне некогда... Я сейчас опять уезжаю...

— Куда? — спросил Кузя, собираясь зареветь. — К маме?

— Да-да...

— Пап, пошли домой! — заныл Кузин младший брат.

— Замолчи, ешь мороженое...

— А оно не разворачивается. А чего он к нам пристал!

— Видишь ли в чем дело, Лешка...— сказал папа.

— Ты ему или мне? — спросил Кузя.

— Тебе. Лешка, ты ведь уже взрослый? — спросил папа, и лицо у него стало такое, что Кузя сразу понял: сейчас он скажет что-то очень страшное. И, чтоб он не успел этого сделать, Кузя закричал на всю улицу:

— Папочка, не уезжай! Я не хочу!

— Тише! — умоляюще забормотал папа.— На нас и так уже оглядываются... И, пожалуйста, не вздумай заплакать! Давай поговорим спокойно, как разумные люди...

И разумный человек папа объяснил Кузе, что они с мамой давно не любят друг друга. Теперь у папы другая жена. Ничего ужасного в этом нет. Когда Кузя вырастет, он все поймет.

А разумный человек Кузя спросил:

— Значит, вы уже никогда не вернетесь?

На этот вопрос папа ответить затруднился, только пробормотал торопливо:

— На вот тебе... — и, отобрав у маленького Лешки эскимо, сунул его Кузе.

— Только не плачь, будь разумным! — велел папа. — Слезами горю не поможешь, запомни раз и навсегда! И не плачь!

Это были последние папины слова. Он подхватил на руки своего нового сына и торопливо зашагал от Кузи...

В каждой руке у Кузи было по эскимо, он стоял, глядел, как папа уходит... Да, Кузя не послушался папу, он заплакал. Но это было в последний раз.

Директор Дома пионеров делает открытие

Куда девался директор? Что это творится в Доме пионеров?

— Директора не видали? — озабоченно спрашивает у всех Мотя. Надо сказать Сергею Борисовичу, что Анька зачем-то сидит под пожарным краном № 1, и искать ее больше не надо, так теперь Сергея Борисовича нет как нет... Мотя волнуется, расспрашивает... Где директор?

Мы-то знаем где! За тридевять коридоров. Он сидит на старом фанерном троне и, подперев щеку ладонью, думает: «Почему я такой несчастный?» За спиной его торчит рыцарь Васька-дурак. «Мы теперь всегда будем вместе!» — будто говорит рыцарь из папье-маше.

А Сергей Борисович думает, думает, думает... Ему необходимо додуматься до чего-то очень важного, только он еще не знает, до чего... Дело идет плохо: мысли разбегаются, прячутся, не ухватить их... Вдруг появляется такая мысль: «Зачем я не сокол, зачем не летаю?» Это голова над Сергеем Борисовичем издевается. «Спохватился! — мстительно бормочет голова. — Уж сколько лет я без дела! Ты на мне только шляпу носишь! Я отвыкла думать. Не буду». «Будешь!» — сердится директор на свою голову. «Ну, гляди! — грозит голова. — Как бы тебе потом не пожалеть...»

...И вот в голове появляется первая отчетливая мысль: «Жизнь твоя совершенно бесполезна!»

Сергей Борисович горестно кивает, а голова продолжает: «И вообще ты занимаешься не своим делом, ясно тебе? Никаких способностей к воспитанию детей у тебя нет и никогда не было. Ну чему ты

их можешь научить? Ведь ты до сих пор так и не понял, что **ДЕТИ — ТОЖЕ ЛЮДИ!»**

Сергей Борисович замирает, раскрыв глаза: вот она, самая главная мысль!

Ну, конечно! Вот в чем дело, оказывается... Раньше Сергей Борисович твердо знал, что дети только и думают, как бы устроить какое-нибудь безобразие. Они глупые. Они упрямые. Они вредные. Честно говоря, они даже казались ему все на одно лицо... А сегодня вдруг открылось: они все **РАЗНЫЕ!** Друг на друга **НЕ ПОХОЖИЕ!** И у каждого — **ХАРАКТЕР!..**

Вот какое потрясающее открытие вдруг сделал заблудившийся директор Дома пионеров, и ему стало не по себе, как человеку, который шел-шел по пыльной дороге, да вдруг и взлетел... А сверху все увиделось иначе: зеленее, огромнее, просторнее! И весело, и хочется выше, а боязно. Думается: вдруг упаду?

Сергей Борисович зажмурился. «Неправильно я жил, плохо,— сказал он себе честно. — Пора начинать новую жизнь...» И так вдруг захотелось ему из пустых коридоров туда, к людям, что он вскочил, треснул кулаком картонного рыцаря и закричал с отчаянием:

— Люди, ау! Отзовитесь!

— Чего кричать-то так? — отозвались из соседнего коридора люди. Сергей Борисович узнал дерзкий голос Аньки Елькиной и обрадовался ей, как родной...

Анька и Кузя

Правая щека у Кузи была отморожена, волосы слиплись в сосульки, а глаза тоскливые, как у бездомной собаки. Кузя стоял у входа в тупичок и смотрел на Аньку.

— Елькина... — тихо сказал он. — Я дурак и скотина... Возьми, это твое...— И положил Аньке на колени маленькую серебристо-черную коробочку.

— Что это? — испуганно замигала Анька.

— Магнитофон... Я тебе его проспорил...

— Нет! — нахмурилась Анька. — Мы на Машину спорили!

— Нет никакой Машины... — сказал Кузя еще тише и вдруг изо всей силы пнул черный ящик.

Ужасная Машина для управления человечеством отлетела к стене, рикошетом ударила в батарею, верхняя крышка соскочила, и стало видно пустое фанерное нутро...

— А огонек?.. Там же огонек горел... И голос был...

— Батарейка... — тоскливо объяснил Кузя. — А голос я на магнитофон записал... — Он что-то нажал в серебристой коробочке и оттуда раздалось: «Аня. Дай. Душу». — Прости меня, Елькина... — повторил Кузя. И побрел по коридору.

Гори, сияй!

В коридорах пели.

Твоих лучей волшебной силою
Вся жизнь моя озарена,—

печально звучал бас.

Умру ли я, ты над могилою
Гори, сияй, моя звезда... —

подпевал звонкий упрямый голос.

Михаил Павлович и Анька допели, и стало тихо, только эхо еще не угомонилось в лабиринте коридоров, и все бродило, все шептало: «Гори, сияй, гори, сияй...»

— Не хочу я его любить! — горестно сказала Анька. — Он злой, плохой...

Михаил Павлович вздохнул.

— А любят не только хороших... Что ж тебе любовь — похвальная грамота?

— И плохих любят?..

— Всяких...

— И совсем-совсем плохих?

— И совсем-совсем...

— Почему?

— Потому что мы, люди,— печально сказал Михаил Павлович,— всегда надеемся на лучшее в человеке... И верим, что, когда уже ничто не может спасти, его спасает наша любовь...

— А она спасет? — шепотом спросила Анька. — Обязательно?

Михаил Павлович грустно покачал головой.

— Необязательно. Но иначе нам, людям, нельзя. Пошли домой?

— Нет! — вздохнула Анька. — Я еще немного тут посижу. Мне тут думается очень...

Михаил Павлович кивнул и снял с руки часы.

— Думай, а через пятнадцать минут приходи.

Он ушел, а Анька осталась сидеть под пожарным краном. Ей думалось. Еще никогда в жизни ей не думалось так много, как сегодня под пожарным краном № 1. Может, он был какой-нибудь волшебный?..

Они больше так не будут

В большом холодном небе опять загорались звезды. День кончился, пришла пора прощаться.

— До завтра,— сказал Михаил Павлович своим актерам.

— До свидания! — на разные голоса закричали они, а из раздевалки вышли Вовка и Балабанчик и затянули несчастными голосами:

— Михаил Павлович, мы больше так не будем!

— Будете! — проницательно сказал Михаил Павлович. — Ну, вот если честно?

Вовка и Балабанчик переглянулись.

— Если честно, то будем... — уныло согласился Балабанчик. — Немножко...

— Но не сейчас! — поспешно заверил Вовка Гусев. — А потом, когда у вас выздоровеет сердце и будет можно волноваться...

— Погоди-ка... — удивился Михаил Павлович,— ты что, уже не заикаешься?

Вовка погрустнел и затих.

— Его Анька вылечила! — доложил Балабанчик.

— Как?

— Очень просто,— печально отозвался Вовка. — Унтом по башке...

Михаил Павлович захохотал, обнял друзей за плечи... В общем, было ясно: прощены!

Но на этом события дня не кончились, увы, увы... Только вышли Вовка и Балабанчик из Дома пионеров, только сбежали вниз по ступенькам, как от большого тополя, что стоял против входа, отделилась темная фигура, из-за угла выскочили еще четверо...

— Ну, что? — спросил у Балабанчика Вадька Березин. — Поговорим?

— Поговорим! — согласился Балабанчик. — Вов, ты иди.

— Жди да радуйся! — ответил Вовка. — Их вон сколько...

И они стали разговаривать... Вдвоем против пятерых.

Держитесь!

— Ну, собирайтесь, собирайтесь... Поди, голодные оба... — Михаил Павлович вздохнул, искоса наблюдая за растерзанным, несчастным внуком. Где шапка? Где лыжи? Что случилось?.. Но ни о чем не спросил, они же с Кузей с утра не разговаривали.

Анька потянулась за пальто, но Михаил Павлович опередил.

— Я сама! — закричала Анька. — Чего это?!

— Ты забыла? — напомнил Михаил Павлович.

А Анька и действительно чуть не позабыла, что с сегодняшнего дня она решила стать похожей на девочку...

— Женщина не должна сама надевать пальто, если рядом с ней мужчина, — строго пояснил Михаил Павлович.

Анька засопела от неловкости, долго не могла попасть в рукава.

— Ничего, — утешил Михаил Павлович. — Привыкнешь. Пошли.

Справа от него вышагивал молчаливый, скорбный Кузя, слева — Анька. Она старалась идти легко и красиво, как положено девочкам.

— Это еще что? — Михаил Павлович поднял брови, потому что Анька привычно оседлала перила. — Девочки не ездят по перилам.

И пришлось Аньке спускаться по лесенке — как положено девочкам...

А у самого выхода Анька вдруг охнула: платье и бантики!

Платье и бантики были дома, на Фестивальной улице!

— Михаил Павлович! — закричала она. — Я сейчас, я только домой сбегаю, подождите, мне надо!

Но прежде, чем нестись вслед за Анькой, сломя голову выскочившей на темную, морозную улицу, необходимо оглянуться на Михаила Павловича и Кузю. Вот они стоят рядышком, дед и внук...

— Дед... — растерянно говорит Кузя. — Кажется, люди мудрее машин... Кажется, я без них не могу...

Глаза у Кузи тоскливые.

Михаил Павлович обнимает своего длинного глупого внука за плечи:

— Не переживай так... Просто ты ошибался... С людьми это бывает... — И тихонько дует Кузе в затылок: как в детстве... И от этого большой Кузя вдруг чувствует себя маленьким, ему хочется уткнуться деду в плечо и заплакать.

— Дед... — жалуется Кузя. — Мне так плохо...

— Это тоже бывает... — говорит Михаил Павлович. — Терпи.

Михаил Павлович уже давно живет на свете и знает, что вовсе не всегда бывает людям легко и радостно. Но он верит, что человек остается человеком — даже если ему очень плохо. В сущности, это самое главное...

А вот и Анька. Она выскочила на ступеньки и увидела, что прямо против входа в Дом пионеров идет драка...

Анька остановилась на верхней ступеньке и подумала, как положено девочке: «Опять эти мальчишки дерутся!» Очень неодобрительно подумала.

«И конечно, опять Вова и Вася... Без них не обойдется... — вздохнула она. — Может, пойти Михаилу Павловичу сказать? Нет! — решила она. — Мне некогда. Надо бежать, искать платье и бантики!»

А Балабанчик и Вовка храбро бились вдвоем против пятерых. Балабанчику и Вовке было туго.

— Мальчики, перестаньте! — крикнула Анька, и, услышав ее голос, Балабанчик отозвался:

— Анька, на помощь! Наших бьют!

Всегда, всегда этот Балабанчик скажет что-нибудь не вовремя! Разве так можно?!

...Ну и вот! Ну и пожалуйста! Анька вздрогнула, замерла, будто просыпаясь, — и в этот миг все похвальные мысли о бантиках куда-то пропали, рассеялись — как сон, как утренний туман...

— Держитесь! — закричала Анька и, кубарем скатившись по лесенкам, умело врезалась в свалку.

...Какие могут быть бантики, когда наших бьют!

КОНЕЦ

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель: Поясни лексическое значение слова «ямщик».

Ученик: Ямщик — человек, управляющий лошадью. Обычно он ждет пассажиров в аэропорту, чтобы кого-нибудь подвезти.

Ира К.,
г. Петропавловск-Камчатский.

* * *

Учитель: Что такое причастие?

Ученик: Это глагол, похожий на прилагательное.

Андрей Калганов,
г. Москва.

НА УРОКАХ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учитель: Каково назначение барометра?

Ученик: Барометр — это прибор, выпускающий погоду...

Иван Шариков,
г. Прилуки.

* * *

Учитель: Как питаются дятлы?

Ученик: Дятел постучит клювом по дереву. Букашки выйдут поглядеть — кто это пришел, а дятел их хватает и ест.

О. Ракова,
г. Брежнев.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учитель: Кто населяет Швецию?

Ученик: Швецию населяют... швейцары!

Оля Герасимова,
г. Горький.

НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Учитель: В чем отличие былины от других произведений народного творчества?

Ученик: В былинах много гиперболоидов.

Аркадий Иванцов,
г. Новосибирск.

Из школьных сочинений

«На раскидистом поле стоял Витя в стоячей позе».

«Князь Верейский решил выйти замуж за Марью Проскурову».

«Вокруг глаз у него были рыжие брови».

«В уме его шевельнулась мозгинка».

«Андрей кричал на всю улицу тихим, спокойным голосом».

«У Пугачева было много пушек. Он их получал с Уралмаша».

«В углу парикмахерской стояла вешалка для посетителей».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

МОЙ КОНЕК

Первые знания о почте и филателии мне дал дед — Иван Иванович. Работал он на железной дороге, а роду был самого что ни на есть почтового — ямщицкого. Дедушка родился и жил в Ямской слободе старинного города Владимира. Его деревянный дом с просторным крытым двором стоял на въезде из Москвы, недалеко от каменного здания городской заставы.

Иван Иванович был книголюб и книгочей, почитал живопись и рыбалку, увлекался историческим краеведением, нумизматикой — коллекционированием монет и, конечно, филателией. Работал он проводником поезда и то, что предпочел лошадям железную дорогу, считал вполне естественным: дед уважал прогресс.

Однажды, когда я спросил деда, почему он проводник, он вместо ответа положил передо мной две старинные русские марки с гербами, на первый взгляд одинаковые. Сказал, что надо найти различие. Я обнаружил — на одной марке под гербом расположены перекрещенные рожки, на другой к ним добавились символические стрелы. «Это означает, что была в России почта, а потом появился и телеграф», — объяснил дед. Так и остались у меня в памяти две небольшие строгие марки — символ прогресса службы связи.

Со временем я сам стал собирать почтовые марки. А с них переключился на коллекционирование филателистической литературы — книг и журналов о филателии и почте. Кстати, этот вид коллекционирования хотя и не так распространен, но известен тоже давно.

А сейчас приглашаю вас в страну Филателию. Путешествие свое мы начнем с детективной истории.

И НЕ СНИЛОСЬ СТАРИННЫМ ПОКЛОННИКАМ

...— Итак, вы говорите, будто знаете похитителя картины?

— Возможно, мосье. Во всяком случае, мне известно, где она находится. Я видел ее собственными глазами дома у...

Полицейский аккуратно записал адрес и фамилию предполагаемого преступника.

— Думаете, это действительно «Игроки» Сезанна, а не какая-нибудь дрянная копия?

— Вот этого, мосье, я утверждать не берусь. Но она произвела на меня сильное впечатление.

Полицейский удивленно поднял брови:

— Вы хотите сказать, что раньше не видели картины?

— Почему же, видел. Я люблю почтовые марки, а «Игроки» были воспроизведены в прекрасной, посвященной живописи серии.

Полицейский не прерывал своего собеседника. Вспыхнувшая было в душе надежда раскрыть тайну похищения музейного полотна, увы, погасла...

Как вы уже догадались, картина была найдена, иначе к чему бы нам вспоминать этот удивительный случай?

Впрочем, так ли уж он удивителен?

Современные почтовые марки — это весь мир в картинках с его прошлым, настоящим и будущим. В них звучат эхо минувшей войны и победные фанфары Московской Олимпиады, замерли экзотические рыбы тропиков, распростерся пейзаж неведомой планеты... Раскрываешь филателистический альбом и сразу видишь, чем «болеет» его хозяин: биологией, хоккеем или театром. А о живописи и говорить не приходится — сотни, тысячи миниатюрных репродукций картин разлетаются по белу свету, поселяясь в коллекциях — художественных галереях.

А какой была самая первая марка? Что было изображено на ней? И где первая марка появилась?

Впервые решили ввести марку как средство оплаты почтовой корреспонденции в Англии. Но правительство побоялось, что марки будут подделывать. Как этому воспрепятствовать? Самое изящное и, по тогдашним представлениям, надежное решение предложил один из участников конкурса на создание марки — Бенджамин Чевертон. Он считал, что стоит напечатать на новинке портрет известного лица, и фальшивки обречены на провал.

В выборе портрета ни сам Чевертон, ни члены жюри не сомневались. Это должно быть первое лицо

империи, чьи черты знакомы публике по многочисленным портретам, медалям, монетам. Первым лицом была королева Виктория.

«Черный пенни» — так назвали первую марку — Виктории понравился. Она хотела бы выглядеть так всю жизнь — восемнадцатилетней, немного грустной и вместе с тем как бы проницательно вглядывающейся в скрытое за витой рамкой миниатюры великое будущее.

Королева умерла в возрасте восьмидесяти лет в 1901 году. За время ее жизни марки распространились по всему миру.

Сперва это были выпуски с рисунками гербов, эмблем, крупных, бросающихся в глаза цифр, красноречиво свидетельствующих о стоимости пересылки письма. А в 1851 году на марках Канады «поселился» бобр. И вспыхнула безобиднейшая в мире охота, положившая начало нынешнему многотысячному «филателистическому зоопарку». Любопытно, что млекопитающие в этом «зоопарке» занимают лишь пятое место — вслед за птицами, рыбами, пресмыкающимися и насекомыми.

На марках живут и здравствуют гигантский голубь, окончательно истребленный в 1864 году, тасманийский волк, на следы которого последний раз удалось наткнуться в 1948 году. Охота с пинцетом и лупой не дает мехов и мяса, зато прививает гораздо более ценное — уважение и любовь к природе...

Каких только тем не касается почтовая графика! Их подсказывает художникам сама жизнь. Вслед за первым в мире советским спутником вышла на орбиту и марка, проложившая дорогу космической теме... Искушенные мастера и поклонники изобразительного искусства заново открыли для себя волшебство детского рисунка — и появились марки, запечатлевшие мир глазами детей.

Прежде было принято собирать марки по мере того, как они выходили: об этом сообщал специальный каталог. И размещали марки в альбомах по хронологическому принципу.

Заданность коллекции сковывала фантазию, не позволяла проявиться личным пристрастиям филателистов. Трудно поверить: то, что особенно привлекает нас сейчас — сам рисунок, содержание почтовых марок,— считалось делом второстепенным. Так продолжалось до середины двадцатых годов, пока не сказали веское слово дети, школьники из уральского города.

Свое обращение они назвали в духе того времени: «Платформа Златоустовского кружка юных филателистов». Школьники ратовали за то, что сейчас называют тематическим коллекционированием. Характер коллекции стал определяться содержанием марок. Погоня за редкостями и количеством отодвинулась на второй план.

В тематической коллекции могут соседствовать марки, созданные в разное время в разных странах мира. Случается, с детства знакомое изображение предстанет в новом свете, заставит учащенно забиться сердце. Например, марка из серии «Спасение челюскинцев» с портретом летчика Николая Каманина — желанный экземпляр для тех, кто увлекается историей авиации, покорения Севера. И вдруг — неожиданная встреча с нею в коллекции, посвященной космосу. Ну, конечно же: спустя многие годы знаменитый летчик стал наставником первых советских космонавтов!

Произошло чудо, которое и не снилось узкому кругу старинных поклонников почтовой марки. Филателия стала массовым увлечением, самым распространенным и доступным видом коллекционирования.

М. ШПАГИН

Рисунки О. и А. ДУГИНЫХ.

Ведет А. ПЛЕШАКОВ.
Научный консультант — доктор биологических наук, профессор А. В. ЯБЛОКОВ.

Приближается зима. Птицы и звери по-разному ее встречают. Одни улетают в теплые края, другие запасают корм, третьи роют глубокие норы...

Звери улетают на юг

Еще в девятнадцатом веке и даже раньше в трудах зоологов упоминались дальние перелеты летучих мышей. Правда, тогда их никто по-настоящему не изучал. Лишь в 1916 году один исследователь впервые окольцевал нескольких крылатых путешественниц.

Сейчас точно известно: в начале осени многие летучие мыши, как птицы, отправляются в теплые края. Летят зверьки либо стаями, либо в одиночку со скоростью 30—40 километров в час. Чаще всего по ночам, но иногда и днем. И хотя стараются держаться над сушей, не страшит их и открытое море.

Летучие мыши не только ведут себя, как птицы. Иногда они летят вместе с птицами, в общих с ними стаях! Не раз их видели, например, в стаях ласточек и стрижей.

Однако, в отличие от птиц, летучие мыши, добравшись до мест зимовок, отыскивают себе убежища и... впадают в спячку. Кроме того, перелеты летучих мышей обычно не такие далекие, как у птиц. Нет, например, сведений о том, что летающие зверьки Европы зимуют в Африке, а ведь именно туда улетают ласточки и многие пернатые. Чаще всего летучие мыши зимуют в пещерах Средней Азии, на Кавказе, в Крыму, на Балканах...

Не все летучие мыши улетают от нас зимой. Где и как зимуют оставшиеся?

И СЕБЕ, И ЛЕСУ

Сойка — птица очень запасливая. На зиму она никуда не улетает. И поэтому прячет в землю, под корни и в дупла деревьев желуди — впрок. До четырех килограммов может набить в одну кладовую. Но, заботясь о себе, сойка невольно расселяет дуб. Однажды в посадках сосны нашли 522 всхода дуба. Откуда они взялись? Да просто сойки принесли желуди!

Кедровка — самая заслуженная птица в тайге. Она расселяет ценнейшее дерево — кедровую сосну! Засовывает его орешки в мох, в лесную подстилку, под камни, складывая их там кучками. И хотя птица эта, по-видимому, хорошо помнит, где что спрятала, зимой она находит и съедает не все орешки. Оставшиеся прорастают и дают начало молодым деревьям.

Открытие!

Восемь тысяч тайников

Близкая родственница нашей кедровки — ореховка колумбийская, живущая в Америке, стала недавно знаменитой. Это произошло потому, что ученые после многих экспериментов убедительно доказали: память у этой птицы просто необыкновенная! Она прячет в тайники до 33 тысяч семян сосны, по 4—5 штук в одном месте. Получается 7—8 тысяч тайников. И все тайники птица запоминает! Запоминает и потом находит по памяти.

Обладают ли такими способностями сойки, поползни, наши кедровки? Вполне возможно. Изучение птичьей памяти продолжается.

Очень запасливы и трудолюбивы птицы. А какие звери запасают на зиму корм?

НЕ РАЗОРЯЙ КЛАДОВЫХ ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ! ПОМНИ: БЕЗ НИХ ЖИВОТНЫМ БУДЕТ ОЧЕНЬ ТРУДНО ЗИМОЙ.

ИТОГИ КОНКУРСА НАБЛЮДАТЕЛЬНЫХ

На Конкурс наблюдательных, который был объявлен в № 2 нашего журнала, прислали свои ответы многие наши читатели.

Поздравляем самых наблюдательных ребят, победителей конкурса: Галю Усову из города Усолье-Сибирское Иркутской области, Д. Котова из поселка Пай КАССР, Наташу Иванову из поселка Дружная горка Ленинградской области, Колю Таль из Москвы.

Благодарим всех, кто принял участие в конкурсе!

Елена ЩЕРБАТЮК

Светлячок и солнышко

СКАЗКА

Рисунок С. СОКОЛОВА.

На лесной опушке, в старом трухлявом пне жил светлячок. По ночам он освещал зверюшкам тропинки в темном лесу. Сидит зайчишка под кустом, плачет — заблудился. Светлячок тут как тут: «Не плачь, трусишка, я тебе посвечу!» Вдвоем не так страшно ночью по лесу идти, и за каждым кустом волк уже не мерещится. Вот и заячий домик, вкусно пахнет капустой, мама-зайчиха навстречу бежит: «Спасибо, светлячок!» Так в заботах ночь и пройдет. Днем же светлячок спит и солнышка не видит. А ему так хочется знать, что такое солнышко!

Решил светлячок расспросить старого крота. «Солнышко? Это когда тепло и птицы поют,— не задумываясь ответил крот.— Я слепой, а вот слух у меня хороший, очень люблю птичьи песни послушать. Правда, мы, кроты, все больше под землей живем, только погреться наверх вылезаем. Так что ты еще у кого-нибудь спроси».

Светлячок разыскал хомяка.

— Добрый вечер,— вежливо сказал светлячок.

— Одна тысяча триста семьдесят три...— ответил хомяк.

— Я говорю, добрый вечер!

— Одна тысяча триста семьдесят четыре... Не мешай, а то собьюсь, придется все зерно заново считать.

Сосчитал хомяк свои запасы, закрыл амбар на замок, а ключ за щеку положил. Выслушал светлячка и говорит:

— Солнце — это когда пшеница на полях хорошо зреет, а у меня в амбаре много зерна. Нет солнца — нет и хлеба.

— Спасибо,— сказал светлячок, но решил еще спросить мышку, что жила в домике лесника.

— Солнышко — это когда кот Василий на крыльце греется, а нам, мышам, дома раздолье,— сказала мышка, подхватила корочку сыра и юркнула в норку к своим мышатам.

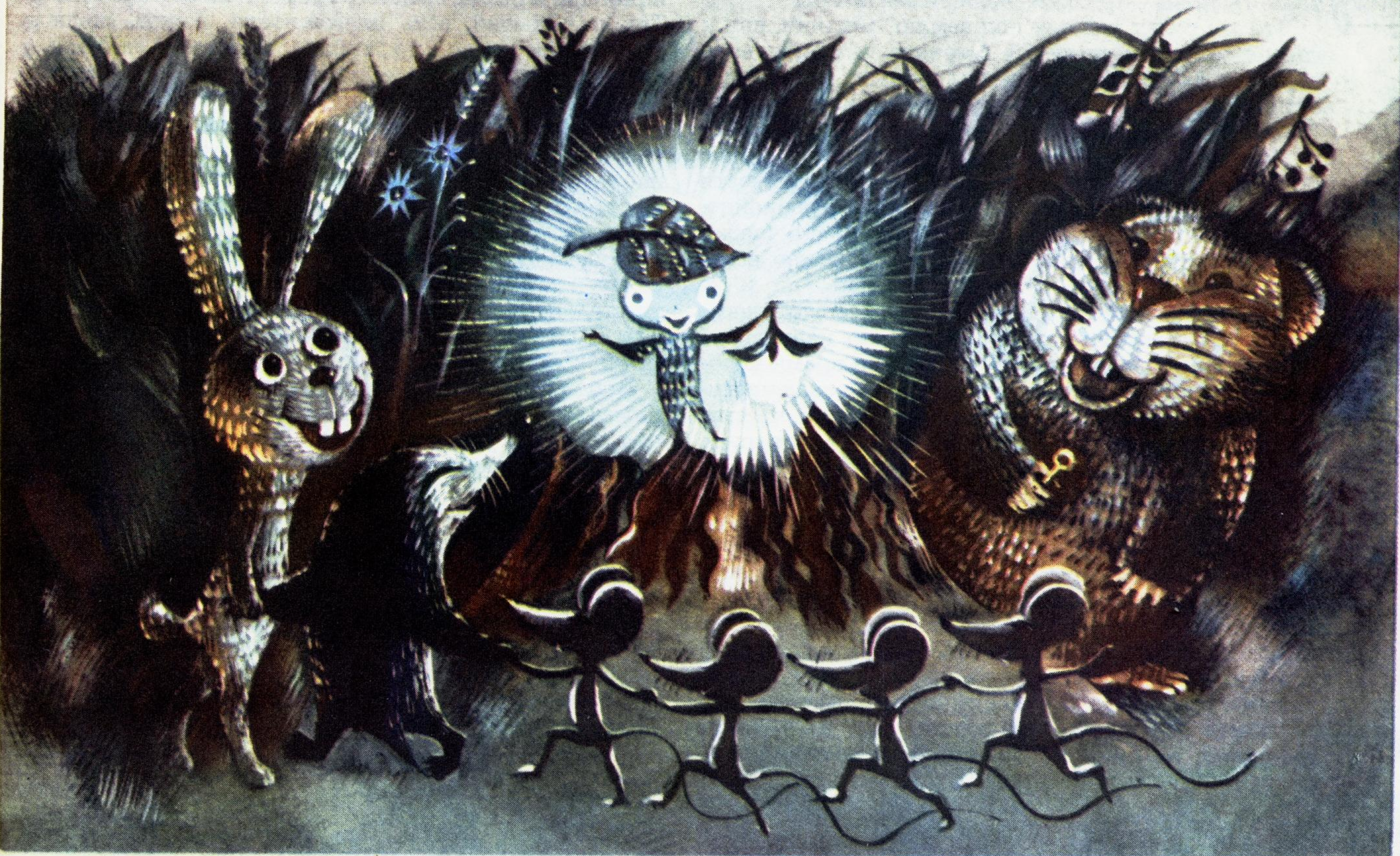
— Как же так?— удивился светлячок.— Для крота солнышко — это когда тепло и птицы поют, для хомяка — когда зерна много. А для мышки солнце — когда кота Василия дома нет... Что же это такое — солнышко?

— Солнышко,— вдруг раздался голос из-за печки,— это и то, о чем сказали крот, хомяк и мышка, и еще многое, многое другое...

Светлячок увидел старого-престарого сверчка. Сверчок прожил долгую жизнь и многое видел, много знал.

— А на что же похоже солнышко?— спросил светлячок.

— На тебя. Оно — такой же светлячок, как и ты, только очень большой. И такой же ласковый и приветливый. Всем светит, всем помогает.

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Тайны раскрытые и нераскрытые

ЭКСПЕРИМЕНТЫ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Кто не слышал о бородачах-гномах в остроконечных шапках, прекрасных мастерах и воинах? Они не выносят солнечного света и живут в полумраке подземелий.

«Все это сказки,— скажете вы.— Никаких гномов нет и в помине, а подземные пещеры пусты!» Вы уверены? Мне известно несколько старых заброшенных шахт, в которых с недавних пор творятся странные вещи...

Это шахта «Цветное золото» в Индии, одна из соляных шахт в США, туннель под горой Монблан в Италии и туннель на Кавказе под горой Андырчи, недалеко от Баксанского ущелья. Если бы вы заглянули в любое из этих подземелий, то увидели бы вот что: огромная ванна с водой не меньше физкультурного зала размером. Вокруг сотни приборов, которые следят за водой. А за приборами наблюдают... хоть и не гномы, но тоже люди таинственные — физики-экспериментаторы.

Что же гонит ученых под землю? Физики, как и гномы, прячутся от лучей. А точнее, их приборы не выносят лучей, только не солнечных, а космических — потоков энергичных частиц, приходящих на Землю из космоса.

Конечно, не все приборы так чувствительны, большинство прекрасно работает и на поверхности Земли. Да и мы с вами разгуливаем себе спокойно, никаких частиц не замечая. Дело в том, что частиц этих не слишком много: попадут на Землю всего несколько десятков частичек за день, да и те пролетят, не оставив следа. Но существуют такие опыты, когда и эти редкие гости могут навредить.

Физики проводят эксперименты, во время которых они наблюдают распады частиц. Распад частицы — это ее развал на несколько других частиц, которые разлетаются в разные стороны. Вот их-то и должны «поймать» экспериментаторы. А космические лучи могут помешать опыту, залетев в установку. Тогда установка дает сигнал, хотя никакого распада и в помине не было. Получается ложное срабатывание приборов. Не страшно еще, когда таких «обманных» распадов немного, например, сотая часть от настоящих распадов. А если ищут сверхредкий распад — всего-то десяток событий за год — как разглядеть его на фоне многих тысяч сигналов от космических частиц-пришельцев? Все равно, что искать свет маленького фонарика на фоне праздничной иллюминации.

Вот и забираются физики поглубже под землю, заслоняясь ею, как зонтиком, от космического «ливня».

Работать под землей совсем несладко: никаких специальных залов там нет, приходится ютиться в тех влажных и темных уголках, которые уготовила сама природа. Порой и приборы не выдерживают. Стоит ли ученым так мучиться?

Стоит. Физики ищут распад протона. Из протонов и нейтронов состоят ядра атомов всех элементов. По сути дела, все, что мы видим вокруг, наполовину состоит из протонов, и мы с вами тоже. Но позвольте, спросите вы, если протоны распадаются, то и нам предстоит это удовольствие — ничего себе перспектива, взять и распасться на глазах у друзей и родителей! Не волнуйтесь, все не так страшно. Хоть физики и предполагают, что протон распадается, они предсказывают ему долгую жизнь. Среднее время жизни протона — тысяча миллиардов миллиардов миллиардов лет. Это гораздо дольше, чем существует наша Вселенная.

Одно другого не легче: если протон живет так долго, то как можно надеяться увидеть его распад? Каждая частичка в отдельности может распасться и раньше и позже среднего времени жизни протона. Так и у людей, есть долгожители, а есть люди, умирающие рано, но вполне можно вычислить среднее время жизни человека. Так вот, если взять очень много протонов, например, обычной воды или железа, то среди этого множества может найтись и такой протончик, который распадется за время наблюдения. Точные расчеты теоретиков показывают, что в тонне воды за год должен распасться один протон. Чтобы увидеть несколько десятков распадов, а еще лучше — сотен, надо уже брать сотни, а то и тысячи тонн воды. И не просто брать, а тщательнейшим образом наблюдать за ней в течение года, ни на мгновение не отрывая взор от точных приборов.

Поиск протонного распада — это не погоня экспериментаторов за необычным явлением. Если распад протона удастся увидеть, это будет означать, что самые разные физические явления: взрыв атомной бомбы, свет, распады многих элементарных частиц — имеют одну общую основу. Ученые называют эту теорию Великим Объединением. Вот, оказывается, почему терпят лишения и преодолевают трудности физики в подземельях. Каждый следующий шаг в глубь науки, в глубь понимания того, как устроена природа, дается все с бóльшим трудом, но и каждое следующее открытие — удивительней предыдущего. Так что стоит постараться.

А. СЕМЕНОВ

зачем почему?

Живет ли на свете опоссум?

Зачем нам охранять животных, заносить их в «Красную книгу»? Лучше пусть остаются те, что приспособились к жизни в больших городах. Может, через несколько веков наша Земля будет состоять из одних городов.

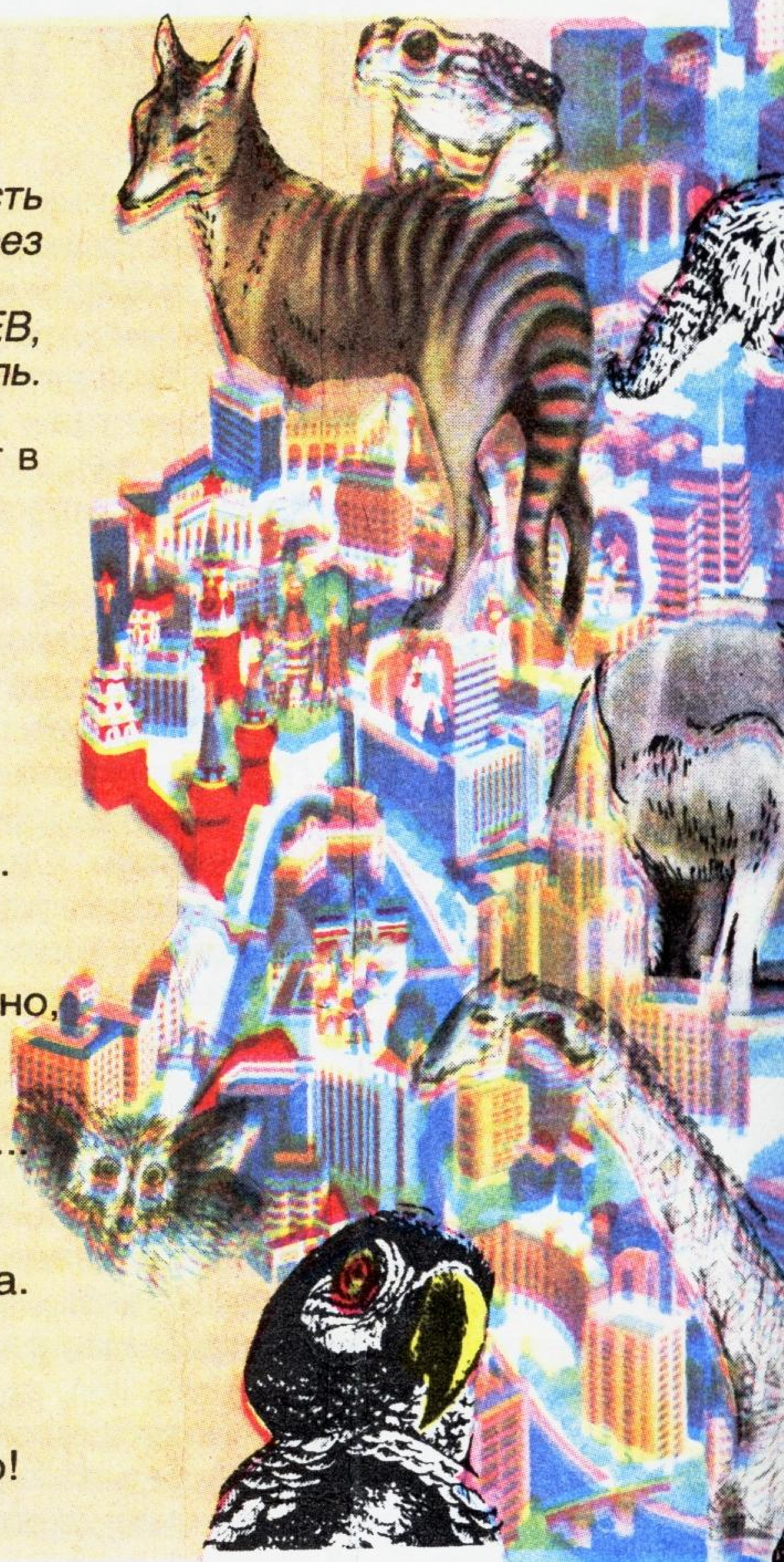
Артем ЗАЙЦЕВ,
г. Симферополь.

Письмо Артема мы показали поэту Веронике ДОЛИНОЙ, и вот какой ответ в стихах она ему написала.

Когда-то близ Детского мира
Я мог бы увидеть тапира.
Вблизи от Речного вокзала
Когда-то гуляла коала.
Где Детский Центральный театр —
Прогуливался аллигатор.
На площади у телеграфа
Встречалась прохожим жирафа...
Где нынче ремонт на Арбате —
Уже не слыхать о вомбате.
Меж дебрей прекрасного ГУМа
Гуляла атласная пума.
А в джунглях Петровского сквера
Спала преспокойно пантера.
Давно я сижу над вопросом:
Живет ли на свете опоссум?
И самый высотный пилот
Все ищет тебя, оцелот...
Найдитесь, лемуры и гризли,
И храбро шагайте по жизни!

Сыщись, наконец, какаду!
Хотя бы в ближайшем году.
А вы, утконос и ехидна?
Мне вас из окошка не видно.
Хотя и двадцатый этаж —
Лишь свалка видна да гараж...
Ах, редкие звери! Едва ли
Вы все бы у нас проживали.
И, в общем-то, было бы странно,
Гуляй средь Москвы игуана
И рыжие песики динго...
Летай над Москвою фламинго...

Но хочется, хочется жутко,
Чтоб выдалась в мире минутка.
Чтоб звери и люди собрались
И больше уже не подрались,
А жили бы вместе и дружно.
Ведь это всем только и нужно!

Самый-самый!

ВОЛЧИЙ АППЕТИТ

Говорят: «волчий аппетит», «голоден, как волк». А каков на самом деле аппетит у волка?

Считается, что волк, если он голоден, как волк, может съесть за один присест до 10 килограммов мяса — в общем, не так уж это и много. (Другое дело, что волки, когда нападают на стадо, не ограничиваются одной-двумя телками, которых вполне хватило бы на всю стаю, а убивают направо и налево без всякого расчета. Поэтому они и ущерб такой приносят.) Не надо забывать и того, что наесться до отвала волку, как и всякому хищнику, удается редко. По подсчетам зоологов, в среднем на волчью душу приходится в день всего по килограмму мяса.

Куда больше аппетит у травоядных, и это понятно: трава далеко не так питательна, как мясо. Даже самый прожорливый из хищников — тигр, который за один присест может умять 50 килограммов мяса, а за год съедает больше трех тонн, никуда не годный едок по сравнению со слоном, которому каждый день подавай по 360 килограммов корма да еще 90 литров воды для питья.

Мировой же рекорд аппетита принадлежит, конечно, китам. Они за сутки поедают по 5—10 тонн планктона, а детеныш синего кита выпивает в день по 580 литров материнского молока.

Впрочем, если принимать во внимание «весовую категорию» животного, то абсолютным чемпионом прожорливости придется признать не кита-великана, а... обыкновенного собачьего клеща. 5—10 тонн, которые съедает в сутки кит, — это всего 5% его собственного веса, а клещ, насосавшийся крови досыта, весит в 220 раз больше, чем голодный!

А. ДМИТРИЕВ

В шутку и всерьез

ШУБА ИЛИ ПОПУГАЙ?

— Зимнее пальто мне не покупайте!

Илюша, размахивая свежим номером научно-популярного журнала, ворвался на кухню. Родители, мирно попивавшие чаек, ответили покорно: ладно, не хочешь пальто — походишь в куртке с меховой подкладкой. Но мальчишка не унимался.

— Опять вы ничего не поняли. Куртки тоже не надо. Скоро климат потеплеет, и зимы вообще не будет.

...Что зимы не будет — об этом пишут давно. Все вы, наверное, слышали: воздух состоит из кислорода и азота. Но, кроме главных двух газов, в его составе есть и водяной пар, и углекислота, и многое другое. Так вот, главным виновником изменений климата считается углекислота, хоть там ее всего-то доли процента. Она хорошо поглощает теплоту. Когда-то углекислоты, пишут в журналах, было гораздо больше, и тепловое излучение нашей планеты не так сильно растрачивалось на «обогрев» космоса. Земля была как бы парником под крышей — вот и было на ней гораздо теплее. Но постепенно углекислоту «съедали» растения, которые ее вдыхают, а кислород в отличие от нас выдыхают,— и стало холодать.

Так шли дела до недавних пор, но теперь все изменилось. Люди стали сжигать много угля и бензина, а при этом как раз и получается углекислота.

Значит, ждите потепления,— разъяснил маме с папой Илюша...— А раз пальто не надо и куртки не надо, давайте на эти деньги купим большого попугая!

Папа возразил, что денег на баловство не останется, потому что взамен пальто потребуется катер.

Если на планете потеплеет, начнут таять ледники Арктики и Антарктики, уровень морей поднимется, и многие низменные места окажутся под водой. Так что по улицам нашего города, наверное, придется, как в Венеции, плавать на лодках. Пора копить деньги на катер!

В спор вступила мама.

— Не морочьте мне голову своим катером,— объявила она.— На земле вовсе не теплеет, а холодает. Об этом ясно написано в другом научно-популярном журнале. Приближается новое оледенение! До сих пор к нам в северное полушарие задували ветры, получавшие тепло от нагретой воды океанов, но скоро они дуть перестанут. Океаны остынут, если случится хотя бы одно очень сильное извержение вулкана. А оно рано или поздно случится. Уж что-что, а катер нам точно не понадобится...

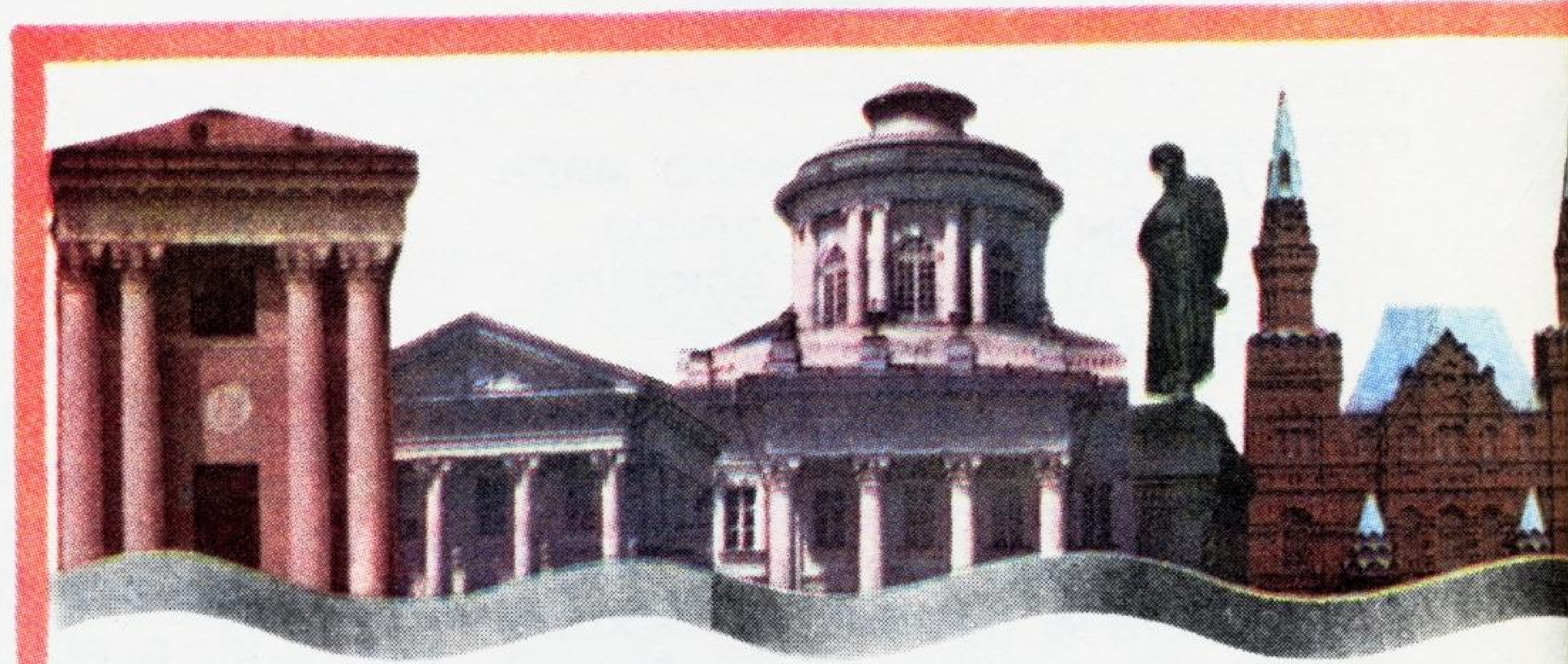
— Вулканы же горячие, они, наоборот, все нагревают! — цеплялся Илюша за последний шанс.

— Ничего не обогреют,— неумолимо возражала мама.— При сильном извержении выбрасываются миллионы тонн пыли. Она такая мелкая, что поднимается на десятки километров и висит там годами. Над всей Землей воздух делается менее прозрачным. Бывало даже, что после извержения почти переставали видеть Солнце. Ну, а раз его лучи до Земли не доходят, после извержения становится холодно.

— Выходит, придется ездить не на катере, а на лыжах. А лыжи у нас и так есть. Купим попугая! — торжествовал Илюша.

— Зачем же покупать? — засмеялся папа.— Подождем. Извержения, может, и не будет. А если климат все-таки потеплеет, то попугаи кругом будут задаром летать.

Он умолчал о том, что ждать придется лет пятьдесят, а может, и все сто. Климат-то меняется непрерывно, но очень медленно. А прогнозы насчет его будущего, честно говоря, пока не очень надежны. Хотя и делают их опытные специалисты, у которых есть самые лучшие счетные машины. Уж

больно сложная штука климат: ни у одной машины пока не хватает разумения точно предсказать погоду по всей Земле хотя бы на неделю. Что же говорить о десятилетиях и веках...

П. САВКО

А теперь посчитайте сами!

О блинах и хорошей погоде

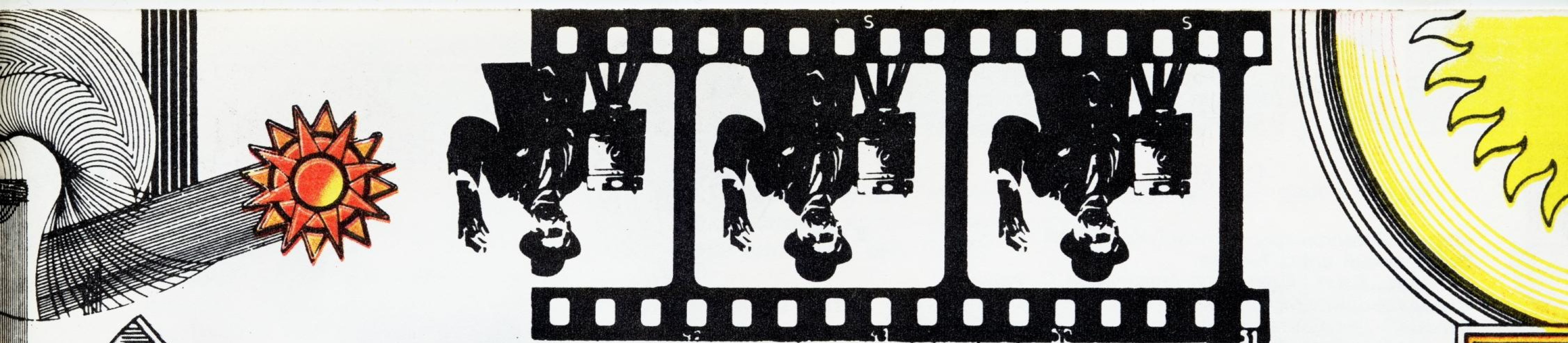
Мама приготовила тесто и стала печь блины. Работала ловко — каждую минуту на блюдо ложились два горячих блина... Прошло 6 минут — прибежали Илюша и Вова. Начали есть. Мама хватилась спустя две минуты, а блюдо-то пустое. Сколько блинов будет лежать на блюде в дальнейшем, если мама и Илюша будут действовать в том же темпе, а Вова убежит играть?

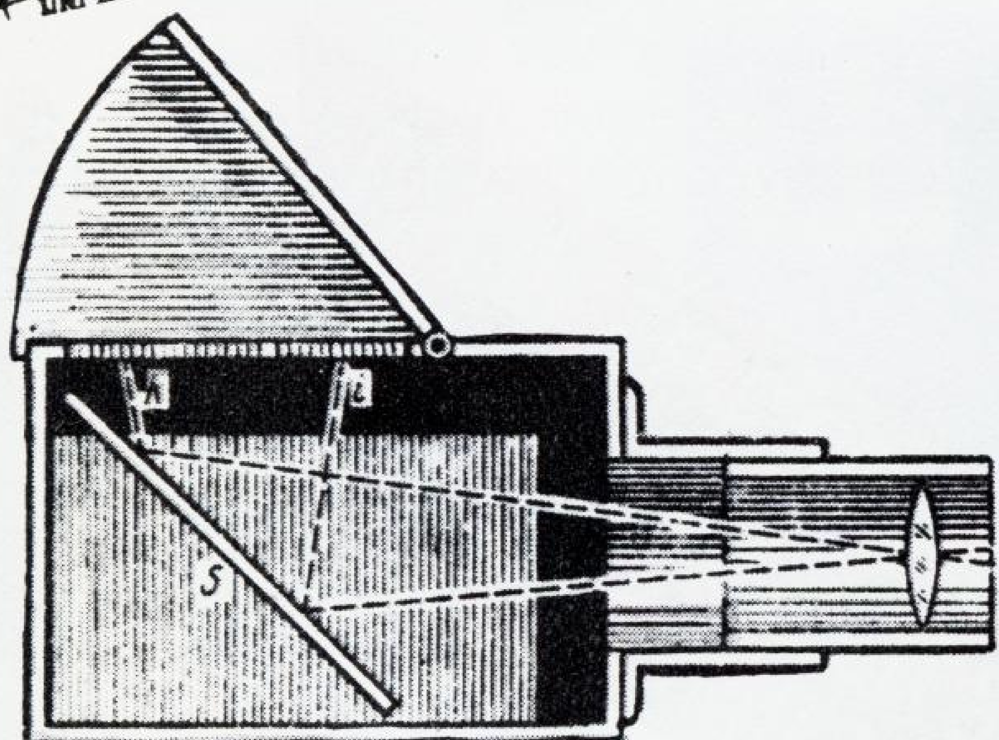
После того, как задачу решили, ответ проверьте, поднеся к странице зеркало.

ОТВЕТ

Когда мама посмотрела на блюдо, было испечено $2\cdot(6+2)=16$ блинов. Ребята съели их за две минуты. Значит, каждый из них съедает в минуту $\frac{16}{2\cdot 2}=4$ блина. Даже если Вова убежит, скорость поедания все равно будет превышать скорость выпекания, и на блюде не будет лежать ни одного блина. Разумеется, пока Илюша не наестся (а когда он наестся, в условии не сказано).

Похожие задачи нередко решают метеорологи, пытаясь предсказать, будет завтра дождь или солнце.

Домашняя лаборатория

По рецепту древних магов

Современному человеку трудно себе представить, как когда-то жили люди без телевидения, кино, фотографии. А ведь все это было изобретено совсем недавно: фотография в 1838 году, а кино и телевидение еще позже, уже в нашем веке.

А до этого на протяжении многих столетий тех, кто получал изображение людей и животных, если оно не было сделано рукой художника или скульптора, считали магами, волшебниками.

Еще 900 лет назад в трудах арабских ученых появилось описание волшебного ящика, дающего цветные движущиеся картинки. Затем на протяжении столетий в разных странах снова и снова изобретали это удивительное устройство. В сохранившихся записях изобретателей и свидетельствах потрясенных зрителей ему давали разные названия. Но в конце концов установилось одно общепринятое — камера-обскура. Obscurus — по-латыни — темнота. И название «камера-обскура» подчеркивает важную роль, которую играет темнота в этом устройстве.

Вот как описывает устройство камеры-обскуры итальянский ученый Джамбаттиста делла Порта, живший в XVI веке, в книге «Естественная магия»: «Надлежит закрыть все окна, так, чтобы не осталось никакой щели, через которую мог бы проникнуть свет, и все испортить. Укрепить в ставне медную или свинцовую доску и в доске той сделать круглую дырочку в мизинец диаметром... Тогда все предметы, освещенные солнцем, которые находятся вне, на улице, представятся на стене, бумаге или полотне как антиподы (вверх ногами), и что с правой стороны, то лево. Чем дальше от дырочки, тем изображение больше. Если приблизить бумагу или полотно, изображения покажутся меньше и ярче».

Можно сделать камеру-обскуру и поменьше — в коробке из-под обуви или из-под торта. Надо только, чтобы коробка плотно закрывалась, и в ней было достаточно темно. В передней стенке проделайте дырочку диаметром 1—2 миллиметра. Проверните ее иглой или шилом. В стенке напротив прорежьте окошко и закройте его матовым стеклом или промасленной бумагой. На этом экране вы будете наблюдать картинки.

В солнечный день камера-обскура дает яркое изображение, а в пасмурную погоду изображение можно увидеть, если накрыться с головой плотной светонепроницаемой тканью.

Яркость и четкость картинки увеличатся, если в дырочку вставить линзу. Подойдет линза от очков оптической силы в +4, +5 диоптрий. Тогда расстояние от одной стенки коробки до другой должно быть 20—25 сантиметров.

Камера-обскура сотни лет была хорошим помощником художникам, архитекторам, ученым. Изображение фиксировали, просто обводя его карандашом на бумаге. Портреты, пейзажи, полученные с помощью камеры-обскуры, пользовались большим успехом до середины прошлого века, пока их не вытеснила фотография.

Но и в современной науке камеру-обскуру иногда еще применяют. Например, для получения изображения в рентгеновских лучах.

Г. СТЕПАНОВ

Знаешь?

У Солнца обнаружено пылевое кольцо.

* * *

Световые волны разной длины оказывают разное действие на растения.

* * *

В Антарктиде найдены осколки метеорита возрастом 4,6 миллиарда лет.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Мальчиш-Кибальчиш.— Рисунок Л. Хачатряна.

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **В. П. ДУДКИНА.**

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.09.84.
Подписано к печати 19.09.84. А 12849. Формат $84\times60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,85.
Усл. кр.-отт. 31,17. Тираж 1670000 экз. Изд. № 2487. Заказ № 3459.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

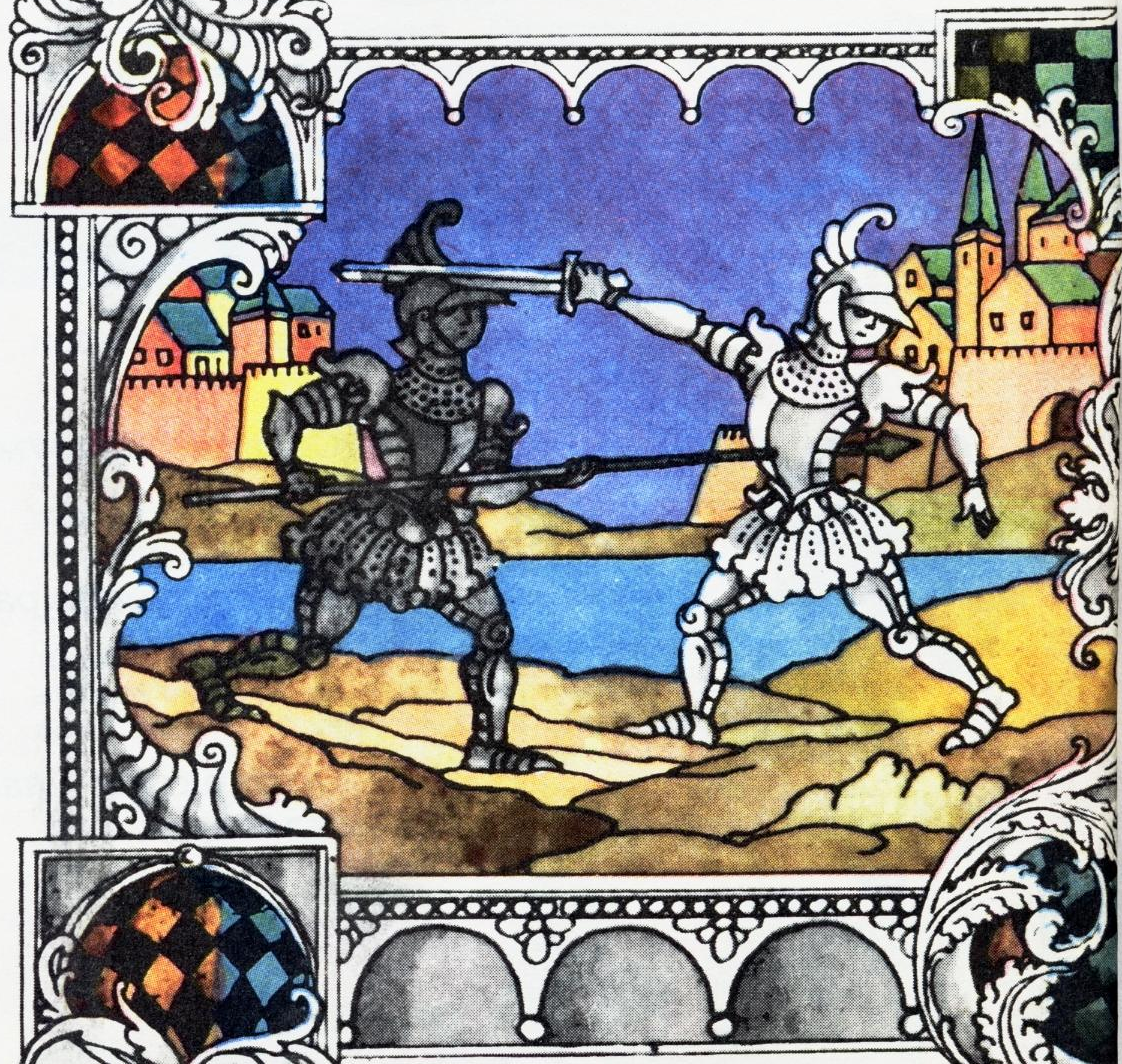

О матчах на первенство мира

Сейчас все вы, ребята, с волнением следите за развитием событий на матчах за «шахматную корону» между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым, который проводится в Москве, и Майей Чибурданидзе и Ириной Левитиной, который играется в Волгограде.

Много интересных партий сыграно на этих соревнованиях сильнейших шахматистов и шахматисток мира. Внимательный разбор партий поможет вам, ребята, понять законы стратегии и тактики шахмат, даст вам возможность повысить уровень своей игры.

Эти матчи на высшем уровне вновь подтверждают выдающиеся успехи нашей отечественной шахматной школы. Ныне миро-

вое первенство оспаривают только советские шахматисты и шахматистки.

Понятно, что в нашей почте немало писем ребят, интересующихся историей мировых первенств. **Сережа Павлов** (Краснодар) просит рассказать, кто был самым молодым чемпионом мира.

Рекорд здесь принадлежит Михаилу Талю и Анатолию Карпову. Они стали чемпионами мира в двадцатичетырехлетнем возрасте.

А Гарри Каспаров самый молодой в истории шахмат претендент на «шахматную корону» — ему 21 год.

«Кто из чемпионов мира дольше всех удерживал свое почетное звание?» На этот вопрос просит ответить **Андрей Носков** (Пермь).

Дольше всех это звание удерживал второй чемпион мира, Эм. Ласкер,— 27 лет. Но в его время чемпион мог годами не участвовать в соревнованиях. Ласкер стал чемпионом мира в 1894 году, а первый матч с претендентом играл в 1907 году.

Много лет владели «шахматной короной» А. Алехин и М. Ботвинник. С 1975 года чемпионом мира является А. Карпов.

«Кто из советских шахматисток первой завоевала звание чемпионки мира?» Об этом просит рассказать **Валя Лукина** (Уфа).

Первой нашей чемпионкой мира была ленинградская шахматистка Людмила Владимировна Руденко. Это звание она завоевала в 1950 году.

Мнение чемпиона мира

«Каково ваше отношение к преподаванию шахмат в школе?» — с таким вопросом обратился корреспондент газеты «Советская Эстония» к Анатолию Карпову. Вот что ответил чемпион мира.

«Приветствую все начинания в этом направлении. Шахматы — не просто спортивная игра, они активно влияют на формирование характера, личности человека, учат логике мышления, ответственности. И, кстати, хорошие шахматисты редко плохо учатся по основным предметам. Шахматы некоторым помогают найти себя в жизни. Для других остаются просто добрым спутником. Во всяком случае, я не встречал человека, который бы сказал, что шахматы ему помешали».

Незадолго до матча с Г. Каспаровым А. Карпов так охарактеризовал предстоящий поединок: «Матч наверняка будет сложным, и, вероятно, мы проведем порядка 25 поединков, прежде чем кто-либо выиграет необходимые шесть партий...»

Из нашей почты

Много любителей шахмат в школе № 5 г. Давлеканово (Башкирская АССР). Здесь проходят интересные турниры и матчи между командами разных классов. В турнире девочек, учениц четвертых и пятых классов, отличилась Гибадуллина, выигравшая все 15 партий. Наша судейская коллегия присвоила ей третий спортивный разряд. Четвертый разряд получили Нашимова, Мухамедзянова, Рахматуллина и другие девочки.

В турнире мальчиков победил Хамидуллин, набравший 17 очков из 19 возможных. Вместе с ним третий разряд получили Тригубкин, Морозов и Шайхисламов. Восьми другим ребятам присвоен четвертый спортивный разряд.

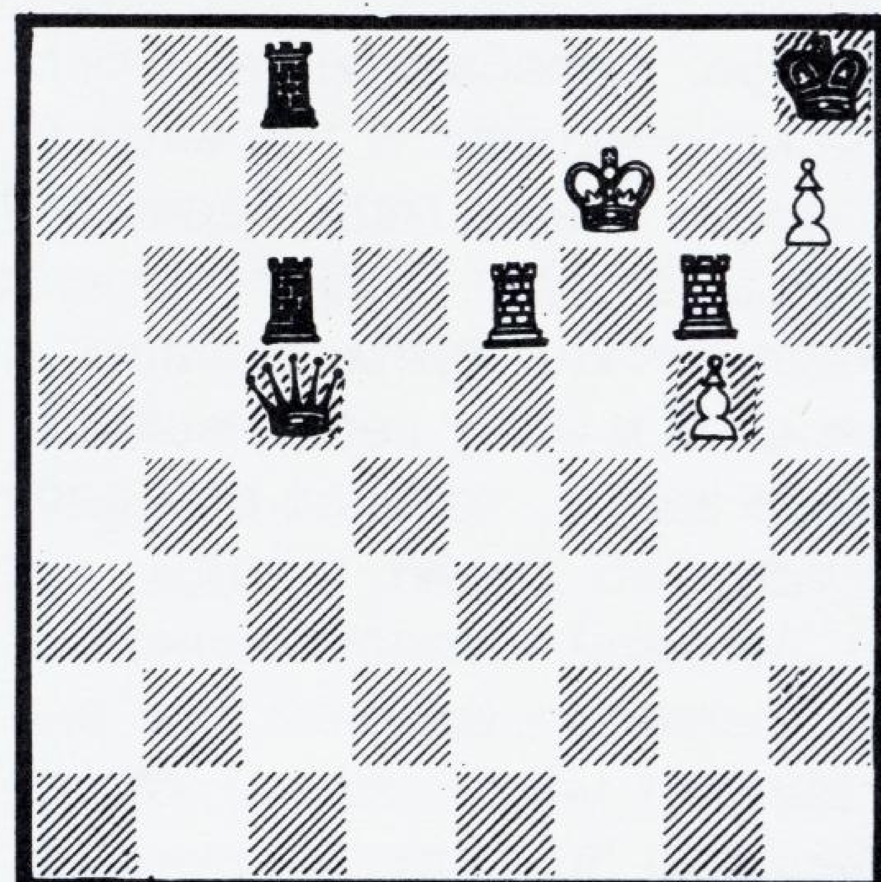
Молодец!

Юля Авдеева учится в четвертом классе иркутской школы № 15. Юля была моложе всех участниц первенства города среди девочек и тем не менее уверенно заняла первое место. Она выиграла все девять партий турнира. У Юли второй спортивный разряд.

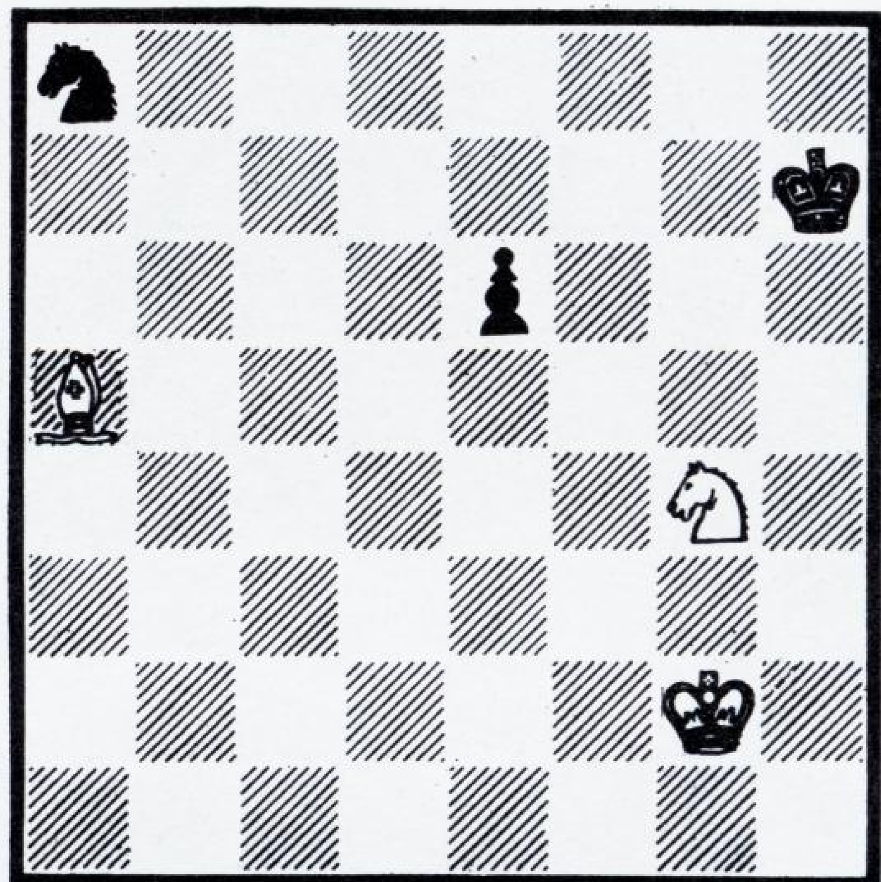
А чемпионами Иркутска среди школьников старшего возраста стали перворазрядники В. Светник (17-я школа) и А. Широковский (34-я школа). Отважно сражалась в этом соревновании перворазрядница Таня Бутакова, занявшая место в группе лидеров. Ей вручен приз горкома комсомола «За волю к победе».

Пионерская шахматная школа

У черных в позиции на диаграмме большой материальный перевес, у них лишний ферзь. И все же белым удается, начиная игру, добиться ничьей. Каким образом?

Удастся ли вам выиграть в таком положении?

Конь черных попал в офсайд. Для победы белым надо забрать этого коня. Дальнейший план игры ясен. Белые направятся королем к полю а8, черный король поспешит на выручку своему коню.

Как может сложиться дальше борьба?

А теперь представим себе, что вам удалось выиграть злополучного коня а8. Пешку е6 черным тогда, конечно, не удержать. А как дается мат слоном и конем, во сколько ходов он достигается?

Ждем ваших писем, ребята.

РАВНЕНИЕ — НА ЗНАМЯ

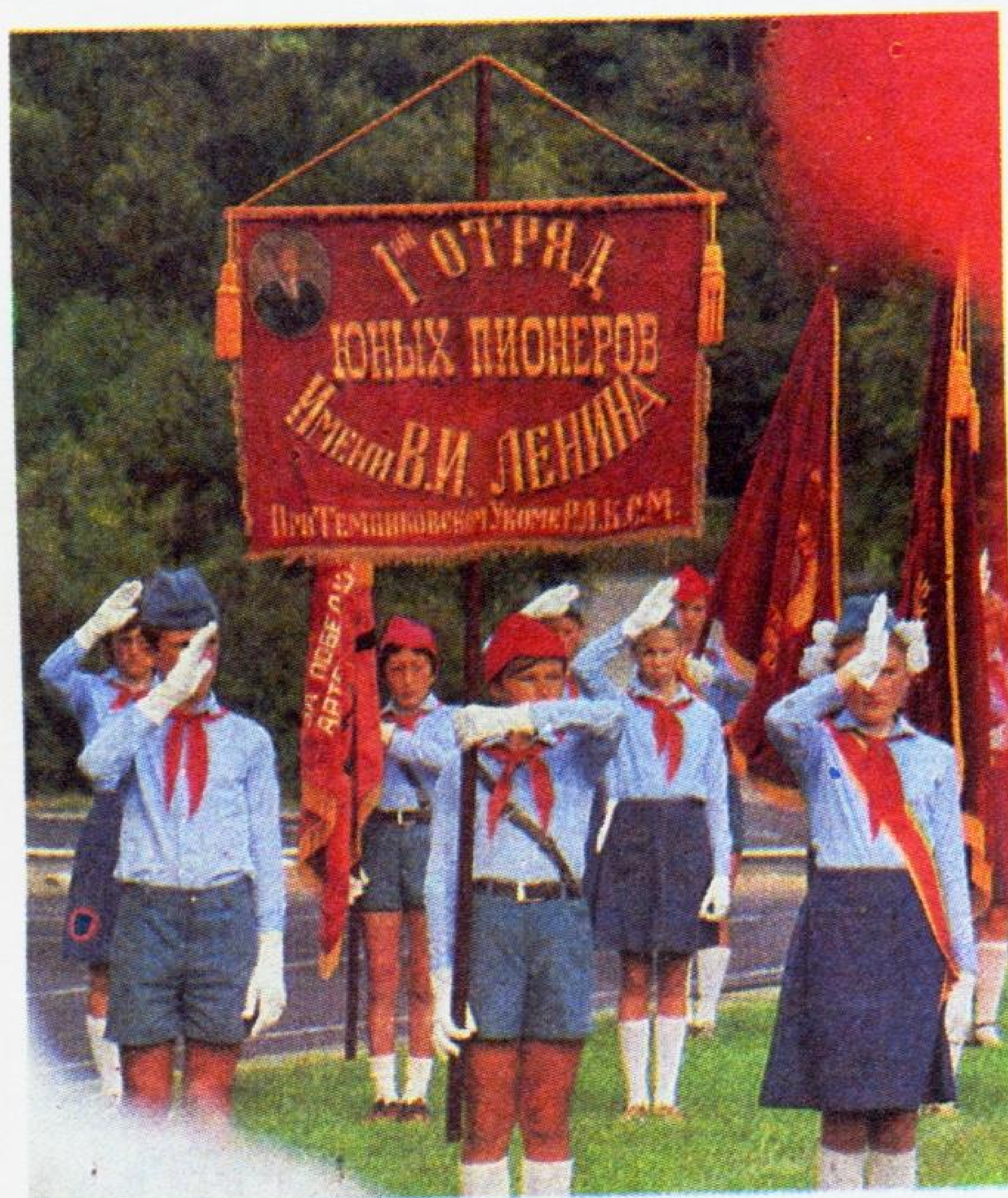
В августе во Всероссийском пионерском лагере «Орленок» проходил Всесоюзный сбор знаменосцев памятных Красных знамен, горнистов, барабанщиков. Сбор был посвящен 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Красное знамя, горн, барабан. Какой отряд, какая дружина может обойтись без них? Трубят горны, собирая пионеров, звучат барабаны, отбивая четкий ритм, овевают колонны юных ленинцев Красные знамена. И в нашу сегодняшнюю жизнь входит История. Потому что Красное знамя, которое сегодня развевается над колоннами пионеров, когда-то давно, в годы гражданской, годы первых пятилеток, годы Великой Отечественной осеняло наших дедов и отцов. Под этим Красным знаменем шли они на бой и на труд, защищали Знамя как символ чести своего класса, своей Родины.

Пионеры 80-х годов принимают Красные знамена как эстафету. Равняться на Знамя — значит для юных ленинцев быть верными Советской Отчизне, твердо отстаивать дело Труда и Мира.

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.